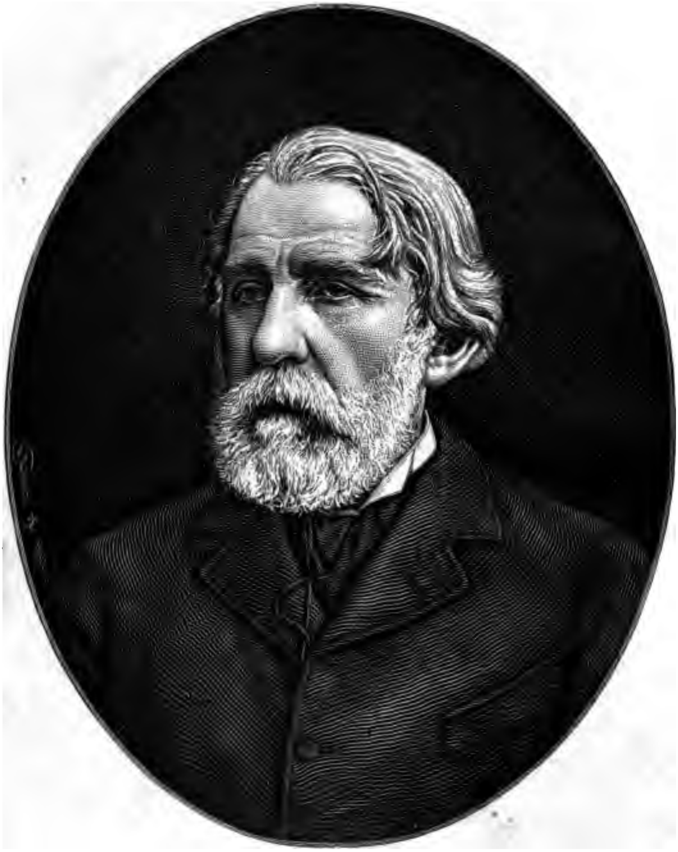
1048. Ценз. Спб., 19 августа 1894 г. Тип. Тов. «Общ. Польза»

И. С. Тургеневъ.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

И. С. ТУРГЕНЕВЪ.

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Евгенія Соловьева.

Съ портретомъ Тургенева, гравированнымъ въ Петербургѣ К. Адтомъ.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Контрагентства жел. дорогъ, Лиговская ул., 89, уг. Свѣчнаго пер.
1894.

Дозволено цензурою. Спб. 3 Іюля 1894 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Источники и пособія.

1. *И. С. Тургеневъ.* Полное собраніе сочиненій.
2. *С. Венгеровъ.* Критическіе этюды.
3. *Письма И. С. Тургенева.* Изд. литературнаго фонда.
4. **Иностранная критика** о Тургеневѣ.
5. Статьи: 1) Бѣлинскаго.
   2) Добролюбова.
   3) Антоновича.
   4) Чернышевскаго.
   5) Писарева.
   6) Н. К. Михайловскаго.
   7) Анненкова.
6. Воспоминанія Панаева и Панаевой-Головачевой.

Предисловіе.

Все въ мірѣ періодично или ритмично, какъ принято выражаться теперь: самое солнце грѣетъ не одинаково и ему порою бываетъ надо отдохнуть, успокоиться, и оно отдыхаетъ, покоится 10—12 лѣтъ, чтобы потомъ засверкать съ необычною силой. Въ жизни каждаго народа бываютъ эпохи напряженія силъ и ихъ упадка, эпохи равнодушія и ненависти, стремленія къ матеріальному благосостоянію и къ громкимъ, смѣлымъ дѣламъ. Законы этого ритма, этой періодичности таинственны и пока совершенно неизвѣстны наукѣ, которая лишь присматривается къ факту, не имѣя силы объяснить его. Но самое явленіе періодичности, ритма—несомнѣнно въ жизни солнца или жизни искусства.

Есть эпохи «возрожденія», «упадка» и самыя грустныя—переходныя, когда таланты не даютъ ничего положительнаго, цѣльнаго, а лишь обѣщаютъ дать что-то, повидимому важное, новое, хотя и неизвѣстно чтò. Такую эпоху переживаемъ мы теперь. Въ другое время даже слабая сравнительно сила распускается полностью, поражаетъ яркостью своихъ красокъ. Иногда все живетъ точно окутанное осеннимъ туманомъ, иногда—при полномъ солнечномъ блескѣ...

Въ жизни искусства есть своя таинственная періодичность. Многіе, начиная съ Аристотеля, пытались пояснить ея законы понятными для насъ причинами. Аристотель говорилъ: «искусство достигаетъ *наивысшаго* блеска, когда человѣкъ *наиболѣе* хочетъ жить...» Но мы не можемъ принять этого объясненія: факты противорѣчатъ ему. Бокль утверждалъ, что расцвѣтъ искусства совпадаетъ съ расцвѣтомъ *любознательности* вообще, т. е. науки. Исторія несогласна и съ нимъ. Спенсеръ предложилъ формулу, которая представляется наиболѣе вѣроятной. Онъ говоритъ, что область искусства—прошлое, воспоминаніе, что высочайшіе образцы художественнаго творчества появляются лишь тогда, когда какая-нибудь историческая эпоха пережила себя и исчезаетъ въ вѣчность. Такъ было въ Греціи, Римѣ, Англіи. Софоклъ, Фидій, Эврипидъ, Аристофанъ явились въ концѣ доблестной эпохи

эллинской жизни; въ ихъ время уже начался упадокъ нравовъ и даже полное ихъ крушеніе. Римское искусство, кромѣ краснорѣчія, все цѣликомъ принадлежитъ періоду имперіи и упраздненной республики. Шекспиръ, живя въ XVII-омъ вѣкѣ, вдохновлялся средневѣковыми феодальными нравами, Мильтонъ былъ послѣдній изъ пуританъ, итальянецъ Данте похоронилъ католицизмъ, Сервантесъ—рыцарство, Рабле—средневѣковые нравы и воспитаніе...

Не то же ли самое было и у насъ? Крѣпостная, дореформенная Русь въ годы своей агоніи выдвинула цѣлую плеяду первоклассныхъ талантовъ. Корни творческаго вдохновенія Гоголя, Тургенева, Гончарова, Толстого, Островскаго, Достоевскаго въ той эпохѣ, когда «крѣпостное право стояло, какъ скала». Крѣпостному праву можно было воспѣвать панегерики, воплотивъ его сущность въ мистическія и привлекательныя формы кротости, смиренія, всепрощенія,—какъ то дѣлалъ Гоголь въ «Перепискѣ»,—можно было безстрастно анализировать его, какъ Гончаровъ, относиться къ нему съ горячей ненавистью, какъ Тургеневъ,—это безразлично: образы великихъ художниковъ выросли на почвѣ, уже выслушавшей свой смертный приговоръ отъ исторіи,—на почвѣ, уходившей изъ подъ ногъ.

Истинно художественный образъ—цѣльный образъ, какъ Ричардъ III, Фальстафъ, Король Лиръ, Донъ-Кихотъ, или наши—Маниловы, Собакевичи, Коробочки. Но, чтобы изобразить цѣльный образъ, художникъ долженъ имѣть его передъ глазами. Это возможно лишь въ эпоху, когда общественныя отношенія сложились въ опредѣленную форму и какъ бы застыли въ ней, т. е.—въ эпоху умирающую. Такова мысль Спенсера. Слейте ее съ мыслью Аристотеля и вы получите простую формулу, а именно: «расцвѣтъ искусства совпадаетъ съ періодомъ, когда извѣстная, опредѣленно и рѣзко сложившаяся историческая эпоха умираетъ, но уже занимается заря новой жизни, и человѣкъ особенно страстно и нетерпѣливо хочетъ жить и безпокойно мечется, выискивая того неяснаго, таинственнаго новаго, что́ сулитъ ему счастье»...

Такимъ періодомъ были 40-ые годы.

«Крѣпостное право стояло, какъ скала» — на бумагѣ и въ оффиціальномъ смыслѣ слова; крѣпостныя отношенія трещали по всѣмъ швамъ—въ дѣйствительности. На нихъ нападали со всѣхъ сторонъ, ихъ таранили, какъ осажденную, готовую сдаться, но внушительную своими могучими, покрытыми сѣрымъ мхомъ стѣ*нами — крѣпость. Наверху* происходили постоянныя тайныя за-

сѣданія комитетовъ «по крестьянскимъ дѣламъ», и дѣло освобожденія Николай I-й сознательно завѣщалъ своему преемнику. *Внизу* крѣпостные волновались и буянили безпрестанно: ихъ то и дѣло приходилось укрощать штыками и пушками. *Въ срединѣ* происходило что-то особенно странное и интересное. Тамъ были помѣщики, стыдившіеся своихъ правъ и доходовъ, были дворяне-интеллигенты, жившіе на счетъ крестьянъ и дававшіе себѣ клятву бороться противъ крѣпостничества, — были люди, проникнутые идеями Леру, Жоржъ Занда, были и собиравшіе оброкъ. Но всякому осмысленному человѣку было не ловко, стыдно, не по себѣ. По своей слабости онъ жилъ, какъ всѣ, заключалъ договоры, прикупалъ и продавалъ деревни, т. е. въ сущности бабъ и мужиковъ, а между тѣмъ какой-то червь безпрестанно глодалъ его сердце, не давалъ ему покоя и возможности полностью насладиться жизнью. Этотъ червь было сознаніе своей неправоты, укоръ совѣсти за рабство... «Хлѣбъ, воздѣланный рабами, не шелъ имъ впрокъ»—сказалъ про такихъ Некрасовъ.

Объясняя въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ причины, почему его тянуло заграницу даже въ годы юности, Тургеневъ говоритъ между прочимъ: «Могу сказать о себѣ, что лично я вполнѣ ясно сознавалъ всѣ невыгоды подобнаго отторженія отъ родной почвы, подобнаго насильственнаго перерыва всѣхъ связей и нитей, прикрѣплявшихъ меня къ тому быту, среди котораго я выросъ... но дѣлать было нечего... Тотъ бытъ, та среда и, особенно та полоса ея, къ которой, если можно такъ выразиться, я принадлежалъ, полоса помѣщичья, крѣпостная — не представляла ничего такого, что могло бы удержать меня... Напротивъ, почти все, что́ я видѣлъ вокругъ себя, возбуждало во мнѣ чувство смущенія, негодованія—отвращенія наконецъ... Я не могъ дышать однимъ воздухомъ, оставаться рядомъ съ тѣмъ, что́ я возненавидѣлъ; для этого у меня недоставало вѣроятно надлежащей выдержки, твердости характера. Мнѣ необходимо нужно было удалиться отъ моего врага за тѣмъ, чтобы изъ самой моей дали сильнѣе напасть на него. Въ моихъ глазахъ врагъ этотъ имѣлъ опредѣленный образъ, носилъ извѣстное имя—врагъ этотъ былъ крѣпостное право. Подъ этимъ именемъ я собралъ и сосредоточилъ все, противъ чего я рѣшился бороться до конца, — съ чѣмъ я поклялся никогда не примиряться. Это была моя аннибаловская клятва, и ни я одинъ далъ ее себѣ тогда. Я и на Западъ ушелъ, чтобы лучше ее исполнить»...

Николаевичъ и, воспользовавшись случаемъ, тутъ же, по гусарски, безъ дальнихъ околичностей просилъ руки своей партнерши. Та согласилась, и свадьба состоялась. Отецъ Тургенева вскорѣ вышелъ въ отставку и вмѣстѣ съ женою поселился въ ея громадномъ имѣніи Спасскомъ, гдѣ и зажилъ съ причудливой, иногда безумной роскошью. Прибавивъ къ этому, что Тургеневъ-отецъ былъ красивый и видный мужчина громаднаго роста, характера мягкаго и переимчиваго, хлѣбосолъ и страстный охотникъ, мужъ, хотя и не очень влюбленный въ свою жену, но уважавшій и даже побаивавшійся ея,—мы узнаемъ о немъ все, чтó намъ нужно.

Неизмѣримо типичнѣе и интереснѣе мать Тургенева, Варвара Петровна, эта жестокая, властная женщина, многими чертами своего характера напоминающая знаменитую Салтыкову. Вотъ ея наружность: «Некрасивая собою, небольшого роста, немного сутуловатая, она имѣла длинный и вмѣстѣ съ тѣмъ широкій носъ, съ глубокими порами въ кожѣ, отчего онъ казался какъ бы изрытымъ оспой. Глаза у ней были черные, злые, непріятные, лицо смуглое, волосы черные, какъ смоль; осанку она имѣла гордую, надменную величавую, тяжелую; характеръ мстительный, властный, жестокій». Разумѣется, всѣмъ въ домѣ заправляла она, а не мужъ, все трепетало отъ ея взгляда, все преклонялось передъ ея упрямой, непреклонной волей. Сколько людей подвергла она истязаніямъ, сколькихъ сослала въ Сибирь, отдала въ солдаты—сосчитать это трудно, но сцены разнузданнаго барскаго произвола разыгрывались въ Спасскомъ ежедневно. Любопытенъ обиходъ, который мать Тургенева завела у себя въ имѣніи. Многочисленную дворовую челядь она распредѣлила на классы и чины, какъ при дворѣ; дворецкій назывался министромъ двора и фамилію ему придали такую, какую носилъ тогдашній шефъ жандармовъ—Бенкендорфъ; мальчикъ, завѣдывавшій полученіемъ и отправкой писемъ, именовался «министромъ почтъ». Этикетъ соблюдался строгій. Сама гордая владѣтельная помѣщица рѣдко показывалась на глаза; безъ ея разрѣшенія никто не смѣлъ съ нею заговорить—иначе виновному грозило жестокое наказаніе.

«Является напримѣръ кто нибудь изъ ея «министровъ» съ докладомъ, останавливается подобострастно у дверей и терпѣливо ждетъ разрѣшительнаго жеста повелительницы говорить; если Варвара Петровна минуты съ двѣ знака не подавала, значило, что докладъ она выслушивать теперь не можетъ,—и «министръ» робко удалялся прочь. Приходъ почты возвѣщался обыкновенно большимъ *колоколомъ,* затѣмъ почтальоны съ колокольчиками бѣгали по кор-

ридорамъ обширнаго дома, а «министръ почтъ», одѣтый по формѣ, преподносилъ на серебряномъ подносѣ газеты и письма, адресованныя на имя госпожи.»

«Она даже велѣла сдѣлать себѣ особенныя носилки съ стекляннымъ колпакомъ въ видѣ не то кареты, не то кіоты, такъ какъ ходить на открытомъ воздухѣ она не рѣшалась, боясь свирѣпствовавшей въ то время холерной заразы. Подъ этимъ колпакомъ она садилась въ мягкое кресло, и ее носили по улицамъ особенно приставленные къ этому крѣпостные люди.»

Нѣсколько фактовъ прекрасно охарактеризуютъ намъ жестокость матери Тургенева. Полагаю, всякій помнитъ прекрасный разсказъ изъ «Записокъ Охотника», озаглавленный «Муму». Въ этомъ разсказѣ передано истинное происшествіе и фигурирующая въ немъ помѣщица—сама Варвара Петровна. Сущность «Муму» сводится къ слѣдующему: нѣмой мужикъ Герасимъ оторванъ, по прихоти барыни, отъ земли, которую онъ страстно любитъ, переведенъ въ городъ и сдѣланъ дворникомъ. Свыкшись съ новымъ дѣломъ и примирившись съ судьбою, Герасимъ на бѣду влюбляется въ кроткую и безотвѣтную дворовую дѣвушку Таню. Но барыня не даетъ своего согласія на бракъ и женитъ на Танѣ пьяницу сапожника Капитона, чтобы тотъ протрезвѣлъ. Герасимъ покоряется и здѣсь, но его доброе сердце ищетъ привязанности, и маленькая собаченка Муму становится лучшимъ и единственнымъ его другомъ. Увы однако!—Муму не ладитъ съ барыней, огрызается на ея ласки, раздражаетъ ее своимъ лаемъ. Выходитъ приказъ удалить Муму со двора. Въ отчаяніи Герасимъ рѣшается самъ утопить свою любимицу и со слезами на глазахъ привязываетъ ей камень на шею и бросаетъ въ воду.

Карлейль называлъ этотъ разсказъ самымъ трогательнымъ изъ всѣхъ, которые ему приходилось читать. Онъ правъ, пожалуй: благодаря чудному таланту Тургенева, вы видите, какъ вмѣстѣ съ преданной собаченкой тонетъ въ водѣ живое человѣческое сердце, оскорбленное, униженное, измятое дикимъ произволомъ.

Былъ у В. П. крѣпостной мальчикъ Порфирій Кудряшовъ, котораго она отправила вмѣстѣ съ сыномъ заграницу въ качествѣ «казачка». Замѣтивъ рѣдкія способности послѣдняго, Тургеневъ много работалъ надъ его развитіемъ. Овладѣвъ нѣмецкимъ языкомъ и подготовившись къ экзамену, Кудряшовъ поступилъ студентомъ медицинскаго факультета въ одинъ изъ германскихъ университетовъ. Тургеневъ, зная властолюбіе своей матери, у которой онъ напрасно и долго просилъ для Кудряшова вольную, убѣж-

далъ его не возвращаться въ Россію. Кудряшовъ повидимому поддался совѣтамъ своего молодого друга и далъ слово остаться «у нѣмцевъ». Но каково же было удивленіе Тургенева, когда, простившись съ Кудряшовымъ, онъ увидѣлъ его въ конторѣ дилижансовъ съ узелкомъ и походной сумкой черезъ плечо. «Ты это куда, Порфирій?» «Въ Россію ѣду». «Какъ! Да вѣдь у тебя тутъ невѣста!»—«Христосъ съ нею, съ невѣстой!.. Родина милѣе». Кудряшовъ вернулся въ Спасское, гдѣ барыня немедленно обратила его въ безотлучнаго домашняго врача при своей особѣ. Перейдя на положеніе двороваго, Кудряшовъ запилъ горькую... Такъ-же поступила В. П. съ другимъ талантливымъ крѣпостнымъ. Она научила его живописи и затѣмъ заставила съ утра до вечера рисовать для себя все тѣ-же и тѣ-же цвѣты. Бѣдняга спился.

Вотъ что ежедневно и ежеминутно видѣлъ около себя Тургеневъ въ годы дѣтства и юности. Обстановка была не такова, чтобы въ ней могла развиться сила характера, тѣмъ болѣе, что Тургеневъ получилъ повидимому отъ отца свою мягкую и доброжелательную, лишенную энергіи натуру; но видѣннаго и слышаннаго въ Спасскомъ было вполнѣ достаточно для воспитанія въ сердцѣ ненависти и отвращенія къ крѣпостничеству.

Въ такомъ же почти отдаленіи отъ своей особы, какъ и дворню, и въ такой же строгой дисциплинѣ держала В. П. и трехъ своихъ сыновей: Николая, Ивана и Сергѣя. И для нихъ она была прежде всего грознымъ судіей, безжалостно наказывая за всякую провинность. Тургеневъ впослѣдствіи самъ вспоминалъ, что драли его жестоко за всякіе пустяки и чуть не каждый день.

— Да, въ ежовыхъ рукавицахъ держали меня въ дѣтствѣ—говаривалъ онъ часто,—и матери моей я боялся, какъ огня. Взыскивали съ меня за все, точно съ рекрута николаевской эпохи, и только разъ, помню, одна моя выходка совершенно непостижимымъ образомъ прошла для меня безнаказанно. Сидѣло за столомъ большое общество и зашелъ разговоръ, какъ зовутъ чорта—Вельзевуломъ ли, сатаной ли, или какъ нибудь иначе. Всѣ недоумѣвали. «А я знаю!»—вырвалось у меня. «Ты?»,—строго посмотрѣвъ на меня, спросила мать.—«Я.» «Какъ же? Говори!»—«Мемъ.» «Мемъ? Почему же?»—«А когда въ церкви изгоняютъ чорта, всегда говорятъ: «вонъ—Мемъ» («вонлемъ»). Всѣ разсмѣялись, и я счастливо выбрался изъ бѣды».

Воспитаніе дѣтей лежало главнымъ образомъ на гувернерахъ, *французахъ* и нѣмцахъ, которые выписывались прямо изъ за-

границы въ Спасское. Мало образованные, забитые, жалкіе, сразу по пріѣздѣ поступавшіе въ разрядъ дворни,—они, разумѣется, не могли оказывать особеннаго вліянія на дѣтей и плюсъ ихъ дѣятельности сводится лишь къ обученію иностраннымъ языкамъ. Тургеневъ любилъ вспоминать своихъ гувернеровъ и разсказывалъ про нихъ не мало анекдотовъ.

«Живо помню,—говорилъ онъ напр.,—какъ одинъ чудакъ-нѣмецъ пріѣхалъ къ намъ съ клѣткою, въ которой сидѣла самая простая, обыкновенная, даже неученая ворона. Вся многочисленная дворня наша сбѣжалась посмотрѣть на диковиннаго нѣмца, который возился надъ своей вороной; дворня недоумѣвала, для чего ее нѣмецъ притащилъ, когда этого добра было не занимать-стать у насъ на дворѣ.

«Старикъ-дворовый, глядя на его суетню, флегматично замѣтилъ: «ахъ ты, фуфлыга», обращаясь конечно къ нѣмцу. Нѣмецъ обидѣлся, задумался и на другой день за завтракомъ или обѣдомъ неожиданно обратился къ отцу и, весьма плохо объясняясь по-русски, заявилъ ему, что онъ имѣетъ спросить его по одному предмету.

— Позвольте у васъ узнать, что̀ значитъ слово «фуфлыга»? Меня вчера назвалъ вашъ человѣкъ этимъ словомъ.—Отецъ, взглянувъ на тутъ же бывшаго двороваго и на меня съ братомъ, догадался, въ чемъ дѣло, улыбнулся и сказалъ:

— Это значитъ живой и любезный господинъ.

Видимо нѣмецъ не очень то повѣрилъ этому объясненію. «А еслибы вамъ сказали,—продолжалъ онъ, обращаясь къ отцу моему,—ахъ, какой вы фуфлыга!—вы бы не обидѣлись?»

— Напротивъ, я принялъ бы это за комплиментъ.

«Нѣмецъ этотъ былъ чрезвычайно чувствителенъ. Начнетъ читать ученикамъ что нибудь изъ Шиллера и всегда съ первыхъ же словъ расплачется. Впрочемъ жилъ онъ у насъ не долго. Скоро узнали, что онъ не болѣе какъ сѣдельникъ, никакой педагогической подготовки до пріѣзда къ намъ не имѣлъ,— и его уволили.»

Въ этомъ странномъ воспитаніи на русскую грамоту—а о литературѣ нечего уже и говорить—почти не обращали вниманія. Читать и писать Тургеневъ научился неизвѣстно когда и даже неизвѣстно какимъ образомъ, по всей вѣроятности отъ дворни. Одинаково одинъ изъ дворовыхъ ознакомилъ его и съ родной литературой. Дѣло ознакомленія происходило слѣдующимъ образомъ, по разсказу самого Тургенева:

«Невозможно передать чувства, котораго я испытывалъ, когда, улучивъ удобную минуту, Пунинъ внезапно, словно сказочный пустынникъ или добрый духъ, появлялся передо мною съ увѣсистой книгой подъ мышкой и, украдкой кивая длиннымъ, кривымъ пальцемъ и таинственно подмигивая, указывалъ головой, бровями,

плечами, всѣмъ тѣломъ на глубь и глушь сада, куда никто не могъ проникнуть за нами и гдѣ невозможно было насъ отыскать! И вотъ удалось намъ уйти незамѣченными; вотъ мы благополучно достигли одного изъ нашихъ тайныхъ мѣстечекъ; вотъ мы сидимъ уже рядкомъ, вотъ уже и книга медленно раскрывается, издавая рѣзкій, для меня тогда неизъяснимо пріятный запахъ плѣсени и старья! Съ какимъ трепетомъ, съ какимъ волненіемъ нѣмотствующаго ожиданія гляжу я въ лицо, въ губы Пунина—въ эти губы, изъ которыхъ вотъ, вотъ польется сладостная рѣчь. Раздаются наконецъ первые звуки чтенія... Все вокругъ исчезаетъ... нѣтъ, не исчезаетъ, а становится жалкимъ, заволакивается дымкой, оставляя за собой одно лишь впечатлѣніе чего-то дружелюбнаго и покровительственнаго... Пунинъ преимущественно придерживался стиховъ, звонкихъ, многошумныхъ стиховъ: душу свою онъ готовъ былъ положить за нихъ! Онъ не читалъ, онъ выкрикивалъ ихъ торжественно, заливчато, раскатисто, въ носъ, какъ опьянѣлый, какъ изступленный, какъ Пиѳія! И еще вотъ какая за нимъ водилась привычка: сперва прожужжитъ стихъ тихо, въ полъ-голоса, какъ бы бормоча. Это онъ называлъ читать на черно, потомъ уже грянетъ тотъ же самый стихъ на бѣло и вдругъ вскочитъ, подниметъ руки не то молитвенно, не то повелительно. Такимъ образомъ мы прочли съ нимъ не только Ломоносова, Сумарокова и Кантеміра (чѣмъ старѣе были стихи, тѣмъ больше они приходились Пунину по вкусу),—но даже «Россіяду» Хераскова! И правду говоря, она, эта самая «Россіяда», меня въ особенности восхитила. Тамъ между прочимъ дѣйствуетъ одна мужественная татарка, великанша-героиня; теперь я самое имя ея позабылъ, а тогда у меня и руки, и ноги холодѣли, какъ только оно упоминалось! «Да! —говаривалъ бывало Пунинъ, значительно кивая головой:—Херасковъ—тотъ спуску не дастъ! Иной разъ такой выдвинетъ стишокъ,—просто зашибетъ... Только держись!.. Ты его постигнуть желаешь, а ужъ онъ вотъ гдѣ! и трубитъ, трубитъ, аки кимвалонъ! За то ужъ и имя ему дано! одно слово Херрасковъ!!»—Ломоносова Пунинъ упрекалъ въ слишкомъ простомъ и вольномъ слогѣ, а къ Державину относился почти враждебно, говоря, что онъ болѣе царедворецъ, нежели піита... Въ нашемъ домѣ не только не обращали никакого вниманія на литературу и поэзію, но даже считали стихи, особенно русскіе стихи, за нѣчто совсѣмъ непристойное и наглое; бабушка ихъ даже не *называла* стихами, а кантами; всякій сочинитель кантовъ былъ,

по ея мнѣнію, либо пьяница горькій, либо круглый дуракъ. Воспитанный въ подобныхъ понятіяхъ, я неминуемо долженъ былъ либо съ гадливостью отвернуться отъ Пунина—онъ же къ тому былъ неопрятенъ и неряшливъ, что тоже оскорбляло мои барскія привычки—либо, увлеченный и побѣжденный имъ, послѣдовать его примѣру, заразиться его стихобѣсіемъ. Оно такъ и случилось. Я тоже началъ читать стихи или, какъ выражалась бабушка, воспѣвать канты... даже попытался самъ нѣчто сочинить, а именно описаніе шарманки, въ которомъ находились слѣдующіе два стишка:

Вотъ вертится толстый валъ
И зубцами защелкалъ...

«Пунинъ одобрилъ въ этомъ описаніи нѣкоторую звукоподражательность, но самый сюжетъ осудилъ, какъ низкій и недостойный лирнаго бряцанія»...

Иванъ Сергѣевичъ съ самаго начала пользовался особеннымъ расположеніемъ матери. Впрочемъ Варвара Петровна не такая была женщина, чтобы выказывать кому бы то ни было и передъ кѣмъ бы то ни было свои нѣжныя чувства. Ей казалось, что всякое проявленіе чувства должно было уменьшить ея власть, обаяніемъ которой она упивалась до сладострастія и пользовалась ею съ своего рода мстительнымъ оттѣнкомъ,—что легко объясняется униженіями, вынесенными ею въ молодости. Будущаго писателя пороли не меньше братьевъ, и особенная любовь матери къ сыну проявилась лишь впослѣдствіи.

За время своего дѣтства Тургеневу пришлось вмѣстѣ съ своими родителями объѣхать Западную Европу, но эта поѣздка не оставила въ немъ никакихъ воспоминаній: онъ былъ слишкомъ молодъ, всего четырехъ лѣтъ. Онъ помнилъ впрочемъ, какъ однажды, сильно захворавъ, лежалъ въ своей постелькѣ при смерти и къ нему приходили, чтобы снять съ него мѣрку для гроба, — помнилъ также, какъ въ берлинскомъ звѣринцѣ едва не попалъ въ яму къ медвѣдямъ, но во-время былъ спасенъ.

Послѣ заграничнаго путешествія, торжественнаго, роскошнаго, совершавшагося цѣлымъ поѣздомъ въ многочисленныхъ экипажахъ, съ десятками слугъ,—Тургеневы вернулись въ Россію и опять поселились въ Спасскомъ, окруженные изобиліемъ своего богатаго дворянскаго гнѣзда. Жили весело, шумно, разнообразно. Гости не выѣзжали со двора, прекрасныя лошади, своры собакъ,

вереница покорныхъ слугъ, полная возможность предаваться легкомысленному ребяческому разврату, истощившему цѣлыя поколѣнія стараго барства,—праздная, безпутная жизнь, создававшая въ такомъ изобиліи излюбленныхъ тургеневскихъ героевъ—лишнихъ людей—все это было къ услугамъ каждаго, и каждый жадно пользовался хмѣльнымъ напиткомъ грубыхъ, чувственныхъ наслажденій. А что тамъ, на конюшнѣ, шли дикія истязанія за неподогрѣтую рюмку вина, за пережареннаго цыпленка, за хмурый взглядъ,—что возлѣ пруда плакалъ бѣдняга Герасимъ надъ своей собаченкой,—что изъ села то и дѣло выѣзжали телѣги съ рекрутами или предназначенными на поселенія, что въ избахъ выли бабы, чьи дочери распродавались въ одиночку для извѣстныхъ цѣлей,—кому какое дѣло было до всего этого? И особенно замѣчательно, что въ душѣ такихъ гордыхъ, властныхъ помѣщиковъ, какъ В. П., царило совершенно олимпійское спокойствіе. Ни тѣни даже минутнаго, не скажу уже раскаянія, а просто сомнѣнія въ своей правотѣ, хотя малѣйшей стыдливости. Сомнѣніе, стыдливость, мука раскаянія появились позже и, накоплявшіяся поколѣніями, невообразимой тяжестью обрушились на менѣе крѣпкія нервы потомковъ и истерзали ихъ. Лишніе люди: Гамлеты Щигровскаго уѣзда, Рудины, Лаврецкіе, Неждановы, Вершинины—всѣ эти погибшіе неудачники представляютъ собою страшную расплату, потребованную природой за грѣхи Тургеневыхъ, Лутовиновыхъ, Салтыковыхъ. Исторія справедлива только не въ нашемъ человѣческомъ смыслѣ, ибо для нея не существуетъ личности, но нѣтъ грѣха и неправды, которыя рано или поздно не были бы отомщены сторицею. Думали ли феодальные бароны, обиравшіе и истязавшіе своихъ крѣпостныхъ, что кровь ихъ титулованныхъ потомковъ дымящейся лужей будетъ стоять, не просыхая, на Гревской площади, вызывая крики кровожаднаго восторга? думали ли помѣщики, издѣвавшіеся надъ своими крестьянами, что ихъ любимые, балованные сыновья заплатятъ за это издѣвательство грозными муками совѣсти, стыда, раскаянія, бѣдствія и даже своею нравственной гибелью? Не думали—и если это оправданіе, оправдаемъ и ихъ!...

Но несомнѣнно, что въ воспитаніи, полученномъ Тургеневымъ въ Спасскомъ, были и свои хорошія стороны. Прежде всего замѣтимъ, что, благодаря безалаберности, царившей въ этомъ переполненномъ празднымъ, постороннимъ народомъ домѣ, безалаберности необходимой и неизбѣжной, несмотря на министровъ двора, мини-

стровъ почтѣ—онъ пользовался завидной свободой. Онъ то и дѣло оставался одинъ и, пользуясь минутами одиночества, любилъ забираться въ глубь роскошнаго Спасскаго сада.

«Садъ этотъ кажется какой-то большой рощей, расположенной на плоской возвышенности, онъ по всѣмъ направленіямъ изрѣзанъ то длинными, прямыми, вѣчно тѣнистыми липовыми и березовыми аллеями, то узкими, прихотливо изгибающимися, дорожками, полузакрытыми роскошными кустами. Старыя сосны, ели и могучіе дубы, разбросанные тамъ и сямъ, разнообразятъ общее впечатлѣніе, а крутой спускъ къ пруду красиво заканчиваетъ картину. Прудъ этотъ,—какъ впослѣдствіи припоминалъ самъ Тургеневъ—изобиловалъ рыбою. Здѣсь,—разсказывалъ онъ,—водились не только караси и пискари, но даже гольцы попадались, знаменитые, ныньче совсѣмъ исчезнувшіе. Въ головѣ этого пруда засѣлъ густой лознякъ; дальше вверхъ, по обоимъ бокамъ густого косогора, шли сплошные кусты орѣшника, бузины, жимолости, терна, поросшіе снизу верескомъ и зорей. Лишь кое гдѣ между кустами выдавались крохотныя полянки изумрудно-золотой, шелковистой, тонкой травой, среди которой, забавно пестрѣя своими розовыми, лиловыми, палевыми шапочками, выглядывали приземистыя сыроѣжки и свѣтлыми пятнами загорались шарики «куриной слѣпоты». Тутъ—говоритъ поэтъ—по веснамъ пѣвали соловьи, свистали дрозды, куковали кукушки, тутъ и въ лѣтній зной стояла прохлада,—и я любилъ забиваться въ эту глушь и чащу, гдѣ у меня были фаворитныя, постоянныя мѣстечки, извѣстныя,—такъ, по крайней мѣрѣ, я воображалъ!—только мнѣ одному.»

Въ этомъ же саду онъ, какъ помнитъ читатель, восхищался Херасковымъ вмѣстѣ съ Пунинымъ, а слушая пѣніе соловьевъ или пробираясь въ кустахъ жимолости, постепенно накоплялъ въ душѣ живыя впечатлѣнія природы. Симпатичные люди изъ дворни, вродѣ Пунина, внушали ему любовь къ простому народу, а сцены помѣщичьяго произвола давали матеріалъ для будущей сознательной ненависти къ рабству и будущей аннибаловской клятвы!..

Въ 1830 году Тургенева отправили въ Москву и отдали въ частный пансіонъ Вейденгаммера, такъ какъ вообще дворяне того времени старались избѣгать гимназій, гдѣ ихъ дѣти могли встрѣтиться съ разночинцами. Но у Вейденгаммера Тургеневъ оставался не долго и вскорѣ перешелъ опять-таки въ пансіонъ директора армянскаго-лазаревскаго института Краузе. Учителя здѣсь были порядочные, съ особенной же любовью Тургеневъ вспоминалъ всегда о нѣкоемъ Дубенскомъ, преподавателѣ русской словесности. Дубенскій былъ честный, преданный своему дѣлу педагогъ стараго закала, основательно знакомившій дѣтей съ ли-

тературой, воспитывая ихъ на сочиненіяхъ Карамзина, Батюшкова, Жуковскаго. Пушкина Дубенскій не долюбливалъ за его вольности и даже съ негодованіемъ относился къ нему, находя, какъ и Пунинъ, что онъ воспѣваетъ вещи низкія и недостойныя лирнаго бряцанія. Вообще литературное образованіе Тургенева въ пансіонѣ у Краузе значительно подвинулось впередъ; здѣсь же между прочимъ онъ изучилъ и англійскій языкъ, что̀ вмѣстѣ съ знаніемъ французскаго и нѣмецкаго составляло уже порядочный умственный капиталъ для того времени. Иностранные языки, кстати замѣтить, давались Тургеневу очень легко, и владѣлъ онъ ими въ совершенствѣ. Одно время даже сильно были распространены слухи, что многія свои произведенія онъ пишетъ предварительно по-французски или нѣмецки, а потомъ уже переводитъ на русскій. Слухи эти Тургеневъ опровергъ съ негодованіемъ.

Изъ пансіона Краузе Тургеневъ въ 1834 г. поступилъ на словесный факультетъ Московскаго университета, гдѣ однако пробылъ не долго, и въ слѣдующемъ году перешелъ въ Петербургскій университетъ, опять словесникомъ. За время пребыванія Тургенева въ Москвѣ студентомъ умеръ его отецъ, истощенный долгой и мучительной болѣзнью—результатомъ барскихъ излишествъ. Неизвѣстно, что̀ собственно заставило Тургенева перейти въ Петербургъ, такъ какъ мать его поселилась послѣ смерти мужа въ Москвѣ. Всего вѣроятнѣе, что юнаго студента привлекала та свобода, которой онъ пользовался, живя внѣ семьи.

Положеніе Петербургскаго университета въ научномъ отношеніи было въ то время далеко не блестящее. Кромѣ ректора П. Л. Плетнева, литератора, друга и соредактора Пушкина по «Современнику», ни одинъ изъ профессоровъ не пользовался извѣстностью. Лекціи обыкновенно читались по русскому, а всего чаще нѣмецкому учебнику, предварительно разсмотрѣнному начальствомъ и тщательно процензурованному. По учебнику составлялись жиденькіе конспекты, зубреніемъ которыхъ и занимались студенты передъ экзаменами. Наука была не въ авантажѣ какъ среди учащихъ, такъ и учащихся. Послѣдніе, въ большинствѣ случаевъ обезпеченные баричи, вели жизнь разсѣянную, полную нездоровыхъ удовольствій, вродѣ кутежей, картъ и т. д. Несмотря однако на то, что Петербургскій университетъ далъ Тургеневу очень мало въ любомъ отношеніи, мы остановимся не надолго на нѣкоторыхъ изъ его преподавателей.

Плетневъ, читавшій словесность, несмотря на отсутствіе большихъ свѣдѣній, имѣлъ однако вліяніе на молодежь, такъ какъ искренне любилъ свой предметъ.

«Онъ обладалъ,—разсказываетъ Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—нѣсколько робкимъ, но чистымъ и тонкимъ вкусомъ и говорилъ просто, ясно, не безъ теплоты. Главное: онъ умѣлъ сообщать своимъ слушателямъ тѣ симпатіи, которыми самъ былъ исполненъ—умѣлъ заинтересовать ихъ... Притомъ его,—какъ человѣка, прикосновеннаго къ знаменитой литературной плеядѣ, какъ друга Пушкина, Жуковскаго, Баратынскаго, Гоголя, какъ лицо, которому Пушкинъ посвятилъ своего «Онѣгина»,—окружалъ въ нашихъ глазахъ ореолъ. Всѣ мы наизусть знали стихи: «Не мысли гордый свѣтъ забавить», и т. д. И дѣйствительно, Петръ Александровичъ походилъ на портретъ, набросанный поэтомъ; это не былъ обычный комплиментъ, которыми такъ часто украшаются посвященія. Кто зналъ Плетнева, не могъ не признать въ немъ

Души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзіи живой и ясной,
Высокихъ думъ и красоты.

Онъ принадлежалъ къ эпохѣ, нынѣ безвозвратно прошедшей; былъ наставникъ стараго времени, словесникъ, не ученый, но по своему—мудрый».

Какъ мы сейчасъ это увидимъ, благодаря Плетневу, Тургеневъ завязалъ нѣкоторыя литературныя знакомства и даже впервые выступилъ въ печати. Философію читалъ Фишеръ, извѣстный тѣмъ, что не называлъ Руссо иначе какъ «надменнымъ женевскимъ гражданиномъ» и что, по порученію начальства, составилъ «обезвреженный» учебникъ естественнаго права. По мнѣнію того же Фишера: «Монтескьё впускалъ по каплѣ незамѣтный ядъ въ умы многочисленныхъ читателей, усиливая въ нихъ суетное желаніе нововведеній». Во всѣхъ произведеніяхъ «надменнаго женевскаго гражданина» Фишеръ нашелъ только одни замѣчательныя слова, а именно: «правленіе столь совершенное (демократія) не годится для людей». Читатель видитъ, что Фишеръ твердо держался курса николаевской эпохи и настолько думалъ о наукѣ, сколько о дезинфекціи юныхъ умовъ отъ тлетворнаго и суетнаго желанія нововведеній. На каѳедрахъ исторіи Тургеневъ засталъ Куторгу, въ то время молодого, только что вернувшагося изъ Германіи, ученаго, горячаго поклонника критической школы Нибура, — Шульгина, читавшаго блѣдно и тускло, — Устрялова, приводившаго въ своихъ лекціяхъ факты

преимущественно патріотическаго характера,—и одно время Гоголя, вообразившаго почему-то себя человѣкомъ науки. «Преподаваніе Гоголя,—пишетъ Тургеневъ,—правду сказать, происходило оригинальнымъ образомъ. Во-первыхъ, Гоголь изъ трехъ лекцій непремѣнно пропускалъ двѣ; во-вторыхъ, даже когда онъ появлялся на каѳедрѣ, онъ не говорилъ, а шепталъ что-то весьма несвязное, показывалъ намъ маленькія гравюры на стали, изображавшія виды Палестины и другихъ восточныхъ странъ, и все время ужасно конфузился. Мы всѣ были убѣждены, что онъ ничего не смыслитъ въ исторіи... Нѣтъ сомнѣнія, что онъ самъ хорошо понималъ весь комизмъ и всю неловкость своего положенія: онъ въ томъ же году (1835 г.) подалъ въ отставку». Изъ лекцій своихъ профессоровъ-классиковъ Тургеневъ вынесъ настолько мало, что впослѣдствіи въ Берлинѣ ему пришлось начинать съ грамматики.

Ничего яркаго, интереснаго нѣтъ въ университетскихъ впечатлѣніяхъ Тургенева, стоитъ остановиться лишь на его отношеніяхъ къ Плетневу. Со студентами, надо замѣтить, Плетневъ держалъ себя просто, по отечески, такъ что они довѣряли ему даже свои первые литературные опыты. Это же сдѣлалъ и Тургеневъ: «Я—разсказываетъ онъ—представилъ на разсмотрѣніе Плетневу одинъ изъ первыхъ плодовъ моей музы, — какъ говорилось въ старину, — фантастическую драму въ пятистопныхъ ямбахъ «Отецъ». Въ одну изъ слѣдующихъ лекцій Петръ Александровичъ, не называя меня по имени, разобралъ съ обычнымъ своимъ добродушіемъ это совершенно нелѣпое произведеніе, въ которомъ съ дѣтской неумѣлостью выражалось рабское подражаніе «Манфреду». Выходя изъ зданія университета и увидавъ меня на улицѣ, онъ подозвалъ меня къ себѣ и отечески пожурилъ меня, впрочемъ однако замѣтилъ, что во мнѣ *что-то* есть. Эти два слова возбудили во мнѣ смѣлость отнести къ нему нѣсколько стихотвореній; онъ выбралъ изъ нихъ два и годъ спустя напечаталъ ихъ въ «Современникѣ». Тургеневъ бывалъ даже на литературныхъ вечерахъ у Плетнева и встрѣчалъ здѣсь писателей, впрочемъ второстепенныхъ, за исключеніемъ Кольцова. Мимоходомъ онъ видѣлъ и Пушкина, и вотъ строки, гдѣ онъ говоритъ о тогдашнемъ своемъ отношеніи къ великому поэту: «Пушкинъ былъ въ эту эпоху для меня, какъ и для многихъ моихъ сверстниковъ, чѣмъ-то вродѣ полубога. Мы дѣйствительно поклонялись ему»—и это свое поклоненіе Тургеневъ, какъ извѣстно, сохранилъ на всю жизнь.

Литературныя знакомства Тургенева за время его студенчества были случайны и мимолетны: нѣсколько задушевныхъ разговоровъ съ Плетневымъ, нѣсколько фразъ, обмѣненныхъ съ Кольцовымъ, нѣсколько восторженныхъ взглядовъ на «полубога» Пушкина—этимъ исчерпываются литературныя впечатлѣнія будущаго писателя. Ближе чѣмъ съ писателями сходился онъ со свѣтскими людьми, въ чьи гостиныя онъ имѣлъ свободный доступъ, какъ богатый и родовитый юноша. Но влеченіе къ литературѣ онъ несомнѣнно чувствовалъ уже и въ настоящее время, самъ пробовалъ свои силы въ стихахъ и старательно изучалъ въ подлинникѣ лучшія произведенія иностранныхъ авторовъ — Байрона, Шекспира и Сервантеса по преимуществу. Каждое лѣто онъ проводилъ у матери въ Спасскомъ, обновляя свои «крѣпостническія» впечатлѣнія, много читалъ, охотился, забираясь иногда въ лѣсъ на цѣлые дни съ ружьемъ за плечами.

На его мѣстѣ можно было быть счастливымъ, еслибы не какая-то духота, которая проникала собою атмосферу той эпохи. Эту духоту ощущали всѣ молодые даровитые люди тридцатыхъ годовъ, оттого-то такъ и рвались тогда заграницу, хотя полученіе паспорта было цѣлой исторіей и стоило большихъ денегъ (500 р. с.). Но хотѣлось видѣть другую, здоровую жизнь, а главное не хотѣлось видѣть этой окружающей суровой жизни. На самомъ дѣлѣ не веселая картина открывалась тогда наблюдателю: «на улицѣ тебѣ попадалась фигура господина Булгарина или друга его, господина Греча; генералъ и даже не начальникъ, а такъ просто генералъ оборветъ или, что̀ еще хуже, поощритъ тебя... Носятся слухи о закрытіи университетовъ, вскорѣ потомъ сведенныхъ на 300-енный комплектъ, поѣздки за-границу становятся невозможны, путной книги выписать нельзя, какая-то темная туча постоянно виситъ надъ всѣмъ, такъ называемымъ, ученымъ литературнымъ вѣдомствомъ, а тутъ еще шипятъ и расползаются доносы; между молодежью ни общей связи, ни общихъ интересовъ, страхъ и приниженность во всѣхъ, хоть рукой махни!..» Да, душно было въ обществѣ, гдѣ всѣ боялись другъ друга и сидѣли по разнымъ угламъ напуганные; душно въ стѣнахъ университета за лекціями, преисполненными страха іудейскаго; душно въ имѣніи, гдѣ царило крѣпостничество. Поневолѣ люди рвались за-границу, гдѣ еще недавно раздавались гордыя пѣсни Байрона, гдѣ только что была создана грандіозная философская система Гегеля, властно подчинявшія себѣ умы, гдѣ

съ каѳедры и трибуны раздавались высокія, а подчасъ и великія слова. Прибавьте къ этому любознательность молодости, сознаніе недостатковъ собственнаго образованія и вы увидите, почему Тургеневъ такъ рвался за-границу, куда и отправился, какъ только закончилъ курсъ въ университетѣ, что̀ случилось въ 1838 г.

Въ заключеніе этой главы скажу нѣсколько словъ о литературѣ 30-ыхъ годовъ. Характеризуя ее, Тургеневъ пишетъ:

«Подъ вліяніемъ особенныхъ случайностей, особенныхъ обстоятельствъ тогдашней жизни Европы (съ 1830 по 1840 годъ) у насъ понемногу сложилось убѣжденіе, конечно справедливое, но въ ту эпоху едва ли не рановременное,—убѣжденіе въ томъ, что мы не только великій народъ, но что мы—великое, вполнѣ овладѣвшее собою, незыблемо-твердое государство, и что художеству, что поэзіи предстоитъ быть достойными провозвѣстниками этого величія и этой силы.... Явилась цѣлая фаланга людей, безспорно даровитыхъ, но на даровитости которыхъ лежалъ общій отпечатокъ внѣшности, соотвѣтствующей той великой, но чисто-внѣшней силѣ, которой они служили отголоскомъ. Люди эти являлись и въ поэзіи, и въ живописи, и въ журналистикѣ, и даже на театральныхъ подмосткахъ (Марлинскій, Кукольникъ, Загоскинъ, Бенедиктовъ, Брюловъ, Каратыгинъ, и друг.). «Это вторженіе въ общественную жизнь того, что мы рѣшились бы назвать *ложно-величавой школой*, продолжалось недолго.... Произведенія этой школы, проникнутыя самоувѣренностью, доходившей до самохвальства, посвященныя возвеличенію Россіи во что бы то ни стало,—въ самой сущности не имѣли ничего русскаго, это были какія-то пространныя декораціи, хлопотливо и небрежно воздвигнутыя патріотами, не знавшими своей родины.»

Эта барабанная поэзія, напоминавшая нѣсколько тѣ времена, когда Херасковъ пѣлъ «Россію свобожденну, попранну власть татаръ и гордость низложенну», а Державинъ--Фелицу, встрѣтила однако серьезный и даже могучій отпоръ въ самой литературѣ. Просто удивительно, откуда въ то время брались силы, какъ успѣвали онѣ проявляться, а между тѣмъ этихъ силъ на сценѣ было больше чѣмъ когда. Въ 30-ыхъ годахъ во главѣ литературы стояли: Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, Кольцовъ, Жуковскій, Вяземскій; какъ критикъ, въ 34 г. началъ свою дѣятельность Бѣлинскій; среди молодого поколѣнія уже были, хотя и въ эмбріональномъ еще состояніи: Тургеневъ, Некрасовъ, Достоевскій, Григоровичъ, Гончаровъ, Островскій. Разумѣется, съ такими гигантами не подъ стать было справиться барабанной поэзіи, и ея ложные боги, вродѣ Бенедиктова и Языкова, Бестужева-Марлинскаго, стали быстро падать одинъ за другимъ:

каждая статья Бѣлинскаго вычеркивала кого нибудь изъ списка кумировъ и усаживала его на жордочку, подчасъ очень скромную. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Около сороковыхъ годовъ жизнь изъ подъ туго придавленныхъ клапановъ стала прорываться сильнѣе. Во всей Россіи произошла едва уловимая перемѣна,—та перемѣна, по которой врачъ замѣчаетъ прежде отчета и пониманья, что въ болѣзни есть поворотъ къ лучшему, что силы очень слабы, но будто поднялись. Гдѣ-то внутри, въ нравственно микроскопическомъ мірѣ, повѣялъ иной воздухъ, больше раздражительный, но и больше здоровый. Наружно все было спокойно, но что-то пробудилось въ сознаніи, въ совѣсти—какое-то чувство неловкости, неудовольствія...

Двѣ баттареи выдвинулись скоро. Періодическая литература дѣлается пропагандной, во главѣ ея становится въ полномъ разгарѣ молодыхъ силъ Бѣлинскій. Университетскія каѳедры превращаются въ налои, лекціи—въ проповѣди о человѣченіи, личность Грановскаго, окруженнаго молодыми доцентами, выдается больше и больше...

Вдругъ еще взрывъ смѣха. Страннаго смѣха, страшнаго смѣха, смѣха судорожнаго, въ которомъ былъ и стыдъ, и угрызеніе совѣсти, словомъ—смѣха Гоголя. Нелѣпый, уродливый, узкій міръ «Мертвыхъ Душъ» не вынесъ, осѣлъ и сталъ отодвигаться. А проповѣдь шла сильнѣй... все одна проповѣдь—и смѣхъ, и плачъ, и книга, и рѣчь, и Гоголь, и исторія—все звало людей къ сознанію своего положенія; къ ужасу передъ крѣпостнымъ правомъ все указывало на науку и образованіе, на очищеніе мысли отъ всего традиціоннаго хлама, на свободу совѣсти и разума.

Особенно тормошилъ Бѣлинскій, тормошилъ и старыхъ, и молодыхъ, особенно, разумѣется, послѣднихъ. Юные баричи, вырвавшіеся изъ своихъ дворянскихъ гнѣздъ, сначала возмущались имъ, а потомъ читали и зачитывались. Самъ Тургеневъ на себѣ вынесъ это.

«Я—пишетъ онъ—не хуже другихъ упивался стихами Бенедиктова, зналъ много наизусть, восторгался «Утесомъ», «Горами» и даже «Матильдой» на жеребцѣ, гордившейся «усѣстомъ красивымъ и плотнымъ». Вотъ, въ одно утро зашелъ ко мнѣ студентъ-товарищъ и съ негодованіемъ сообщилъ мнѣ, что въ кондитерской Беранжэ появился № «Телескопа» съ статьей Бѣлинскаго, въ которой этотъ «критиканъ» осмѣливался заносить руку на нашъ общій идолъ, на Бенедиктова. Я немедленно отправился къ Беранжэ, прочелъ всю статью отъ доски до доски—и, разумѣется, также воспы-

далъ негодованіемъ. Но, странное дѣло! и во время чтенія, и послѣ, къ собственному своему изумленію и даже досадѣ, что-то во мнѣ невольно соглашалось съ «критиканомъ», находило его доводы убѣдительными... неотразимыми. Я стыдился этого ужъ точно неожиданнаго впечатлѣнія; я старался заглушить въ себѣ этотъ внутренній голосъ; въ кругу пріятелей я съ большей еще рѣзкостью отзывался о самомъ Бѣлинскомъ и объ его статьѣ... но въ глубинѣ души что-то продолжало шептать и мнѣ, что *онъ былъ правъ*... Прошло нѣсколько времени—и я уже не читалъ Бенедиктова. Кому же неизвѣстно теперь, что мнѣнія, высказанныя тогда Бѣлинскимъ,—мнѣнія, казавшіяся дерзкой новизной, стали всѣми принятымъ общимъ мѣстомъ.»

Итакъ, передъ нами два направленія—«ложно-величавое» и «критическое». Въ первомъ лагерѣ находились дарованія средней руки, во второмъ—истинные геніи, какъ Гоголь и Лермонтовъ, и такая прекрасная, дѣтски чистая душа, какъ Бѣлинскій. На чью сторону встать? Этотъ вопросъ не могъ не задать себѣ юноша, рѣшавшійся выступить на литературное поприще въ ту эпоху. Воспѣвать ли *россовъ*, или указывать *русскимъ* людямъ ихъ косность, невѣжество, жестокость; защищать ли ликующій шовинизмъ, или опровергать знаменитую формулу: «все благополучно, и града въ ввѣренномъ мнѣ уѣздѣ, согласно приказанію Вашества, не было»...

Мы увидимъ скоро мотивы, заставившіе Тургенева примкнуть къ «критикамъ».

II.

Заграницей.—Сороковые годы.—Тургеневъ и Бѣлинскій.

Я говорилъ уже о причинахъ, заставлявшихъ Тургенева рваться за-границу. Однако осуществить страстное намѣреніе было нелегко. Недостатка въ средствахъ не ощущалось, но В. П. Тургенева какъ разъ къ этому времени переселилась въ Петербургъ и не имѣла ни малѣйшаго желанія отпускать отъ себя, да еще въ такую даль, своего любимаго сына, тѣмъ болѣе, что со старшимъ Николаемъ она только-что разсорилась изъ за его женитьбы. Но все-же Тургеневу удалось добиться согласія ма-

тери на поѣздку, и послѣ долгихъ сборовъ въ назначенный день онъ сѣлъ на пароходъ «Николай I-ый», отправлявшійся въ Любекъ. Нечего и говорить о его радости. 20-ти лѣтъ отъ роду, молодой, здоровый, богатый, ничѣмъ не связанный въ жизни, онъ ѣхалъ въ столицу европейской мысли,—туда, гдѣ била ключемъ «чистѣйшая эссенція философіи», словомъ—въ Берлинъ. По дорогѣ Тургеневъ едва не погибъ, такъ какъ пароходъ сгорѣлъ на морѣ и пассажиры съ трудомъ высадились на берегъ въ шлюпкахъ. Этотъ эпизодъ послужилъ темой для прелестнаго разсказа Тургенева «Пожаръ на морѣ», написаннаго имъ за мѣсяцъ до смерти въ 1883 г.,—и для кое-какихъ литературныхъ сплетенъ, изображавшихъ Тургенева въ комическомъ видѣ. Но на этихъ сплетняхъ, по ихъ незначительности, останавливаться мы не будемъ.

Въ Берлинѣ Тургеневъ въ два пріѣзда пробылъ около двухъ лѣтъ. Изъ числа русскихъ, слушавшихъ университетскія лекціи, особенно близко сошелся онъ съ Грановскимъ и Станкевичемъ, которые, какъ всякій это знаетъ, оба были горячими западниками, а нѣсколько позже—съ М. Бакунинымъ, ярымъ гегеліанцемъ и даже пророкомъ гегелизма въ Россіи. Самъ онъ занимался философіей, древними языками, исторіей и съ особеннымъ рвеніемъ изучалъ Гегеля подъ руководствомъ профессора Вердера. Подъ вліяніемъ впечатлѣній заграничной жизни онъ сталъ ярымъ западникомъ. Западничеству—замѣтимъ это кстати—суждено было сыграть въ его жизни существеннѣйшую роль. За западничество онъ подвергался безчисленнымъ нападкамъ, выносилъ даже ненависть; за западничество его-же возносили похвалами; самъ онъ видитъ въ западничествѣ красную нить своей умственной жизни; во имя его онъ создалъ своего Потугина, онъ вдохновлялся имъ, сочиняя рѣзкія тирады противъ добродѣтелей и дарованій, якобы исключительно присвоенныхъ русскому народу. Мы еще вернемся къ смыслу западничества въ его противопоставленіи славянофильству, пока-же будемъ продолжать нашъ разсказъ.

Въ Берлинѣ Тургеневу жилось весело и хорошо. Извѣстно, что никогда, ни раньше, ни позже, русская интеллигентная молодежь не занималась такъ много разговорами и словопреніями, какъ въ періодъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Возлѣ разговоровъ сосредоточивались зачастую весь смыслъ и интересы бытія. Затрогивались и рѣшались tant bien, que mal огромнѣйшіе и отвлеченнѣйшіе вопросы о Богѣ, безсмертіи души, осо-

бенностяхъ народовъ, назначеніи человѣка, правахъ и обязанностяхъ личности. Всѣ даровитые люди отличались поразительной словоохотливостью и пристрастіемъ къ спорамъ. Споры продолжались цѣлыми днями и ночами, а иногда и сутками—безъ перерыва! — тянулись же недѣлями и мѣсяцами. Много тутъ было, разумѣется, комическаго, ненужнаго, напоминавшаго лепетъ ребенка, только что научившагося говорить и лепечущаго безъ устали обо всемъ;—много и важнаго, интереснаго, такъ какъ во время преній слагались убѣжденія, которымъ люди оставались вѣрными порою втеченіи всей своей жизни. Разговорами отводили душу, тѣмъ болѣе, что все вело къ разговорамъ. Мерзость настоящаго, неопредѣленность будущаго, отсутствіе какого то ни было жизненнаго дѣла, полная матеріальная обезпеченность лучшихъ интеллигентовъ того времени (за исключеніемъ Бѣлинскаго), изобиліе шампанскаго, безъ котораго не обходилась ни одна вечеринка, потребность свободы, хотя бы только у себя въ дружескомъ кружкѣ, самая легкость разговора, основывавшагося не на фактахъ, а на принципахъ и аксіомахъ гегелевской философіи—все это вдохновляло, горячило, дѣлало слово, споръ сущностью жизни, ея прелестью и красотой. Нѣтъ, мы даже не умѣемъ говорить такъ искренно, съ такимъ увлеченіемъ, какъ наши дѣды, намъ совѣстно было-бы говорить такъ много, съ такимъ азартомъ, какъ 50 лѣтъ тому назадъ. Но перенеситесь въ ту эпоху и вы увидите, что нельзя было не говорить, надо было говорить, чтобы хотя на минуту отвести душу. Вотъ Бакунинъ развалился на диванѣ и занялъ его весь своей огромной фигурой; онъ гремитъ своимъ раскатистымъ голосомъ, наизусть цитируетъ цѣлыя страницы изъ Гегеля, не задумываясь, рѣшаетъ великіе и малые вопросы; что-то богатырское есть въ его фигурѣ, голосѣ, жестахъ; — гдѣ нибудь у окна присѣлъ тихій, прекрасный Станкевичъ, съ доброй улыбкой на больномъ лицѣ, съ восторженными глазами; онъ ждетъ минуты, чтобы вставить свое задушевное слово;—вотъ и самъ Тургеневъ, тоже гигантъ ростомъ и умомъ, но тогда еще ученикъ, покорно выслушивающій поученія старшихъ;—Грановскій съ своимъ задумчивымъ, неопредѣленно устремленнымъ взглядомъ, своей изящной рѣчью, своимъ серебристымъ подкупающимъ голосомъ. Пройдетъ не много лѣтъ и за тѣми-же разговорами мы застанемъ новыхъ лицъ, хотя и не увидимъ уже прекраснаго лица Станкевича и не услышимъ больше его задушевнаго голоса. Сверкая

глазами и бѣгая изъ угла въ уголъ по комнатѣ, будетъ волноваться Бѣлинскій и нападать съ комической яростью на баричей, вродѣ Тургенева, за ихъ бездѣлье, за привязанность къ чистой красотѣ и размахивая руками кричать своимъ тонкимъ голоскомъ, волнуясь и спѣша. Небольшая, вся созданная изъ мускуловъ и нервовъ, фигура Герцена займетъ центральное мѣсто. Его рѣчь «дьявольски умная» (какъ говоритъ Бѣлинскій), полная остротъ, неожиданныхъ сопоставленій, обаянія огромнаго отточеннаго ума сыграетъ эпоху въ этихъ разговорахъ и поведетъ за собою къ дѣлу многихъ и многихъ изъ слушающихъ его. Онъ заставитъ робкихъ людей (какъ Грановскій, Кавелинъ) еще глубже уйти въ себя, но онъ вызоветъ къ жизни все дѣятельное, энергичное, и море словъ перестанетъ такъ безцѣльно волноваться и шумѣть. Прослѣдите эти разговоры и вы найдете въ нихъ тридцатые годы съ ихъ романтизмомъ и культомъ Гегеля, сороковые, съ ихъ народничествомъ, а въ лицѣ Герцена, Некрасова передъ вами возстанетъ первый образъ шестидесятыхъ рабочихъ годовъ...

Въ Берлинѣ, повторяю, Тургеневу жилось хорошо, весело. Въ семействѣ Фроловыхъ часто собирались русскіе студенты и встрѣчали здѣсь всегда ласковый, задушевный пріемъ. Самъ Тургеневъ поселился на квартирѣ съ однимъ изъ своихъ товарищей русскихъ, увлеченныхъ по модѣ того времени Гегелемъ до мозга костей. «Товарищъ» заставлялъ его штудировать философію и отечески слѣдить за его нравственностью.

Такъ прошло два года, за время которыхъ случилось только одно по истинѣ грустное событіе—смерть Станкевича. Вотъ, что писалъ по этому поводу Тургеневъ Грановскому: «насъ постигло великое несчастіе, Грановскій. Едва я могу собраться съ силами писать. Мы потеряли человѣка, котораго мы любили, въ кого мы вѣрили, кто былъ нашей гордостью и надеждой. 24 іюня въ Нови скончался Станкевичъ. Я бы могъ, я бы долженъ здѣсь кончить письмо.—Что̀ остается мнѣ сказать—къ чему вамъ теперь мои слова? не для васъ, болѣе для меня продолжаю я письмо: я сблизился съ нимъ въ Римѣ, я его видѣлъ каждый день и началъ оцѣнять его свѣтлый умъ, теплое сердце, всю прелесть его души. Тѣнь близкой смерти уже тогда лежала на немъ... Я оглядываюсь, ищу напрасно. Кто изъ нашего поколѣнія можетъ замѣнить нашу потерю?.. Кто достойнѣй приметъ отъ умершаго завѣщаніе его великихъ мыслей и не дастъ погибнуть его влія-

нію, будетъ идти по его дорогѣ, въ его духѣ, съ его силой?.. Но нѣтъ, мы не должны унывать и преклоняться. Сойдемтесь— дадимъ другъ другу руки, станемъ тѣснѣе: одинъ изъ насъ упалъ, быть можетъ лучшій. Но возникаютъ, возникнутъ другіе: рука Бога не перестаетъ сѣять въ души зародыши великихъ стремленій, и рано или поздно свѣтъ побѣдитъ тьму.»

Какъ ни риторична форма этого письма — оно несомнѣнно искренне.

Вернувшись изъ за границы, Тургеневъ въ 1843 г. впервые серьезно выступилъ на литературное поприще своей поэмой «Параша». Ничего особеннаго, выдающагося, чего нибудь такого, что̀ предвѣщало бы нарожденіе новаго крупнаго таланта, въ этомъ произведеніи нѣтъ. Однако оно возбудило довольно шумные толки, такъ какъ западничество Тургенева вылилось въ «Парашѣ» полностью и даже съ юношескимъ задоромъ. «Заподорѣвъ въ немъ,—говоритъ Анненковъ,—съ первыхъ же его шаговъ истаго западника, партія, недружелюбно смотрѣвшая на образцы чуждаго воспитанія и развитія, словно задалась мыслью собрать какъ можно болѣе помѣхъ на его жизненномъ пути. Цѣлая коллекція пустыхъ анекдотовъ о его словахъ, выраженіяхъ, замѣчаніяхъ собиралась тщательно противниками и пускалась въ ходъ съ нужными прикрасами и дополненіями. О произведеніяхъ Тургенева до «Записокъ Охотника»—иначе и не говорили, какъ о чудовищностяхъ западнаго развитія, пересаженныхъ на русскую почву безъ всякаго признака таланта. Не такъ думалъ Бѣлинскій, открывшій сразу въ «Парашѣ» признаки недюжинной авторской наблюдательности и способности выбирать оригинальную точку зрѣнія на предметы: «что мнѣ за дѣло до всѣхъ анекдотовъ о немъ—говорилъ Бѣлинскій,—кто написалъ «Парашу»,—тотъ съумѣетъ поправить себя въ чемъ будетъ нужно и когда будетъ нужно»...

Самъ Тургеневъ между тѣмъ, выпустивъ въ свѣтъ «Парашу», уѣхалъ въ Спасское и жилъ тамъ, со страстью отдаваясь своему любимому занятію—охотѣ. Единственно, чего онъ ждалъ, была рецензія Бѣлинскаго, которая, какъ онъ зналъ, должна была появиться въ «Отечественныхъ Запискахъ». Пробовалъ онъ было читать свою вещь въ Спасскомъ матери, но Варвара Петровна только зѣвала, слушая стихи, и покачивала головой, удивляясь сыну, которому была охота сочинять канты. «Постичь не могу, говаривала она,—какая тебѣ охота быть писателемъ? Дворянское

ли это дѣло? По моему, писатель и писарь одно и то-же... И тотъ, и другой за деньги бумагу мараютъ... Дворянинъ долженъ служить и составить себѣ карьеру и имя службой, а не бумагомараньемъ... Да и кто-же читаетъ русскія книги?»—«Но вѣдь ты-же сама любила и уважала Жуковскаго» — возражалъ Тургеневъ.— «Ахъ, это совсѣмъ другое — Жуковскій! — Какъ его не уважать,—ты знаешь, какъ онъ близокъ ко двору». Въ душѣ Варвара Петровна рѣшила, что сынъ блажитъ и мѣшать его блажи не хотѣла: сама пройдетъ... Да и почему не поблажить въ 25 лѣтъ?—вѣдь блажь тоже дворянское дѣло.

Но вотъ наступилъ май мѣсяцъ и въ новой книгѣ «От. Зап.» появилась нетерпѣливо ожидавшаяся рецензія Бѣлинскаго. Тургеневъ нервно, торопливо разрѣзалъ страницы, зная, что онъ воспринимаетъ въ эту минуту огненное крещеніе, и съ замирающимъ отъ восторга сердцемъ прочелъ немногія посвященныя ему строки. Вотъ что между прочимъ писалъ Бѣлинскій:

«Стиль въ поэмѣ обнаруживаетъ *необыкновенный* поэтическій талантъ; а вѣрная наблюдательность, глубокая мысль, выхваченная изъ тайника русской жизни, изящная и тонкая иронія, подъ которою скрывается столько чувства,—все это показываетъ въ авторѣ, кромѣ дара творчества, сына нашего времени, носящаго въ груди своей всѣ скорби и вопросы его. Объ оригинальности мы не говоримъ: она то-же, что талантъ—по крайней мѣрѣ, безъ нея нѣтъ таланта. Многіе найдутъ въ поэмѣ слѣды подражанія Пушкину и особенно Лермонтову: это не удивительно, ибо живая историческая послѣдовательность литературныхъ явленій всегда смѣшивается толпою съ холодной и бездушной подражательностью. Но люди мыслящіе понимаютъ, что быть подъ неизбѣжнымъ вліяніемъ великихъ мастеровъ родной литературы, проявляя въ своихъ произведеніяхъ упроченное ими литературѣ и обществу, и рабски подражать—совсѣмъ не одно и то-же: первое есть доказательство таланта, жизненно развивающагося, второе—безталантности.»

Далѣе Бѣлинскій, опредѣляя сущность таланта Тургенева, замѣтилъ, что основой его является «*глубокое чувство дѣйствительности*».

Легко понять, какъ такой отзывъ долженъ былъ подѣйствовать на молодого писателя. «Силы его удесятирились». Онъ почувствовалъ, что «любитъ весь свѣтъ», а больше всего на свѣтѣ— Бѣлинскаго. Онъ тутъ же далъ себѣ клятву «сойтись съ нимъ» и сдѣлаться его «другомъ и ученикомъ».

Очень можетъ быть, что въ настоящее время отзывъ Бѣлинскаго о «Парашѣ» покажется слишкомъ восторженнымъ. Если въ юношеской поэмѣ и были красивыя мѣста, прелестныя описанія

природы, то были, разумѣется, и существеннѣйшіе недостатки, напр.ненужныя и неудачныя остроты, растянутость, блѣдность красокъ въ драматическихъ сценахъ, отсутствіе страстности и художественной полноты. Тургеневъ, вообще говоря, развивался очень медленно. Только тридцати лѣтъ онъ сталъ настоящимъ писателемъ и впервые («Хорь и Калинычъ») проявилъ свой огромный талантъ. Раньше онъ только пробовалъ: сочинялъ стихи и драмы и, гоняясь за эффектами, бралъ даже сюжеты изъ испанской жизни («Неосторожность»), комично вставляя въ нихъ русскія либеральныя тенденціи. «Параша» сыграла громадную роль въ жизни самого Тургенева и ровно никакой въ исторіи русской литературы. Забыть ее можно съ такимъ же правомъ, съ какимъ напр. «Ганса Кюхельганца» Гоголя. Бѣлинскій переоцѣнилъ художественныя достоинства поэмы, но онъ угадалъ талантъ, онъ угадалъ новое огромное дарованіе и привѣтствовалъ Парашу съ такимъ же восторгомъ, какъ «Петербургскіе Углы» Некрасова, «Бѣдныхъ людей» Достоевскаго, «Обыкновенную Исторію» Гончарова,—и въ этомъ онъ оказался правымъ. Мы же, имѣя передъ собой «Отцовъ и Дѣтей», смѣло можемъ не останавливаться на «Парашѣ».

* * *

По одному пункту впрочемъ можно сказать нѣсколько словъ. Я имѣю въ виду и западническую тенденцію разсказа, и западническіе взгляды автора. Чтò такое западничество? Теперь это не болѣе, какъ одинъ изъ моментовъ, пережитыхъ «бѣдной русской мыслью», одно изъ увлеченій чисто теоретическихъ, очень полезныхъ въ свое время, ненужныхъ въ наши дни. Говоря такъ, я не забываю, что западниками были Бѣлинскій, Грановскій, Кавелинъ, но думаю, что западники, вродѣ нихъ, были бы теперь излишнимъ анахронизмомъ. Мы уже имѣемъ больше права критически относиться къ европейской жизни, чѣмъ они, и стоять на той точкѣ зрѣнія, къ какой перешелъ въ концѣ Герценъ, съ какой Добролюбовъ смотрѣлъ на Кавура. Это точка зрѣнія—экономическаго реализма прежде всего. Если мы, какъ западники, можемъ хотѣть свободы личности, то мы знаемъ въ то-же время, что въ Европѣ эта свобода далеко не осуществлена, въ доказательство чего можно привести рабочій и женскій вопросы. Но въ 40-ые годы, когда существовало крѣпостничество, когда генералъ посторонняго вѣдомства читалъ на улицахъ нотаціи каж-

дому встрѣчному и поперечному, когда надо было бороться съ ложно величавымъ или попросту барабаннымъ направленіемъ литературы, политики, самой жизни, когда идея русскаго патріотизма смущала лучшіе умы (Аксакова, Кирѣевскаго, Хомякова)—быть западникомъ значило быть передовымъ человѣкомъ. Жизненный смыслъ западничества—прежде всего въ его противодѣйствіи славянофильству, въ его *критицизмѣ*. Недостатокъ славянофиловъ—прежде всего въ ихъ самодовольствѣ, въ полнѣйшей невозможности осуществить ихъ стремленія. Славянофилы, требуя уничтоженія крѣпостничества, были правы, велики, мудры. Тѣ же славянофилы, увѣряя, что формы западной культуры вредны для насъ, что русскій народъ призванъ совершить нѣчто особенное и важное, а именно обновить человѣчество, —грѣшили тѣмъ, что породили самохвальство и боязнь мысли.

Западники говорили: европейская культура выше нашей русской; все, что есть хорошаго въ нашей жизни, взято нами у Европы; мы должны твердо держаться пути, указаннаго намъ Петромъ Великимъ. Въ этихъ словахъ заключалась не только вѣрная (отчасти) мысль, но и программа дѣятельности. Подобной программы не было у славянофиловъ, страдавшихъ между прочимъ склонностью къ звучнымъ фразамъ. Они не любили Петербурга и восторгались Москвой; они считали вредной реформу Петра и звали назадъ къ укладамъ русскаго народоправства (вѣче, «соборы» и пр.), какъ будто можно было вернуться туда,—они вѣрили, что въ области духа русскіе скажутъ послѣднее слово и вмѣстѣ съ тѣмъ сами отличались туманностью и неопредѣленностью мысли; они по дѣтски дорожили формой въ одеждѣ, въ языкѣ, въ религіи; они думали, что надѣть сарафанъ или красную кумачную рубаху—значило уже сдѣлать что-то такое важное. Люди даровитые, честные, они однако не завѣщали намъ ничего цѣннаго, и причина этого заключалась въ томъ, что славянофилы сами не знали хорошенько, чего они хотѣли. Припоминаю по этому поводу смѣшной анекдотъ: однажды на балу К. Аксаковъ горячо убѣждалъ какую-то даму бросить парижскія моды и облечься въ сарафанъ. Къ разговаривавшимъ подошелъ московскій генералъ-губернаторъ, при которомъ Аксаковъ продолжалъ и еще съ бо̀льшимъ увлеченіемъ развивать свои мысли. Одинъ изъ гостей, проходя мимо Чаадаева, по обыкновенію стоявшаго въ сторонѣ и иронически улыбавшагося, спросилъ: «о чемъ это Аксаковъ говоритъ съ генералъ-губернаторомъ?»—«Не знаю, право,—отвѣчалъ Чаадаевъ,—но кажется,

Константинъ Сергѣевичъ убѣждаетъ генерала снять мундиръ и надѣть вмѣсто него сарафанъ». Si non e vero...

«Казалось,—говоритъ Анненковъ,—сама исторія, намѣтившая для Россіи два столичныхъ центра, тѣмъ самымъ указала два противоположныхъ пункта, съ которыхъ должны были вспыхнуть всѣ эти споры и исканія общественныхъ основъ и идеаловъ. Все общество распалось на два враждебныхъ лагеря. Одни—«москвичи», «славяне» или «славянофилы», съ особеннымъ азартомъ отстаивая сначала все безъ исключенія русское, давая всѣмъ пришлымъ элементамъ, за исключеніемъ византійскаго, самое ничтожное значеніе въ развитіи государства, смотрѣли подчасъ на нихъ, какъ на несчастіе, помѣшавшее народу выразить всю свою сущность, доходили при этомъ до крайностей въ идеализаціи этого народа, превознося чрезмѣрно смиреніе, кротость, мудрость; утверждали даже, что земля русская удобрялась для исторіи, не какъ земля западныхъ народовъ, кровью населенія, а только слезами его. Съ этой стороны выдвинулся цѣлый рядъ талантливыхъ вожаковъ мысли, какъ К. Аксаковъ, Кирѣевскій, Хомяковъ, которые съ большимъ умѣніемъ отстаивали свои идеи національности въ тогдашнемъ журналѣ «Москвитянинъ». Въ свою очередь, зло и съ большимъ знаніемъ дѣла имъ отвѣчала петербургская партія «западниковъ», органомъ которыхъ съ 1840 года сдѣлались «Отечественныя Записки», гдѣ въ то время начали писать Бѣлинскій, Грановскій. Эти, напротивъ, —вліянію постороннихъ, пришлыхъ національностей отводили значительное мѣсто въ образованіи всего московскаго государства, въ опредѣленіи хода всей его исторіи, при этомъ въ своей рѣзкой проповѣди общечеловѣческаго развитія, законы котораго одинаковы, какъ они утверждали, для всѣхъ странъ, доходили иногда до отрицанія всякихъ народныхъ отличій. Живой споръ этотъ положилъ рѣзкую печать раздѣленія на двѣ партіи не только тогдашнюю журналистику, но даже и на все читающее общество. Нужно было видѣть тотъ восторгъ, то яркое пробужденіе общества, когда въ 1843 году молодой и талантливый историкъ Грановскій выступилъ со своими замѣчательными публичными лекціями.

«Я еще засталъ,—продолжаетъ П. В. Анненковъ,—ученое и,такъ сказать, междусословное торжество, происходившее въ Москвѣ по случаю первыхъ публичныхъ лекцій Грановскаго, собравшаго около себя не только людей науки, всѣ литературныя партіи и обычныхъ восторженныхъ своихъ слушателей—молодежь университета; но и весь *образованный* классъ города—отъ стариковъ, только что покинувшихъ ломберные столы, до дѣвицъ, еще не отдохнувшихъ послѣ подвиговъ на паркетѣ и отъ губернскихъ чиновниковъ до неслужащихъ дворянъ... Большинство слушателей понимало его хорошо, такъ поняло оно и лекцію о Карлѣ Великомъ, на которую я и попалъ... Когда, въ заключеніе своихъ лекцій, профессоръ обратился прямо отъ себя къ публикѣ, напоминая ей, какой необъятный долгъ благодарности лежитъ на насъ по отношенію къ Европѣ, отъ которой мы даромъ получили блага цивилизаціи и человѣческаго существованія, доставшіяся ей путемъ кровавыхъ трудовъ и горькихъ опытовъ,—

олосъ его покрылся взрывомъ рукоплесканій, раздавшимся во всѣхъ онцахъ аудиторіи.»

Разумѣется, что не разъ дѣлавшіяся попытки примирить западиковъ и славянофиловъ не приводили ни къ чему. Славянофильтво—ученіе сердца, подчасъ по-маниловски настроеннаго (напр. Загоскина), не шло ни на какія соглашенія; оно повидимому твѣчало потребности русскаго человѣка восторгаться хотя-бы акою смутною вещью, какъ русская подоплёка или старорусское ародоправство. Теперь славянофильство окончательно выдыхлось никогда не залечитъ ударовъ, нанесенныхъ ему Бѣлинскимъ, ерценомъ, Тургеневымъ и особенно Вл. Соловьевымъ («Національый Вопросъ» 2 т.). Но выдыхлось и западничество, ибо основа го была чисто теоретическая, отвлеченная. Европейская культура выше нашей, но основного зла европейской культуры, экоомическаго неравенства и борьбы классовъ чистые западники, акъ напр. Тургеневъ и Грановскій, видѣть не хотѣли. Свобода ауки и изслѣдованія, вѣротерпимость, свобода слова и мысли ыли въ ихъ глазахъ настолько цѣнными благами, что въ стремеваніи къ нимъ они полагали смыслъ гражданской дѣятельности аждаго образованнаго человѣка.

Самымъ цѣннымъ элементомъ западничества является его криицизмъ, вытекавшій изъ сопоставленія русскихъ формъ жизни съ вропейскими, и практичность. Западникъ зналъ, что̀ ему дѣлать какъ ему дѣлать. Жизнь на его сторонѣ, и каждый день—хоимъ ли мы этого, или не хотимъ—наша культура сближается съ вропейской. Это то и заставляетъ оставить симпатичную и выокую идею русскаго мессіанизма, такъ какъ до сей поры держится въ тайнѣ, въ чемъ сущность этого мессіанизма и когда для его наступитъ время.

Отвращеніе къ крѣпостничеству, поѣздка за-границу, дружба съ рановскимъ и Станкевичемъ, любовь къ европейской литературѣ дѣлали Тургенева западникомъ. Вліяніе Бѣлинскаго могущественно ѣйствовало въ томъ же направленіи. Я перехожу теперь къ гому вліянію и замѣчу предварительно, что близость къ Бѣлинкому—самое поэтичное и лучшее, что̀ было въ его жизни.

* * *

«Возвратившись въ Петербургъ изъ Спасскаго (лѣтомъ 43 г.),—ишетъ Тургеневъ,—я отправился къ Бѣлинскому, и знакомство

наше началось. Онъ вскорѣ уѣхалъ въ Москву—жениться и потомъ поселился на дачѣ въ Лѣсномъ. Я также нанялъ дачу въ первомъ Парголовѣ и до самой осени почти каждый день посѣщалъ Бѣлинскаго. Я полюбилъ его искренне и глубоко; онъ благоволилъ ко мнѣ...

«Когда я познакомился съ нимъ, его мучили сомнѣнія. Эту фразу я часто слышалъ и самъ примѣнялъ ее не однажды, но дѣйствительно и вполнѣ она примѣнялась къ одному Бѣлинскому. Сомнѣнія его именно мучали его, лишали его сна, пищи, неотступно жгли и грызли его; онъ не позволялъ себѣ забыться и не зналъ усталости; онъ денно и нощно бился надъ разрѣшеніемъ вопросовъ, которые самъ задавалъ себѣ. Бывало, какъ только я приду къ нему,—онъ, исхудалый, больной (съ нимъ сдѣлалось тогда воспаленіе въ легкихъ и чуть не унесло его въ могилу), тотчасъ вставалъ съ дивана и едва слышнымъ голосомъ, безпрестанно кашляя, съ пульсомъ, бившимъ сто разъ въ минуту, съ неровнымъ румянцемъ на щекахъ, начнетъ прерванную наканунѣ бесѣду. Искренность его дѣйствовала на меня, его огонь сообщался и мнѣ, важность предмета меня увлекала; но, поговоривъ часа два, три, я ослабѣвалъ, легкомысліе молодости брало свое, мнѣ хотѣлось отдохнуть, я думалъ о прогулкѣ, объ обѣдѣ, сама жена Бѣлинскаго умоляла и мужа, и меня хотя немножко погодить, хотя на время прервать эти пренія, напоминала ему предписаніе врача... но съ Бѣлинскимъ сладить было не легко.— «Мы не рѣшили еще вопроса о существованіи Бога,— сказалъ онъ мнѣ однажды съ горькимъ упрекомъ,—а вы хотите ѣсть!»...

Сознаюсь,—продолжаетъ Тургеневъ,—что, написавъ эти слова, я чуть не вычеркнулъ ихъ при мысли, что они могутъ возбудить улыбку на лицахъ иныхъ изъ моихъ читателей... Но не пришло бы въ голову смѣяться тому, кто самъ бы слышалъ, какъ Бѣлинскій произнесъ эти слова, и если при воспоминаніи объ этой небоязни смѣшного улыбка можетъ придти на уста, то развѣ улыбка умиленія и удивленія.

«Лишь добившись удовлетворившаго его въ то время результата, Бѣлинскій успокоился и, отложивъ размышленія о тѣхъ капитальныхъ вопросахъ, возвратился къ ежедневнымъ трудамъ и занятіямъ. Со мною онъ говорилъ особенно охотно потому, что я недавно вернулся изъ Берлина, гдѣ втеченіи двухъ семестровъ занимался гегелевской философіей и былъ въ состояніи передать ему самые свѣжіе, послѣдніе выводы.»

Лѣто 43 г. закрѣпило дружескія отношенія, конецъ которымъ былъ положенъ лишь смертью Бѣлинскаго. Несомнѣнно, что онъ имѣлъ на Тургенева большое нравственное вліяніе, все равно какъ и на другихъ членовъ своего кружка,—Некрасова напримѣръ. Напомню, что̀ сказалъ однажды послѣдній: «заняться своимъ образованіемъ у меня не было времени, надо было думать о томъ, чтобы не умереть съ голоду. Я попалъ въ такой литературный кружокъ, въ которомъ скорѣе можно было отупѣть, чѣмъ развиться. Моя встрѣча съ Бѣлинскимъ была для меня спасеніемъ... Что-бы ему пожить подольше!.. Я бы былъ не тѣмъ человѣкомъ, какимъ теперь»... Спасать Тургенева было не отъ чего, но такіе люди, какъ Бѣлинскій, закрѣпляютъ правду въ сердцахъ всѣхъ, кто сходится съ ними. Любопытно между прочимъ, что къ Тургеневу Бѣлинскій относился поотечески и зачастую журилъ его за барскія замашки, за юношескую хвастливость, подчасъ и за фразерство. Передамъ нѣсколько эпизодовъ. Однажды напр. Тургеневъ занялъ денегъ у Некрасова и долго не отдавалъ, такъ камъ самъ сидѣлъ безъ гроша. Объ этомъ разсказали Бѣлинскому. Онъ, придя къ Панаевымъ, какъ нарочно встрѣтилъ тамъ Тургенева, собиравшагося идти обѣдать къ Дюссо. Бѣлинскій зналъ, что обыкновенно по четвергамъ въ этотъ модный ресторанъ сходилось много аристократической молодежи обѣдать, и накинулся на Тургенева: «Къ чему вы разыгрываете барина? Гораздо проще было бы взять деньги за свою работу, чѣмъ, сдѣлавъ одолженіе человѣку, обращаться сейчасъ-же къ нему съ займами денегъ. Понятно, что Некрасову неловко вамъ отказывать, и онъ самъ занимаетъ для васъ деньги, платя жидовскіе проценты. Добро-бы вамъ нужны были деньги на что нибудь путное, а то пошикарить у Дюссо»... и пошелъ, и пошелъ. «Тургеневъ очень походилъ на провинившагося школьника и возразилъ: «Да вѣдь не преступленіе я сдѣлалъ; я вѣдь отдамъ Некрасову эти деньги... Просто необдуманно поступилъ». «Такъ впередъ обдумывайте хорошенько, что дѣлаете; я для этого и говорилъ вамъ такъ рѣзко, чтобы вы позорче слѣдили за собой». Такіе нагоняи Тургеневу приходилось получать нерѣдко. «Разносилъ» его Бѣлинскій также за лѣнь и неаккуратность.

«Въ 1848 г. — разсказываетъ Головачева въ воспоминаніяхъ — Тургеневъ, вернувшисъ поздней осенью изъ деревни, шумно выражалъ свою радость по поводу задуманнаго изданія «Современника». Бѣлинскій ему замѣтилъ:

— Вы не словами высказывайте свое участіе, а на дѣлѣ.

3*

— Даю вамъ честное слово, что я буду самымъ ревностнымъ сотрудникомъ будущаго «Современника».

— Не такое ли даете слово, какое вы мнѣ дали, уѣзжая въ деревню, что, возвратясь, вручите мнѣ вашъ разсказъ для моего «Альманаха»?—спросилъ ироническимъ тономъ Бѣлинскій.

— Онъ у меня написанъ для васъ, только надо его обдѣлать...

— Лучше ужъ прямо бы сознались, что онъ не оконченъ, чѣмъ вилять.

— Клянусь вамъ, что осталось работы не болѣе, какъ на недѣлю.

— Знаю я васъ, пойдете шляться по свѣтскимъ салончикамъ. Кажется, не мало времени сидѣли въ деревнѣ и то не могли окончить.

Тургеневъ клялся, что съ завтрашняго утра засядетъ за работу и пока не окончитъ, самъ никуда не выйдетъ и къ себѣ никого не приметъ. Бѣлинскій на это отвѣтилъ:

— Всѣ вы одного поля ягодки, на словахъ любите разводить бобы, а чуть коснулось дѣла, такъ не шевельнутъ и пальцемъ... да и я-то хорошъ гусь, кажется, не первый день васъ всѣхъ знаю, а имѣлъ глупость разсчитывать на ваше обѣщаніе... Ну, смотрите, Тургеневъ, если вы не сдержите своего обѣщанія, что все вами написанное будетъ исключительно печататься въ «Современникѣ», то такъ и знайте,—я вамъ руки не подамъ, не пущу на порогъ своего дома!

Всѣ присутствующіе улыбались на угрозы Бѣлинскаго.»

Разумѣется, на нагоняи, получаемые отъ Бѣлинскаго, никто никогда не обижался, хотя порою онъ пробиралъ довольно сердито. Разъ онъ жестоко набросился на Тургенева, когда узналъ, что тотъ въ «великосвѣтскихъ салончикахъ» увѣряетъ «дамъ и кавалеровъ», будто-бы не беретъ литературнаго гонорара и помѣщаетъ свои произведенія даромъ. «Да какъ вы рѣшились сказать такую пошлость, вы—Тургеневъ!.. Да развѣ это постыдно брать деньги за собственный трудъ? Или по вашимъ понятіямъ только тунеядецъ можетъ быть порядочнымъ человѣкомъ?» — волновался Бѣлинскій, нагоняя на лицо умнаго русскаго барича краску стыда и раскаянія.

Да, великимъ было счастьемъ имѣть возлѣ себя такого чистаго, дѣтски правдиваго человѣка, какъ Бѣлинскій, этого героя труда, этого образца искренности и благородства. И это великое счастье полностью выпало на долю Тургенева. И думается, что онъ нуждался въ немъ, что, не встрѣться онъ съ Бѣлинскимъ, не совсѣмъ то-бы вышло изъ него, что вышло въ дѣйствительности. Среди недостатковъ юноши-Тургенева приходится отмѣтить одинъ, самъ по себѣ невинный, но такой, изъ котораго могутъ произойти крупнѣйшіе нравственные недочоты. Этотъ недостатокъ — всероссійская халатность, обломовщина, отсутствіе стойкости.

Честнѣйшимъ и милѣйшимъ человѣкомъ былъ напр. Илья Ильичъ, а что значило ему прямо по распущенности натворить сколько угодно бѣдъ и крупныхъ, и малыхъ? Взять въ долгъ денегъ и не заплатить въ срокъ, не отвѣтить во-время на нужное письмо, хотя-бы отъ этого отвѣта зависѣло очень многое, обѣщать что нибудь и не исполнить обѣщаннаго, разорить себя и чужихъ хотя-бы отъ излишняго добродушія—все это совсѣмъ по русски—по барски. И такая-же черта халатности, не достаточно строгаго отношенія къ себѣ была очень глубоко заложена въ Тургеневѣ. Пригласить къ себѣ въ гости на обѣдъ, на дачу, а самому уйти и ухаживать за поповкой, забывъ о гостяхъ; обѣщать разсказъ въ «Современникъ» и забрать авансъ у Краевскаго, не представить рукописи во-время — все это, разумѣется, мелочь, пустякъ, но такая мелочь, такой пустякъ, отъ которыхъ впослѣдствіи самъ Тургеневъ настойчиво предостерегалъ юношество. И несомнѣнно онъ былъ правъ: вѣдь Бѣлинскій или Добролюбовъ никогда не позволяли себѣ даже малѣйшаго проявленія распущенности, прекрасно понимая, что вещь, сама по себѣ невинная и даже милая и привлекательная по формѣ, грозитъ большими неудобствами въ нормальной жизни.

Изъ разговоровъ Тургенева съ Бѣлинскимъ сохранились только отрывки; на нѣкоторыхъ изъ нихъ необходимо остановиться.

«Бѣлинскій—пишетъ Тургеневъ—не былъ поклонникомъ принципа «искусство для искусства»—да оно и не могло быть иначе по всему складу его мыслей. Помню я, съ какой комической яростью онъ однажды при мнѣ напалъ на Пушкина за его два стиха «Поэтъ и Чернь»:

> Печной горшокъ тебѣ дороже,
> Ты пищу въ немъ себѣ варишь.

— И конечно,—твердилъ Бѣлинскій, сверкая глазами и бѣгая изъ угла въ уголъ:—конечно дороже. Я не для себя одного, я для своего семейства, я для другого бѣдняка въ немъ пищу варю и—прежде чѣмъ любоваться красотой истукана—будь онъ распрефидіасовскій Аполлонъ, —мое право, моя обязанность накормить себя и своихъ, на зло всякимъ негодующимъ барычамъ и виршеплетамъ!»...

«Я—продолжаетъ Тургеневъ—часто ходилъ къ нему послѣ обѣда отводить душу. Онъ занималъ квартиру въ нижнемъ этажѣ, по Фонтанкѣ, недалеко отъ Аничковскаго моста,—невеселыя, до-

вольно сырыя комнаты. Не могу не повторить: тяжелыя тогда стояли времена; нынѣшнимъ молодымъ людямъ не приходилось испытать ничего подобнаго. Пусть читатель самъ посудитъ: утромъ быть можетъ возвратили твою корректуру, всю исполосованную, обезображенную красными чернилами, словно окровавленную; можетъ быть даже тебѣ пришлось съѣздить къ цензору и, представивъ напрасныя унизительныя оправданія, объясненія, выслушать его безапелляціонный, часто насмѣшливый приговоръ... Бросишь вокругъ себя мысленный взоръ: взятничество процвѣтаетъ, крѣпостное право стоитъ какъ скала, казарма на первомъ планѣ... Ну, вотъ и придешь на квартиру Бѣлинскаго, придетъ другой, третій пріятель, затѣется разговоръ и легче станетъ; предметы разговоровъ были большей частью нецензурнаго въ тогдашнемъ смыслѣ слова свойства, но собственно политическихъ преній не происходило: безполезность ихъ слишкомъ явно била въ глаза каждому. Общій колоритъ нашихъ бесѣдъ былъ философски-литературный, критически-эстетическій и пожалуй соціальный, рѣдко историческій. Иногда выходило очень интересно, даже сильно; иногда нѣсколько поверхностно и даже легковѣсно.

«Какъ во всѣхъ людяхъ съ пылкой душой, во всѣхъ энтузіастахъ, въ Бѣлинскомъ была большая доля нетерпимости. Онъ не признавалъ, особенно сгоряча, ни одной частицы правды во мнѣніяхъ противника и отворачивался отъ нихъ съ тѣмъ-же негодованіемъ, съ которымъ покидалъ собственныя мнѣнія, когда находилъ ихъ ошибочными. Но его можно было «прошибить», какъ я сказалъ ему однажды и чему онъ много смѣялся,—истина была для него слишкомъ дорога; онъ не могъ окончательно упорствовать. Къ одной лишь московской партіи, къ славянофиламъ, онъ всю жизнь относился враждебно... Въ собственныхъ промахахъ Бѣлинскій признавался безъ всякой задней мысли: мелкаго самолюбія въ немъ и слѣда не было.—«Ну, вралъ же я чушь!» бывало говаривалъ онъ съ улыбкой—и какая эта въ немъ была хорошая черта!.. Ничего не было для него важнѣе и выше дѣла, за какое онъ стоялъ, мысль, которую онъ защищалъ и проводилъ: тутъ онъ на стѣну готовъ былъ лѣзть, и бѣда тому, кто ему попадался подъ руку! Тутъ и смѣлость являлась въ немъ—отвага отчаянная, на зло его физикѣ и нервамъ; тутъ онъ всѣмъ готовъ былъ жертвовать! При такой сильной раздражительности,—такая слабая, личная обидчивость... Нѣтъ! подобнаго ему человѣка я не встрѣчалъ ни прежде, ни послѣ!»...

Лѣтомъ 1847 г. Бѣлинскій попалъ въ первый и послѣдній разъ за границу. Тургеневъ встрѣтилъ его въ Штеттинѣ и прожилъ съ нимъ нѣсколько недѣль въ Зальцбруннѣ, маленькомъ силезскомъ городкѣ, славившимся своими водами, будто-бы излечивающими отъ чахотки. Потомъ друзья въ послѣдній разъ увидѣлись въ Парижѣ, когда Бѣлинскому оставалось жить всего нѣсколько мѣсяцевъ, когда онъ уже усталъ и охладѣлъ ко всему.

Для Тургенева образъ Бѣлинскаго навсегда остался въ сердцѣ путеводной звѣздой. «И вотъ уже двадцать лѣтъ слишкомъ прошло со смерти Бѣлинскаго,—читаемъ мы въ литературныхъ воспоминаніяхъ, написанныхъ въ 1868 г.,—и я вызвалъ его дорогую тѣнь. Не знаю, насколько мнѣ удалось передать читателямъ главныя черты его образа, но я уже доволенъ тѣмъ, что онъ побылъ со мною въ моемъ воспоминаніи... «Человѣкъ онъ былъ!..»

Внѣшняя сторона жизни Тургенева за время сороковыхъ годовъ можетъ быть разсказана въ немногихъ словахъ. Четыре зимы (1843—1846) онъ пробылъ въ Петербургѣ, а въ 1846 году опять уѣхалъ за-границу. Онъ пробовалъ служить, но неудачно, и скоро вышелъ въ отставку. Тогда-же случилась его первая серьезная размолвка съ матерью, причина которой намъ неизвѣстна. Излагаютъ впрочемъ исторію этой ссоры такъ: однажды Тургеневъ пріѣхалъ въ Спасское. Не зная, чѣмъ ему угодить, Варвара Петровна устроила ему особенно-торжественную встрѣчу, велѣла всѣмъ дворовымъ мужчинамъ и женщинамъ выстроиться въ рядъ по подъѣздной аллеѣ и какъ только баринъ покажется, о чемъ должны были извѣстить разставленные впереди верховые,—привѣтствовать его «громко и радостно». Тургеневъ разсердился и немедленно, повернувъ лошадей, вернулся въ Петербургъ. Этого Варвара Петровна не могла простить ему вплоть до самой смерти и умерла непримиренная съ сыномъ. Какъ бы то ни было, благодаря ссорѣ, Тургеневъ остался лишь при своемъ литературномъ заработкѣ и сильно нуждался, такъ что и обѣдать ему приходилось не каждый день. Въ Берлинъ онъ отправился главнымъ образомъ потому, что тамъ въ это время находилась знаменитая нѣкогда пѣвица Віардо Гарсіа, которую Тургеневъ видѣлъ ранѣе въ Петербургѣ, сразу полюбилъ и уже на всю жизнь.

Время, когда мы могли бы совершенно свободно разбирать

отношенія Тургенева къ Віардо, еще не пришло. Ограничусь поэтому немногими достовѣрными фактами.

« — Я помню,—разсказываетъ Головачева,—разъ, вечеромъ, Тургеневъ явился къ намъ въ какомъ-то экстазѣ.

— Господа, я такъ счастливъ сегодня, что не можетъ быть другого на свѣтѣ счастливѣе меня человѣка!—говорилъ онъ.

Приходъ Тургенева остановилъ игру въ преферансъ, за которымъ сидѣли Бѣлинскій, Боткинъ и другіе. Боткинъ сталъ приставать къ Тургеневу, чтобы онъ поскорѣе разсказалъ о своемъ счастьѣ, да и другіе очень заинтересовались. Оказалось, что у Тургенева очень болѣла голова и сама Віардо потерла ему виски одеколономъ. Бѣлинскій не любилъ, когда прерывали его игру, бросалъ сердитые взгляды на оратора и его слушателей и наконецъ воскликнулъ нетерпѣливо:

— Хотите, господа, продолжать игру, или смѣшать карты?

Игру стали продолжать, а Тургеневъ, расхаживая по комнатѣ, продолжалъ еще говорить о своемъ счастьѣ. Бѣлинскій поставилъ ремизъ и съ сердцемъ сказалъ Тургеневу:

— Ну, можно ли вѣрить въ такую трескучую любовь, какъ ваша?»

Бѣлинскій однако ошибся, любовь Тургенева оказалась не трескучей, а преданной и покорной, любовью на всю жизнь. Віардо отлично пѣла и играла, но была далеко не красавица; особенно непріятно поражалъ ея огромный ротъ. Имѣя европейскую извѣстность, она держала себя гордо и недоступно. Щедрости не было въ числѣ ея добродѣтелей, скорѣе наоборотъ. Проведя большую часть жизни въ Парижѣ и при различныхъ дворахъ, окруженная избраннымъ обществомъ и безумною роскошью, она, несмотря на невысокое происхожденіе, усвоила себѣ лоскъ свѣтской грандъ-дамы, что было далеко не безразлично въ глазахъ И. С. Тургенева. Разумѣется, первое время онъ только вздыхалъ и восторгался, но потомъ Віардо приблизила его къ себѣ, и онъ всю вторую половину жизни провелъ подъ одной кровлей съ ея семьей или гдѣ-нибудь рядомъ. Въ 46-омъ году онъ при первой-же возможности помчался за ней въ Германію.

Пичъ (Pitsch) часто встрѣчался съ Тургеневымъ въ Берлинѣ въ 40 гг. и подробно расказалъ намъ о своемъ знакомствѣ съ нимъ. Между прочимъ интересно описаніе наружности Тургенева: «Тогда его волосы, посѣдѣвшіе съ 1868 года, были еще темнорусыми и, вмѣсто полной бороды, только короткіе русые усы оттѣняли его верхнюю губу. Головой и ростомъ онъ напоминалъ намъ Петра Великаго въ молодости, хотя онъ и не имѣлъ ничего общаго съ полудикой и необузданной натурой великаго

преобразователя Россіи. Эти массивныя голова и тѣло вмѣщали въ себѣ утонченный умъ, добрую и мягкую, гуманную душу. Это былъ человѣкъ, не сдѣлавшій никому ни малѣйшаго вреда, кромѣ развѣ животныхъ, убитыхъ имъ на охотѣ, такъ какъ онъ всю свою жизнь былъ страстнымъ и неутомимымъ охотникомъ.

«Ни у кого, кромѣ Тургенева, —продолжаетъ Пичъ,—мы не встрѣчали такой утонченности чувствъ, такого оригинальнаго умѣнья все видѣть и подобнаго искусства все видѣнное и пережитое представить слушателю вполнѣ наглядно, съ живостью и мѣткой опредѣлительностью, со всѣми подробностями и со всей привлекательностью и очарованіемъ поэтическаго изображенія, при всей сжатости разсказа. Самые талантливые поэты и художники, члены этого кружка, какъ всѣ идеалисты того времени, склонные къ умозрительности, не обладали такимъ врожденнымъ пониманіемъ природы и умѣньемъ схватывать дѣйствительность, что впрочемъ вполнѣ объясняется абстрактностью нашего воспитанія. Тѣмъ сильнѣе и новѣе было впечатлѣніе бесѣды Тургенева.»

Пичъ отмѣчаетъ еще въ Тургеневѣ черту поразившей его скромности:

«Удивительнѣе всего,—говоритъ онъ,—что Тургеневъ, противъ обыкновенія всѣхъ поэтовъ, ни однимъ словомъ не обмолвился тогда о томъ, что въ его отечествѣ онъ уже былъ извѣстенъ за выдающагося писателя. Очень часто, подъ впечатлѣніемъ его художественнаго разсказа и всего его существа, я говорилъ ему: «Вы—истинный поэтъ! вы—великій, единственный въ мірѣ разсказчикъ! вашъ народъ и весь свѣтъ узнаютъ васъ и будутъ удивляться вамъ». Улыбаясь, онъ отклонялъ эти похвалы и увѣрялъ,—о, лицемѣръ!—что въ немъ нѣтъ ничего поэтическаго. Разсказы Тургенева отличались «глубокимъ уныніемъ». «Его тяготило грустное положеніе родины, особенно торжествующее крѣпостничество, къ которому онъ возвращался то и дѣло съ ненавистью и отвращеніемъ». Любопытенъ между прочимъ эпизодъ о бабушкѣ Тургенева, переданный имъ самимъ Пичу. Вотъ что̀ разсказывалъ Тургеневъ:

«Старая, вспыльчивая барыня, пораженная параличемъ и почти неподвижно сидѣвшая въ креслѣ, разсердившись однажды на казачка, который ей услуживалъ, за какой-то недосмотръ, въ порывѣ гнѣва, схватила полѣно и ударила мальчика по головѣ такъ сильно, что онъ упалъ безъ чувствъ. Это зрѣлище произвело на нее непріятное впечатлѣніе; она нагнулась и приподняла его на свое ши-

рокое кресло, положила ему большую подушку на окровавленную голову,—я теперь еще помню то неподдѣльное выраженіе, которое Тургеневъ употребилъ при этомъ разсказѣ—*и, сѣвши на него, задушила его.*—Само собою разумѣется, эта величественная барыня ничѣмъ за это не поплатилась.»

Больше о пребываніи Тургенева въ Берлинѣ мы не знаемъ ничего. Въ заключеніи этой главы—нѣсколько словъ о его литературной дѣятельности въ разсматриваемый періодъ. Пичъ, увѣряя, что въ 46 г. Тургеневъ былъ уже признаннымъ русскимъ писателемъ и даже «выдающимся», очевидно преувеличиваетъ дѣло. Раньше 52 г., т. е. до выхода въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ «Записокъ Охотника», Тургеневъ не зналъ не только славы, а даже извѣстности. Виноватъ былъ впрочемъ онъ самъ. Онъ писалъ стихи, по поводу которыхъ самъ впослѣдствіи сказалъ слѣдующія неоспоримыя слова: «я чувствую положительную, чуть не форменную антипатію къ моимъ стихотвореніямъ—и не только не имѣю ни одного экземпляра моихъ поэмъ, но дорого бы далъ, чтобы ихъ вообще не существовало на свѣтѣ». Онъ писалъ драмы и комедіи, но, кромѣ трехъ изъ нихъ: «Мѣсяцъ въ деревнѣ», «Провинціалка» и «Холостякъ», ни одна не можетъ остановить на себѣ вниманіе читателя.

Приходится просто удивляться, что изъ подъ пера Тургенева вышла такая слабая вещь, какъ «Неосторожность» (дррама изъ испанскихъ ндравовъ, какъ выразился справедливо одинъ изъ критиковъ)—или «Безденежье»! *Нашелъ себя* Тургеневъ только въ «Запискахъ Охотника», но странная судьба постигла эту поистинѣ чудную вещь! Что «Записки Охотника» носятъ на себѣ печать генія—это несомнѣнно; однако Бѣлинскій, чувствуя предсмертную усталость, отнесся къ нимъ холодно, и первая, настоящая критика принадлежитъ—какъ это ни странно,—не Бѣлинскому, а Анненскому.

Впрочемъ и Анненскій не съумѣлъ оцѣнить полностью содержанія «Записокъ». Имъ напр. совершенно не указана публицистическая (за которую, кстати сказать, Тургеневъ отсидѣлъ два мѣсяца въ кутузкѣ,—слѣд. Бенкендорфъ видѣлъ, а критики не видѣли) сторона разсказовъ, именно рѣзкій и искренній протестъ противъ крѣпостного права! «Записки Охотника»—популярнѣйшее въ настоящее время произведеніе Тургенева, нѣчто «вѣчное», какъ говорили въ 30-хъ годахъ,—были оцѣнены не критикой, а публикой, которая раскупала на расхватъ два дорогіе тома. Публика поняла, въ чемъ тутъ дѣло, поняла, что

небо послало ей новый, огромный художественный талантъ, и мало того: талантъ съ сердцемъ, искренне любящимъ, искренне ненавидящимъ. Она пошла за этимъ талантомъ, возвела его въ 50-хъ годахъ на степень кумира и полубога и не обманулась. Она измѣнила Тургеневу лишь послѣ появленія «Отцовъ и Дѣтей», но эта измѣна была лишь временной и, какъ скоро увидимъ, болѣе чѣмъ несправедливой.

«Записки Охотника» были необходимымъ дополненіемъ къ мрачной шуткѣ Гоголя—«Мертвымъ Душамъ», читая которыя, лишь вскользь видишь, что̀ дѣлали крѣпостные Манилова, Ноздрева, Пѣтуха, Собакевича, Плюшкина. Въ сравненіи съ «Записк. Охотн.» «Мертвыя Души»—идиллія, такъ какъ, изучая послѣднія, чувствуешь, что все-же «мужички живутъ по маленьку». Впрочемъ не мужичками и интересовался Гоголь.

Въ исторіи развитія нашихъ народолюбческихъ и демократическихъ идей «Записки Охотн.» сыграли огромную и плодотворную роль,—неменьшую, по нашему мнѣнію, чѣмъ прославленная повѣсть Д. В. Григоровича—«Антонъ Горемыка».

III.

Пятидесятые годы.—Кружокъ Эпикурейцевъ.

Я выдѣляю 50-ые года въ отдѣльную главу, такъ какъ это десятилѣтіе имѣло особенное значеніе въ жизни и дѣятельности Тургенева. Замѣтимъ прежде всего, что за этотъ промежутокъ времени появились: «Рудинъ», «Фаустъ», «Дворянское Гнѣздо», «Наканунѣ» и были написаны «Отцы и Дѣти». Слава Тургенева, подъ которую былъ заложенъ такой несокрушимый фундаментъ, какъ два тома «Записокъ Охотника», продолжала наростать и къ концу разсматриваемаго періода достигла размѣровъ, до той поры невиданныхъ. Даже Гоголя знали только въ Россіи, Тургенева перваго изъ русскихъ поэтовъ стали читать и заграницей. Между прочимъ позволю себѣ отмѣтить любопытное хронологическое совпаденіе: «Записки Охотника» появились въ годъ смерти Гоголя, и авторъ «Ревизора» какъ-бы передалъ свое первое мѣсто въ литературѣ автору «Муму», «Однодворца Овсянникова», «Рудина» и «Фауста».

Съ отношеній Тургенева и Гоголя мы и начнемъ нашъ разсказъ. Сначала впрочемъ упомянемъ объ одномъ важномъ эпизодѣ. Въ 1850 г. умерла В. П. Тургенева и оставила въ наслѣдство сыну громадныя, прекрасно устроенныя имѣнія. Онъ внезапно сталъ богачемъ, человѣкомъ безусловно свободнымъ и безусловно независимымъ. Что-же сдѣлалъ онъ для своихъ крестьянъ? Вотъ его собственныя слова: «я немедленно отпустилъ дворовыхъ на волю, пожелавшихъ крестьянъ перевелъ на оброкъ, всячески содѣйствовалъ успѣху общаго освобожденія, при выкупѣ вездѣ уступилъ пятую часть—и въ главномъ имѣніи не взялъ ничего за усадебную землю, что составляло крупную сумму. Другой, быть можетъ, на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ-бы больше и скорѣе, но я обѣщался сказать правду и говорю ее, какова она ни на есть. Хвастаться ею нечего; но и безчестія, я полагаю, она принести мнѣ не можетъ».

Теперь объ отношеніяхъ къ Гоголю. Мы уже говорили о первой ихъ встрѣчѣ въ аудиторіи Петербургскаго университета; отъ первой встрѣчи до второй (1851 г.) прошло слишкомъ 15 лѣтъ. «Меня—пишетъ Тургеневъ—свелъ къ Гоголю покойный Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ. Я не готовился ни къ какой бесѣдѣ, а просто жаждалъ видѣться съ человѣкомъ, творенія котораго я чуть не зналъ наизусть. Нынѣшнимъ молодымъ людямъ даже трудно растолковать обаяніе, окружавшее тогда его имя; теперь же и нѣтъ никого, на комъ могло-бы сосредоточиться общее вниманіе». Гоголь въ свою очередь очень симпатично относился къ молодому литератору, хвалилъ его разсказы и какъ-то разъ замѣтилъ даже, что «теперь стоитъ читать только одного Тургенева». Гоголь весело встрѣтилъ гостей и проговорилъ: «намъ давно слѣдовало быть знакомыми». Не смотря на веселый тонъ, видъ его поразилъ Тургенева. Онъ казался худымъ и испитымъ человѣкомъ, котораго успѣла уже порядкомъ измыкать жизнь. Какая-то затаенная боль и тревога, какое-то грустное безпокойство примѣшивались къ постоянно проницательному выраженію лица. «Какое ты умное, странное и больное существо», невольно думалось, глядя на него. «Помнится,—продолжаетъ Тургеневъ,—мы съ Щепкинымъ ѣхали къ Гоголю, какъ къ необыкновенному, геніальному человѣку, у котораго что-то тронулось въ головѣ: вся Москва была о немъ такого мнѣнія. Михаилъ Семеновичъ предупредилъ меня, что съ нимъ не слѣдуетъ говорить о продолженіи «Мертвыхъ Душъ»,—объ этой второй части, надъ ко-

торою онъ такъ долго и упорно трудился и которую онъ, какъ извѣстно, сжегъ передъ смертью». При встрѣчѣ Гоголь, противъ обыкновенія, оказался очень словоохотливымъ. Онъ много и прекрасно говорилъ о литературѣ, о призваніи писателя. Только когда онъ завелъ рѣчь о цензурѣ, чуть не возвеличивая, чуть не одобряя ее, какъ средство развивать въ писателѣ сноровку, умѣнье защищать свое дѣтище, терпѣніе и множество другихъ христіанскихъ и свѣтскихъ добродѣтелей, Тургеневъ увидѣлъ передъ собой автора знаменитой «Переписки». Разговоръ по иниціативѣ самого Гоголя перешелъ на эту послѣднюю. Гоголь оправдывался какъ-то «безпокойно, смущенно и торопливо», увѣряя, что никогда не былъ въ оппозиціи, что и въ юности держался тѣхъ же мыслей, и въ доказательство приводилъ выдержки изъ «Арабесокъ»!... Въ самый разгаръ бесѣды «какая-то старая барыня пріѣхала къ Гоголю и привезла ему просфору съ вынутой частицей». Визитъ на этомъ и закончился.

Вскорѣ послѣ этого, въ февралѣ 1852 г., Гоголь умеръ. Тургеневъ написалъ некрологъ, но петербургская цензура запретила печатать его, и онъ появился въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Это обстоятельство стоило Тургеневу порядочныхъ непріятностей. «16-го апрѣля,—разсказываетъ онъ,—я за ослушаніе и нарушеніе цензурныхъ правилъ (хотя, замѣтимъ, некрологъ былъ разсмотрѣнъ и пропущенъ попечителемъ московскаго округа Назимовымъ,—тѣмъ самымъ, который требовалъ, чтобы книги въ библіотекахъ разставлялись «по росту») былъ посаженъ на мѣсяцъ подъ арестъ въ часть. Первые 24 часа я провелъ въ сибиркѣ и бесѣдовалъ съ изысканно вѣжливымъ и образованнымъ полицейскимъ унтеръ-офицеромъ, который разсказывалъ мнѣ о своей прогулкѣ въ Лѣтнемъ саду и объ «араматѣ птицъ». Потомъ меня отправили на жительство въ деревню».

Подоплёка этой исторіи довольно интересна. Статья о Гоголѣ, написанная приподнятымъ и риторическимъ языкомъ, послужила скорѣе поводомъ, чѣмъ причиной ареста и высылки Тургенева. Истинная причина заключалась въ томъ, что жандармское управленіе не могло простить автору «Записокъ Охотника» духа его разсказовъ, который она учуяла лучше даже чѣмъ критика. Знакомство съ Бѣлинскимъ, частыя поѣздки за-границу, разсказы о крѣпостныхъ—все это дѣлало Тургенева человѣкомъ подозрительнымъ или, какъ выразился изысканно вѣжливый полицейскій

унтеръ, «невѣроятнымъ». Но и въ самой статьѣ было кое что, что могло не понравиться наверху, именно ея восторженность.

«Въ то время, — говоритъ Головачева, — строго смотрѣли, чтобы литераторамъ не оказывали особенныхъ почестей. Тургеневъ былъ въ отчаяніи, когда запретили его статейку, и говорилъ Некрасову и Панаеву, что пошлетъ ее въ Москву.»

«Панаевъ не совѣтывалъ ему этого дѣлать, потому что и такъ Тургеневъ былъ на замѣчаніи вслѣдствіе того, что носилъ трауръ по Гоголѣ и, дѣлая визиты своимъ свѣтскимъ знакомымъ, слишкомъ либерально осуждалъ петербургское общество въ равнодушіи къ такой потерѣ, какъ Гоголь, и читалъ свою статейку, которую носилъ съ собой всюду. Эта статейка была уже перечеркнута красными чернилами цензоровъ. Когда Панаевъ упрашивалъ Тургенева быть осторожнымъ, то онъ на это отвѣтилъ: «За Гоголя я готовъ сидѣть въ крѣпости.»

«Вѣроятно эту фразу онъ повторилъ еще гдѣ-нибудь, потому что Дубельтъ, встрѣтясь на вечерѣ въ одномъ домѣ съ Панаевымъ, съ своей улыбкой сказалъ ему: «одному изъ сотрудниковъ вашего журнала хотѣлось посидѣть въ крѣпости, но его лишили этого удовольствія.»

Арестъ и высылка Тургенева были обставлены очень некрасиво. Тогдашній попечитель петербургскаго округа Мусинъ-Пушкинъ, завѣрилъ высшее начальство, что онъ призывалъ Тургенева лично и лично передалъ запрещеніе цензурнаго комитета печатать статью. *«А я—говоритъ Тургеневъ—г. Мусина-Пушкина и въ глаза не видалъ и никакого съ нимъ объясненія не имѣлъ.*

Отсидѣвши три недѣли, гдѣ слѣдовало, Тургеневъ въ маѣ мѣсяцѣ, сопровождаемый жандармомъ, отправился въ Спасское. «Все къ лучшему,—говоритъ онъ:—пребываніе подъ арестомъ, а потомъ въ деревнѣ принесло мнѣ несомнѣнную пользу: оно сблизило меня съ такими сторонами русскаго быта, которыя, при обыкновенномъ ходѣ вещей, вѣроятно ускользнули-бы отъ моего вниманія.»

Домашній арестъ въ Спасскомъ не былъ строгъ, и Тургеневу скоро было разрѣшено навѣдываться въ Петербургъ по своимъ дѣламъ. Единственное лишеніе, которое онъ испытывалъ, было то,

что ему не давали заграничнаго паспорта, такъ что вплоть до 56 года онъ дѣлилъ свое время между столицами и деревней. Работалъ онъ много, еще больше охотился и почти никогда не оставался одинъ, даже въ Спасскомъ, куда то и дѣло наѣзжали его друзья: Д. Григоровичъ, В. Боткинъ, Дружининъ.

«У меня—пишетъ Тургеневъ Полонскому въ іюнѣ 1855 г.—гостили Григоровичъ, Дружининъ и Боткинъ. Мы время проводили очень весело, разыграли на домашнемъ театрѣ глупѣйшій фарсъ собственнаго изобрѣтенія и проч., и проч., и проч. Теперь все стало у меня въ домѣ очень тихо, и я принялся за работу. Ужасная засуха чуть не помѣшала всему, заставляя сидѣть въ темныхъ комнатахъ и лишая всякой возможности работать, но теперь, къ счастью, пошли дожди, а то-бы всѣ хлѣба пропали.»

Если на основаніи послѣднихъ словъ читатель подумаетъ, что Тургеневъ былъ склоненъ къ особенной заботливости о своихъ хлѣбахъ и урожаяхъ—онъ сильно ошибется. Ни малѣйшей хозяйственной жилки въ Тургеневѣ не было, чѣмъ онъ между прочимъ сильно отличается отъ Л. Н. Толстого. Онъ самъ то и дѣло называетъ себя «безалабернѣйшимъ изъ русскихъ помѣщиковъ». Въ управленіе своими громадными имѣніями онъ даже не вмѣшивался, поручая его то своему дядѣ, то поэту Тютчеву, то первому попавшемуся на глаза встрѣчному. Разъ зашла объ этомъ рѣчь, замѣтимъ, что Тургеневъ былъ очень богатъ, получалъ никакъ не менѣе 20 тысячъ въ годъ съ земли и, разумѣется, всегда нуждался въ деньгахъ, всегда сидѣлъ безъ гроша, перехватывая въ долгъ то тамъ, то здѣсь и раздавая сотнями на право и налѣво. Размашистыя привычки широкаго русскаго барства доставили Тургеневу много непріятностей въ жизни и породили массу глупыхъ, но обидныхъ сплетень. Литературный заработокъ Тургенева былъ также очень значителенъ; въ доходахъ «Современника», очень крупныхъ, онъ участвовалъ какъ пайщикъ; одно отдѣльное изданіе его «Записокъ» приносило ему 2,500 чистыхъ въ годъ, а право изданія его сочиненій покупалось у него за 20—25 т. руб.

Но это между прочимъ. Вернемся къ пребыванію въ Спасскомъ. Здѣсь у Тургенева была малоизвѣстная любовная исторія, о которой говорятъ лишь намеками. Въ догадки вдаваться не будемъ, а ограничимся лишь замѣчаніемъ, что незаконная дочь Тургенева, воспитанная имъ по аристократически, принесла ему мало радостей. Онъ впрочемъ и самъ былъ къ ней мало привязанъ, гораздо меньше, чѣмъ къ дочерямъ m-me Віардо.

Что̀ же за люди окружали Тургенева? что̀ представлялъ кружокъ, въ которомъ онъ постоянно вращался? На этотъ вопросъ постараемся отвѣтить обстоятельнѣе.

У каждаго дѣсятилѣтія русской исторіи XIX-го вѣка есть свой излюбленный герой. Герой тридцатыхъ годовъ разочарованъ; онъ поклоняется Байрону, любитъ разсуждать о таинственномъ и страшномъ, «въ обществѣ онъ держится сумрачно, сдержанно, съ бурей въ душѣ и пламенемъ въ крови». Женскія сердца пожираются имъ. Онъ носитъ прозвище «фатальнаго». «Типъ этотъ,— говоритъ Тургеневъ,—сохранялся долго до временъ Печорина... Чего-чего не было въ этомъ типѣ: и байронизмъ, и романтизмъ; воспоминанія о французской революціи, о декабристахъ—и обожаніе Наполеона, вѣра въ судьбу, звѣзду, силу характера, поза и фраза, и тоска пустоты; тревожныя волненія мелкаго самолюбія—и дѣйствительная сила, отвага; благодарныя стремленья и плохое воспоминаніе»... Придайте этому герою творческій геній и передъ вами возстанетъ сумрачная фигура Лермонтова.

Герой сороковыхъ годовъ—идеалистъ и народникъ. Лучшее проявленіе этого типа Бѣлинскій. «Герой» преклоняется передъ Гегелемъ, признаетъ самостоятельное значеніе искусства, но въ то же время съ восторгомъ читаетъ Леру и Жоржъ Зандъ и набирается народолюбческаго духа.

Герой 50-хъ годовъ—эстетикъ и эпикуреецъ. Онъ обожаетъ Пушкина и Гёте, онъ проповѣдуетъ искусство для искусствъ. Онъ— оптимистъ въ душѣ.

Герой 60-хъ годовъ—прежде всего работникъ и, какъ таковой, ригористъ.

Эстетики, эпикурейцы и оптимисты въ душѣ и составляли ближайшій кружокъ Тургенева. Самыми типичными изъ нихъ слѣдуетъ признать В. П. Боткина и Дружинина.

Василій Петровичъ Боткинъ обладалъ несомнѣннымъ, хотя и не первоклассными литературнымъ дарованіемъ, что очевидно для каждаго, взявшаго на себя трудъ прочесть два тома его «Писемъ изъ Испаніи», гдѣ всѣ страницы, посвященныя описанію художественныхъ памятниковъ, положительно хороши. Но, какъ человѣкъ, В. Боткинъ не можетъ возбуждать въ нихъ особой симпатіи, развѣ за свои отношенія къ Бѣлинскому, очень впрочемъ непродолжительныя. Богатый и родовитый помѣщикъ, онъ всю жизнь провелъ, кочуя по заграничнымъ курортамъ, и бывалъ въ Россіи преимущественно наѣздами. Горячихъ интересовъ въ его

жизни не было, и одна невысокая страсть владѣла имъ—страсть къ гастрономіи. Про его подвиги въ этомъ отношеніи Фетъ разсказываетъ чудеса, впадая почему-то въ восторженный тонъ при описаніи закусокъ и жаркихъ, уничтожаемыхъ Боткинымъ. Боткинъ, не смотря на значительное состояніе, былъ скупъ. Въ общемъ это умный, европейски образованный эпикуреецъ, равнодушный ко всему гражданскому и тонкій цѣнитель художественныхъ произведеній, особенно живописи.

Дружининъ, прославленный критикъ пятидесятыхъ годовъ, переводчикъ Шекспира и знатокъ англійской литературы, для пропаганды которой въ Россіи онъ, благодаря своему легкому слогу, пріятному и красивому изложенію, сдѣлалъ очень много—еще при жизни пережилъ свою извѣстность. Какъ и у другихъ пятидесятниковъ, ничего гражданскаго въ немъ не было. Онъ жилъ культомъ красоты, поэзіи, Шекспира и Пушкина, Шеридана и Карлейля, въ которомъ, кстати замѣтить, особенно цѣнилъ юморъ и образный языкъ.

«Дружининъ—вспоминаетъ Головачева,—былъ всегда ровенъ, никогда не горячился въ разговорѣ, относился ко всему довольно индифферентно, скучалъ, если завязывался при немъ продолжительный разговоръ о политикѣ и объ общественныхъ вопросахъ.

— Ну, что это, господа,—говорилъ онъ,—охота вамъ разсуждать о такихъ сухихъ предметахъ, гораздо лучше поговоримъ о дамахъ (дамами онъ почему-то называлъ женщинъ).

Дружининъ находилъ, что въ журналѣ не слѣдуетъ печатать повѣсти и разсказы съ сюжетами изъ народной жизни.

— Подписчики у журнала—люди образованные,—говорилъ онъ,—за что же преподносить имъ чтеніе изъ той среды, которая для нихъ чужда? Ну, интересно ли образованному читателю знать, что Ерема ѣстъ мякину, а Матрешка воетъ надъ павшей коровой! Право, все, что пишутъ о русскомъ мужикѣ, преувеличено, какія это у него потребности могутъ быть къ другой жизни? Онъ совершенно доволенъ и счастливъ, если ему удастся въ праздникъ опиться до опухоли брагой, или до скотскаго состоянія водкой.

Когда Дружинина упрекали, что онъ безучастно относится ко всѣмъ современнымъ вопросамъ, то онъ отвѣчалъ:

— Цѣлесообразнѣе будетъ, если я стану видѣть однѣ хорошія стороны жизни. Къ чему мнѣ портить свою кровь разными волненіями? я лучше буду наслаждаться своей молодостью. Отъ нашихъ разговоровъ и волненій мужикъ не перестанетъ ѣсть мякину, общественный строй не измѣнится, за что же я самъ себѣ буду отравлять жизнь? Все это происходитъ у васъ отъ пессимистическаго взгляда на жизнь, а у меня оптимистическій взглядъ.»

Приведенная сценка не дурно характеризуетъ Дружинина и другихъ пятидесятниковъ. Особенно винить ихъ за эпикуризмъ,

отсутствіе гражданскихъ чувствъ не приходится, ибо атмосфера, которой они дышали, была слишкомъ душна. Какъ живые люди, они должны были чѣмъ нибудь увлекаться, чувство самосохраненія заставляло увлекаться ихъ предметами, самыми отвлеченными, самыми далекими отъ практической дѣйствительности.

«Движеніе 40-ыхъ годовъ было быстро и радикально остановлено тою паникой, какую произвела французская революція.. Оно было отодвинуто на цѣлыхъ десять лѣтъ назадъ. Въ прогрессивномъ лагерѣ литературы положительно остались одни беллетристы и поэты, да и то не всѣ. Герценъ былъ уже заграницей, Бѣлинскій и В. Майковъ въ могилахъ, Грановскій хандрилъ, игралъ въ карты и, входя въ различные компромиссы во внѣшней жизни, во внутренней путался въ туманномъ мистицизмѣ и методическихъ рефлексіяхъ. Начался самый безцвѣтный періодъ въ русской журналистикѣ и одинъ изъ самыхъ порочныхъ періодовъ русской жизни...

Когда въ нашей литературѣ говорятъ о тѣхъ мрачныхъ и глухихъ годахъ, которые послѣдовали за 48 г., то характеризуютъ обыкновенно только одну сторону реакціи. Такъ, описываютъ тотъ страхъ, который обуялъ все общество и воцарилъ повсюду мертвое молчаніе, описываютъ, какъ люди говорили шопотомъ о вещахъ самаго невиннаго свойства, вродѣ того, что будочникъ ограбилъ прохожаго, какъ цензура дошла до такой строгости, что вымарала «вольный духъ» изъ поваренной книги, какъ ограничили число студентовъ до 300 человѣкъ, и носились слухи о совершенномъ закрытіи университетовъ, какъ по всѣмъ мужскимъ заведеніямъ вводили маршировку и пр., и пр. Но при этомъ опускаютъ совершенно другую сторону той-же реакціи,—реакцію самаго общества, происшедшую вслѣдствіе той причины, что по выбытіи изъ строя людей передового движенія мысли общество, еще не успѣвшее догнать этихъ людей, осталось при идеяхъ, давно уже разбитыхъ и отвергнутыхъ литературой сороковыхъ годовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя конечно пенять на литературу, что въ 50-ые годы она не могла ясно и прямо высказывать взгляды, которые проповѣдывались въ петербургскихъ журналахъ 40-ыхъ годовъ, но вѣдь никто же не могъ заставить литературу высказывать взгляды совершенно противоположные. А между тѣмъ мы именно видимъ это въ литературѣ 50-ыхъ годовъ... Такъ, въ критикѣ снова воцарилась теорія чистаго искусства и метафизическая эстетика, а беллетристика въ свою очередь блуждала въ потемкахъ» (А. М. Скабичевскій).

Легко понять, какое отношеніе имѣетъ все только что сказанное къ Тургеневу. Связь съ эстетикой 50-хъ годовъ у него кровная, сердечная, органическая, если можно такъ сказать. Онъ раздѣлялъ вмѣстѣ съ своими друзьями обожаніе къ Пушкину, не признавалъ поэтомъ Некрасова и въ сущности склонялся на сторону искусства для искусства. Но сороковые задѣли мысль его сильнѣе,

чѣмъ другихъ беллетристовъ, почему дойти до такого гражданскаго индифферентизма, какъ Боткинъ или Дружининъ, онъ не могъ. Дружба съ Бѣлинскимъ и чудный образъ этого борца и трибуна не исчезалъ изъ его души никогда и полагалъ индифферентизму преграду, за которую Тургеневъ не переступалъ, даже въ душной атмосферѣ 50-хъ годовъ. Тургеневъ все же былъ прогрессистомъ, хотя порою нѣсколько платоническимъ; честность же его мысли внѣ сомнѣній. Возьмите однако его отношеніе къ Некрасову, какъ къ поэту, и Герцену, вы сейчасъ же увидите передъ собой пятидесятника. Стихи Некрасова онъ называлъ «жованой бумагой, политой крѣпкой водкой», и не разъ высказывалъ ему прямо въ глаза свою антипатію къ его произведеніямъ. Характерна въ этомъ отношеніи сцена, переданная Головачевой:

— «Надѣюсь, Некрасовъ, ты поймешь,—говорилъ однажды Тургеневъ,—что мы для твоей-же пользы высказываемъ наше искреннее мнѣніе.

— Да, съ чего вы взяли, что я сержусь,—отвѣчалъ Некрасовъ на ходу.

— Не за что ему сердиться! не за что! онъ долженъ быть благодаренъ намъ!—произнесъ В. П. Боткинъ.—Да, любезный другъ, твой стихъ тяжеловѣсенъ, нѣтъ въ немъ изящной формы; это огромный недостатокъ въ поэтѣ.

— Ты слишкомъ напираешь въ своихъ стихотвореніяхъ на реальность,—замѣтилъ Тургеневъ.

— Да, да! а этого нельзя!—подхватилъ Боткинъ, — сильно напираешь, и это коробитъ людей съ художественнымъ развитіемъ, рѣжетъ имъ ухо, которое не выноситъ диссонансовъ какъ въ музыкѣ, такъ и въ стихахъ. Поэзія, любезный другъ, заключается не въ твоей реальности, а въ изяществѣ какъ формы стиха, такъ и въ предметѣ стихотворенія.

— Вчера мы съ Боткинымъ провели вечеръ у одной изящной женщины съ поэтическимъ чутьемъ,—сказалъ Тургеневъ,—она перечитала въ оригиналѣ всѣ стихи Гёте, Шиллера и Байрона. Я хотѣлъ познакомить ее съ твоими стихами и прочелъ ей: «Ѣду-ль по улицѣ». Она слушала съ большимъ вниманіемъ, и когда я кончилъ, знаешь ли, что она воскликнула? «Это не поэзія! Это не поэтъ!».

— Я знаю, что мои стихотворенія не могутъ нравиться свѣтскимъ женщинамъ!—проговорилъ Некрасовъ.

— Нельзя, любезный другъ, такъ свысока относиться къ мнѣнію свѣтскихъ женщинъ,—запальчиво возразилъ В. П.—Пушкинъ, Лермонтовъ, и тѣ дорожили ихъ одобреніемъ, читали имъ свои стихи прежде, чѣмъ ихъ печатали.

— До Пушкина и Лермонтова мнѣ далеко!—отвѣчалъ Некрасовъ,—если я стану подражать имъ, то никуда не буду годенъ. У всякаго писателя есть своя своеобразность — у меня реальность...

— Вы, господа, можетъ быть и правы съ строгой точки эстетическаго взгляда на мои стихи, но вы забыли одно, что каждый писатель передаетъ то, что онъ глубоко прочувствовалъ. Такъ какъ мнѣ выпало на долю съ дѣтства видѣть страданіе русскаго мужика отъ холода, голода и всякихъ жестокостей, то мотивы для моихъ стиховъ я беру изъ ихъ среды.»

Въ оцѣнкѣ Тургенева и Боткина полностью выразилась эстетическая точка зрѣнія пятидесятниковъ. Но отъ излишковъ въ этомъ случаѣ, кромѣ воспоминаній о Бѣлинскомъ, спасалъ его и огромный умъ, воспитанный и образованный по-европейски. Такъ же органически не могъ онъ пристать къ движенію 60-хъ годовъ, какъ и къ реакціи: его постоянно коробило отъ пріемовъ нашихъ консерваторовъ, отъ «Переписки» Гоголя и шпіонства «Московскихъ Вѣдомостей».

Въ личной жизни, кромѣ разсказаннаго уже выше эпизода съ некрологомъ Гоголя, — ничего особеннаго не приключилось съ Тургеневымъ вплоть до отъѣзда за-границу осенью 56-го года. Разумѣется, онъ уѣхалъ туда, какъ только оказалось возможнымъ, не дождавшись даже выхода въ свѣтъ изданія своихъ повѣстей, предпринятаго Анненковымъ. Эти повѣсти надѣлали много шуму, несмотря на то, что общее вниманіе было приковано событіями на южномъ берегу Крыма, гдѣ происходила тогда знаменитая осада Севастополя.

Слишкомъ извѣстно значеніе крымской войны, чтобы стоило о немъ распространяться. Смыслъ его заключается въ томъ, что мы, мнившіе себя богатыми, оказались бѣдными, считая себя непобѣдимыми, оказались разбитыми на всѣхъ пунктахъ. Мрачное предсказаніе Милютина — будущаго военнаго министра, сдѣланное имъ наканунѣ войны, оказалось какъ нельзя болѣе справедливымъ. Вотъ что говорилъ Милютинъ: «по бумагамъ мы вполнѣ готовы, но съ первыхъ же военныхъ дѣйствій обнаружится страшный недостатокъ во всемъ: всѣ озабочены вовсе не тѣмъ, чѣмъ слѣдуетъ. На вѣсъ золота будутъ покупать селитру, запастись которой и не думаютъ, а когда начнется война, то ея доставка изъ за-границы будетъ невозможна; медицинская часть тоже въ плачевномъ состояніи; операціонныхъ инструментовъ мало, да и тѣ плохіе, докторамъ придется тупыми ножами ампутировать раненыхъ. Интендантство въ такомъ жалкомъ видѣ, что и въ мирное время никуда негодно, а въ военное—оставитъ войско безъ сапогъ, шинелей и сухарей. Все прекрасно для парадовъ и никуда негодно для войны. Не столько погибнетъ русскихъ солдатъ

отъ ранъ, сколько—отъ болѣзней, вслѣдствіе отсутствія гигіеническихъ мѣръ, которыя необходимо должны-бы быть предусмотрѣны высшимъ начальствомъ».

Но неудачи и возродили Россію къ новой жизни. Новѣяло новымъ духомъ, появились въ литературѣ новыя пѣсни, и мрачная эпоха первой половины пятидесятыхъ годовъ канула въ вѣчность. Тургеневъ жилъ въ Парижѣ и внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что̀ пишется и дѣлается въ Россіи. Новому курсу онъ сочувствовалъ искренне и понималъ его, тѣмъ болѣе, что готовилось такъ дорогое его душѣ дѣло, какъ освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ. Его умъ, образованность, привычка къ европейской жизни позволяли ему не растеряться въ новомъ казавшемся движеніи. Онъ не почувствовалъ себя сразу не у дѣлъ, какъ напр. Дружининъ, хотя, разумѣется, многія новшества были ему не по сердцу. На сцену выступили работники, занятые прежде всего рѣшеніемъ практическихъ вопросовъ, стремившіеся къ созданію въ Россіи общества,—люди если и не посторонніе, то во всякомъ случаѣ сравнительно равнодушные къ искусству. Какъ же отнесся къ нимъ баричъ и эпикуреецъ Тургеневъ?

«Я — писалъ онъ напр. Дружинину—досадую на Чернышевскаго за его чорствый вкусъ и сухость, а также и за его нецеремонное обращеніе съ живыми людьми, но «мертвечины» я въ немъ не нахожу — напротивъ, я чувствую въ немъ струю живую, хотя и не ту, которую вы желали бы встрѣтить въ критикѣ. Онъ плохо понимаетъ поэзію; знаете-ли, это еще не великая бѣда; критикъ не дѣлаетъ поэтовъ и не убиваетъ ихъ; но онъ понимаетъ — какъ это выразить? — потребности дѣйствительной современной жизни и въ немъ это не есть проявленіе разстройства печени, какъ говорилъ нѣкогда милѣйшій Григоровичъ, а самый корень всего его существованія». То-же самое писалъ Тургеневъ и Толстому: «Теперь о статьяхъ Чернышевскаго.—Мнѣ въ нихъ не нравится ихъ безцеремонный и сухой тонъ, выраженіе чорствой души, но я радуюсь возможности ихъ появленія, радуюсь воспоминаніямъ о Бѣлинскомъ, выпискамъ изъ его статей, радуюсь тому, что наконецъ произносится съ уваженіемъ его имя». Чернышевскій же, какъ всякій это знаетъ, былъ главаремъ прогрессивнаго теченія того времени: утилитаризмъ и экономическій реализмъ идутъ отъ него.

Одинаково характерно отношеніе Тургенева къ другой черноземной юной силѣ нашего реализма—къ Д. И. Писареву. Правда,

говоря объ этомъ отношеніи, я забѣгаю впередъ, но общность темы позволяетъ мнѣ преступить противъ хронологіи.

«Имя Писарева напоминаетъ мнѣ слѣдующее: весной 67 г., во время моего проѣзда черезъ Петербургъ, онъ сдѣлалъ мнѣ честь посѣтить меня. Я до тѣхъ поръ съ нимъ не встрѣчался, и читалъ его статьи съ интересомъ, хотя со многими положеніями въ нихъ, вообще съ ихъ направленіемъ, согласиться не могъ. Особенно возмутили меня его статьи о Пушкинѣ. Втеченіи разговора я откровенно высказался передъ нимъ. Писаревъ съ перваго взгляда производилъ впечатлѣніе человѣка честнаго и умнаго, которому не только можно, но и должно говорить правду». Тургеневъ долго развивалъ свою тему. «Не знаю—добавляетъ онъ,—что̀ подумалъ Писаревъ, но онъ ничего не отвѣчалъ мнѣ. Вѣроятно онъ не согласился со мной».

* * *

Я уже имѣлъ случай замѣтить выше, что, несмотря на крымскую кампанію и на то, что общее вниманіе было направлено совсѣмъ не въ сторону литературы и искусствъ, каждая новая вещь Тургенева, написанная имъ втеченіи 50-ыхъ годовъ, составляла своего рода эпоху и возбуждала горячую журнальную полемику. Особенно много споровъ и толковъ было по поводу «Рудина» (1856 г.). «Рудинъ» въ скоромъ времени сталъ такимъ же нарицательнымъ именемъ,—такимъ, какъ Онѣгинъ, Печоринъ, Чацкій. Въ этомъ типѣ Тургеневъ воплотилъ всѣ лучшія, благородныя черты поколѣнія сороковыхъ годовъ, и вы видите, какъ все это лучшее, благородное подорвано въ самомъ корнѣ своей органической связью съ крѣпостнымъ бытомъ, своими барскими замашками, своей расшатанной, надломленной волей. Рудинъ прекрасно образованъ, даровитъ, талантливъ даже, а между тѣмъ идти дальше благороднаго кипѣнія и горенія онъ не можетъ. Онъ не способенъ ни къ какой упорной, систематической работѣ, не способенъ къ труду, хотя-бы и ничтожному, но такому, въ которомъ пришлось-бы запачкать свои бѣлыя, выхоленныя барскія руки. Порывъ—вотъ сфера, гдѣ онъ чувствуетъ себя, какъ рыба въ водѣ, слово—вотъ орудіе, въ пользованіи которымъ онъ не знаетъ себѣ равнаго. Но онъ чувствуетъ инстинктивно отвращеніе ко всему, что̀ напоминаетъ упорную, упрямую воловью работу. Его руки скоро устаютъ, сердце скоро охладѣваетъ, нервы утомляются; быстро переходитъ онъ отъ восторга къ меланхоліи.

Онъ — эстетикъ по преимуществу. Онъ готовъ умереть за свои убѣжденія, но для этого нужна особенная, возбуждающая, красивая или ужасная обстановка. Онъ никогда не можетъ отрѣшиться отъ извѣстнаго рода театральности въ словахъ и поступкахъ. У него орлиное сердце, орлиный умъ, но крохотныя, слабыя крылья. Его то главнымъ образомъ имѣлъ въ виду Вогюэ, когда писалъ свою характеристику русскаго интеллигента, гдѣ между прочимъ попадаются такія строки: «въ большинствѣ случаевъ этотъ молодой человѣкъ образованъ, грустенъ, богатъ идеями и бѣденъ дѣйствіями, вѣчно готовится къ работѣ, мучится идеаломъ общественнаго блага, идеаломъ смутнымъ, великодушнымъ. Это любимый типъ русскаго романа». Трудно не полюбить Рудина, еще труднѣе не жалѣть его. Его надорванная воля надорвана не имъ самимъ, а поколѣніями предковъ-крѣпостниковъ. Рудинъ расплатился по громадному счету и погибъ. Десятилѣтья бездѣлья, тунеядства, холопства передъ сильнымъ, издѣвательства надъ слабымъ, роскошныхъ забавъ, добросовѣстнаго ребяческаго разврата—надломили его. Если когда нибудь въ его душѣ копошилось проклятіе — то это проклятіе «обманутаго сына надъ промотавшимся отцомъ».

Въ характерѣ Рудина есть много такого, что напоминаетъ самого Тургенева. Несомнѣнное рыцарство и неособенно высокое тщеславіе, идеализмъ и склонность къ меланхоліи, огромный умъ и надломленная воля—развѣ это не авторъ «Отцовъ и Дѣтей»?

Критика не сразу поняла и оцѣнила Рудина, хотя этотъ яркій образъ поразилъ ее. Живя заграницей и читая сужденія, часто несправедливыя, а иногда прямо обидныя, Тургеневъ ощущалъ не только вполнѣ законное недовольство, но и тоску. Какъ десять лѣтъ до этого, какъ восемь лѣтъ спустя, онъ думалъ даже отказаться отъ литературной дѣятельности,—желаніе, которое можно объяснить лишь его особенной болѣзненной мнительностью.

«Все это вздоръ,—писалъ онъ напр. въ 1857 г. В. П. Боткину,—таланта съ особенною физіономіею и цѣлостностью у меня нѣтъ; были поэтическія струнки, да онѣ прозвучали и отзвучали—повторяться не хочется. Въ отставку! Это не вспышка досады, повѣрь мнѣ, это выраженіе или плодъ медленно созрѣвшаго убѣжденія. Неуспѣхъ моихъ повѣстей ничего не сказалъ новаго... Такъ какъ я порядочно владѣю россійскимъ язы-

комъ, то я намѣренъ заняться переводомъ «Донъ Кихота» — если буду здоровъ».

Къ счастью, это было лишь временнымъ и даже мимолетнымъ настроеніемъ, приступомъ ипохондріи—не больше. Въ томъ-же 57 г. Тургеневъ написалъ «Асю». Опять та-же мнительность заставила его предположить, что «Ася блистательно и съ трескомъ провалилась», а между тѣмъ повѣсть вызвала очень сочувственную критическую статью Чернышевскаго, подъ заглавіемъ «Русскій человѣкъ на rendez-vous».

Въ «Асѣ» есть кое что автобіографическое, чего однако мы касаться не можемъ, почему и ограничимся немногими словами о произведеніи вообще. Любопытно между прочимъ, что уже по отзывамъ критиковъ объ «Асѣ» и «Рудинѣ» можно было ожидать разрыва Тургенева съ шестидесятниками. Чернышевскій въ своей статьѣ съ обычной рѣзкостью формулируетъ почву назрѣвающей ссоры, хотя въ самомъ началѣ и заявляетъ, что «Ася»—«едва ли не единственная хорошая, новая повѣсть». Въ чемъ тутъ дѣло? Исключительно въ симпатіи, какую питалъ, да и не могъ не питать Тургеневъ къ благороднымъ, но дряблымъ людямъ—къ честнымъ, но не дѣятельнымъ натурамъ,—къ идеалистамъ, робко и трусливо отступающимъ отъ жизни и дѣйствительности. Эта барская симпатія не могла не претить Чернышевскому. «Такъ ли,—спрашиваетъ критикъ, — авторъ ошибся въ своемъ героѣ? Если ошибся, то не въ первый разъ дѣлаетъ эту ошибку. Сколько ни было у него разсказовъ, приводившихъ къ тому-же положенію какъ въ «Асѣ», каждый разъ его герои выходили изъ этихъ положеній не иначе, какъ совершенно сконфузившись передъ нами. Въ «Фаустѣ» герой старается ободрить себя тѣмъ, что ни онъ, ни Вѣра не имѣютъ другъ къ другу серьезнаго чувства; сидѣть съ ней, мечтать о ней—это его дѣло, а по части рѣшительности онъ даже въ словахъ держитъ себя такъ, что Вѣра сама должна сказать ему, что любитъ его... Онъ... онъ «смутился». Не удивительно, что послѣ такого поведенія любимаго человѣка (иначе какъ поведеніемъ нельзя назвать образъ поступковъ этого господина) у бѣдной женщины сдѣлалась нервическая горячка, еще натуральнѣе, что потомъ онъ сталъ плакаться на свою судьбу... Это въ «Фаустѣ», почти то-же и въ «Рудинѣ», и въ «Асѣ»...»

Эта выписка изъ статьи Чернышевскаго показываетъ его точку зрѣнія. Иначе какъ съ презрѣніемъ не можетъ отнестись онъ къ безхарактерности тургеневскихъ героевъ; ему, какъ работ-

нику, нужна и дорога прежде всего воля, упорство въ трудѣ, искренность въ убѣжденіяхъ. И онъ, разумѣется, противъ того, чтобы безхарактерные герои являлись окруженными ореоломъ самой чистой, музыкальной, тургеневской поэзіи...

Въ 58 г. Тургеневъ ненадолго вернулся въ Россію, но оставаться здѣсь онъ уже не могъ. Отношенія къ семейству Віардо становились все болѣе тѣсными, и къ этому-же времени осуществилась давнишняя мечта Тургенева—сдѣлаться европейскимъ писателемъ. Переводы его повѣстей и разсказовъ на иностранные языки стали уже обычными и вызывали къ себѣ самое лестное вниманіе. Послѣ 60-го года Тургеневъ бываетъ въ Россіи лишь урывками.

IV.

Шестидесятые годы.—«Отцы и Дѣти».

Прежде чѣмъ описывать переломъ въ жизни Тургенева, ознаменованный появляніемъ его «Отцовъ и Дѣтей», я хочу сдѣлать добавленія по одному пункту, едва затронутому мною на предыдущихъ страницахъ. Я сказалъ, что втеченіи 50-ыхъ годовъ Тургеневъ сдѣлался европейскимъ писателемъ и что это было его юношеской мечтой. Утверждая это, я опираюсь главнымъ образомъ на свидѣтельство Панаевой. По ея разсказу, между Тургеневымъ и Некрасовымъ еще въ 52 г. произошелъ слѣдующій характерный разговоръ:

«Тургеневъ болѣе всѣхъ современныхъ ему литераторовъ былъ знакомъ съ геніальными произведеніями иностранной литературы, прочитавъ ихъ всѣхъ въ подлинникѣ. Некрасовъ и Панаевъ это хорошо сознавали.

— Да, Россія отстала въ цивилизаціи отъ Европы, — говорилъ Тургеневъ,—развѣ у насъ могутъ народиться такіе великіе писатели, какъ Данте, Шекспиръ?

— И насъ Богъ не обидѣлъ, Тургеневъ, — замѣтилъ Некрасовъ,—для русскихъ Гоголь—Шекспиръ.

Тургеневъ снисходительно улыбнулся и произнесъ:

— Хватилъ, любезный другъ, черезъ край! Ты сообрази громадную разницу. Шекспира читаютъ всѣ образованныя націи на

всемъ земномъ шарѣ уже нѣсколько вѣковъ и безконечно будутъ читать. Это міровые писатели, а Гоголя будутъ читать только одни русскіе, да и то нѣсколько тысячъ, а Европа не будетъ и знать даже о его существованіи!

Тяжко вздохнувъ, Тургеневъ уныло продолжалъ:

— Печальна вообще участь русскихъ писателей, они какіе-то отверженники, ихъ существованіе жалко, кратковременно и безцвѣтно! Право, обидно; даже какого-нибудь Дюма всѣ европейскія націи переводятъ и читаютъ.

— Богъ съ ней, съ этой европейской извѣстностью, для насъ важнѣе, еслибъ русскій народъ могъ насъ читать, — сказалъ Некрасовъ.

— Завидую твоимъ скромнымъ желаніямъ!—ироническимъ тономъ отвѣчалъ Тургеневъ.—Не понимаю даже, какъ ты не чувствуешь пришибленности, пресмыканія, на которыя обречены русскіе писатели? Вѣдь мы пишемъ для какой-то горсточки однихъ только русскихъ читателей. Впрочемъ ты потому не чувствуешь этого, что не видѣлъ, какое положеніе занимаютъ иностранные писатели въ каждомъ цивилизованномъ государствѣ. Они считаются передовыми членами образованнаго общества, а мы? Какіе-то паріи! не смѣемъ высказать ни нашихъ мыслей, ни нашихъ порывовъ души—сейчасъ насъ въ кутузку, да и это мы должны считать за милость... Сидишь, пишешь и знаешь заранѣе, что участь твоего произведенія зависитъ отъ какихъ-то бухарцевъ, закутанныхъ въ десяти халатахъ, въ которыхъ они прѣютъ, и такъ принюхались къ своему вонючему поту, что чуть пахнетъ на ихъ конусообразныя головы свѣжій воздухъ, приходятъ въ ярость и, какъ дикіе звѣри, начинаютъ вырывать куски изъ твоего сочиненія! По моему, раціональнѣе было бы поломать всѣ типографскіе станки, сжечь всѣ бумажныя фабрики, а у кого увидятъ перо въ рукахъ,—сажать на колъ!.. Нѣтъ, только меня и видѣли; какъ получу наслѣдство, убѣгу и строки не напишу для русскихъ читателей.

— Это тебѣ такъ кажется, а поживешь за границей, такъ потянетъ тебя въ Россію,—произнесъ Некрасовъ,—насъ вѣдь вдохновляетъ русскій народъ, русскія поля, наши лѣса; безъ нихъ, право, намъ ничего хорошаго не написать. Когда я бесѣдую съ русскимъ мужикомъ, его безхитростная здравая рѣчь, безкорыстное человѣческое чувство къ ближнему заставляютъ меня сознавать, какъ я развращенъ передъ нимъ и сердцемъ, и умомъ, и краснѣешь за свой эгоизмъ, которымъ пропитался до мозга костей... Можетъ быть тебѣ это кажется дикимъ, но въ бесѣдахъ съ образованными людьми у меня не появляется этого сознанія! А главное, на русскихъ писателяхъ лежитъ долгъ по мѣрѣ силъ и возможности раскрывать читателямъ позорныя картины рабства русскаго народа.

— Я не ожидалъ именно отъ тебя, Некрасовъ, чтобы ты былъ способенъ предаваться такимъ ребяческимъ иллюзіямъ.

— Это не мои иллюзіи, развѣ не чувствуется это сознаніе въ обществѣ.

— Если и зародилось сознаніе, такъ развѣ въ видѣ атома, котораго человѣческій глазъ различить не можетъ, да и въ воздухѣ,

зараженномъ міазмами, этотъ атомъ мгновенно погибнетъ. Нѣтъ— я въ душѣ европеецъ, мои требованія отъ жизни тоже европейскія. Я не намѣренъ покорно ждать участи, когда наступитъ праздникъ и мнѣ выпадетъ жребій быть съѣденнымъ на праздникѣ людоѣдовъ! да и квасного патріотизма я не понимаю. При первой возможности убѣгу безъ оглядки отсюда и кончика моего носа не увидите»...

Мечта Тургенева сбылась. Одной изъ миссій его генія было ознакомить Европу съ русскимъ художественнымъ творчествомъ и заинтересовать ее имъ. Съ этою цѣлью напр. онъ постоянно переводилъ или руководилъ переводами сочиненій Толстого. Цѣли своей онъ достигъ какъ нельзя лучше. Онъ былъ первымъ піонеромъ; теперь почти всѣ лучшія произведенія русской литературы (Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, Достоевскій, Толстой) переведены на иностранные языки, а что̀ можетъ быть важнѣе для развитія взаимной симпатіи между народами, какъ не знакомство съ памятниками духа той или другой національности?

Никто, замѣтимъ, не былъ лучше Тургенева приспособленъ къ этой высокой и трудной задачѣ. Онъ по самому существу своего дарованія былъ не только русскій, а и европейскій, всемірный писатель, какимъ никогда не будетъ напр. Гоголь. Со всѣмъ своимъ громаднымъ талантомъ Гоголь никогда не будетъ такъ родственъ и близокъ, такъ понятенъ Европѣ, потому что его типы чисто русскіе, тогда какъ тургеневскіе—общечеловѣческіе, пожалуй, даже абстрактно-психологическіе. Конечно люди—вездѣ люди, однѣ и тѣ-же страсти ихъ волнуютъ, однѣ и тѣ-же радости и скорби ихъ посѣщаютъ. Но, когда Гоголь рисовалъ свои образы, онъ ихъ вырывалъ, такъ сказать, съ корнемъ изъ русской жизни и такъ ихъ и предъявлялъ читателю. Тургеневъ давалъ своимъ образамъ только обстановку русскую, и потому для француза, нѣмца, англичанина представлялъ двойной интересъ: тонко разработанный знакомый общечеловѣческій типъ на фонѣ чужой, своеобразной обстановки.

Но въ то время, какъ слава Тургенева заграницей быстро наростала, случился грустный анекдотъ—ссора Тургенева съ русской молодежью и почти формальнаго преданія великаго писателя остракизму. Это знаменитая исторія съ «Отцами и Дѣтьми». Чтобы понять ее, надо имѣть въ виду слѣдующее:

1) Къ своему постоянному сотруднику Тургеневу «Современникъ», вообще говоря, относился хотя и безъ восторговъ, но съ полнымъ уваженіемъ. Въ «Современникѣ» вплоть до 62 года печаталось все, что̀ выходило изъ подъ пера знаменитаго романиста.

Здѣсь появились «Рудинъ», «Фаустъ», «Ася», «Дворянское Гнѣздо», «Наканунѣ» и т. д. Здѣсь же Чернышевскій напечаталъ свою статью объ «Асѣ», Добролюбовъ—о «Наканунѣ». Самъ Тургеневъ былъ связанъ съ Некрасовымъ воспоминаніями о Бѣлинскомъ, о вмѣстѣ проведенной юности; къ «Современнику» онъ привыкъ и смотрѣлъ на него, какъ на свой журналъ; въ Чернышевскомъ цѣнилъ пониманіе дѣйствительности и ея потребностей; на первыхъ порахъ онъ хорошо относился и къ Добролюбову. Казалось-бы, чего лучше? Но Тургеневъ былъ человѣкъ слабый, нерѣшительный. Возлѣ него всегда находилась толпа прихлебателей, льстившихъ, наушничавшихъ и т. д. Тургеневъ отдѣлаться отъ нихъ не могъ, хотя они и надоѣдали ему, какъ осеннія мухи. Хорошенько неизвѣстно зачѣмъ и почему, но этимъ господамъ понадобилось разсорить Тургенева съ «Современникомъ», и прежде всего съ Добролюбовымъ. Это имъ удалось, хотя формальной ссоры не произошло. Совершенно неожиданно послѣ появленія статьи Добролюбова о «Наканунѣ»,—статьи, хотя и сдержанной, но умной и лестной, Тургеневъ заявилъ Некрасову: «я или Добролюбовъ — выбирай». Некрасовъ хотѣлъ было пойти на какой нибудь компромиссъ, но это не удалось, Тургеневъ стоялъ на томъ, что статья Добролюбова для него обидна. Поэтому то «Отцы и Дѣти» вмѣсто «Современника» появились въ «Русскомъ Вѣстникѣ», — журналѣ, пользовавшемся совсѣмъ другой репутаціей и имѣвшемъ совершенно другой кругъ читателей, чѣмъ «Современникъ».

Въ разсказанномъ столкновеніи многое и до сей поры остается неяснымъ, мнѣ даже неловко нѣсколько сообщать читателю эту грустную литературную дрязгу, но — увы! —кому изъ русскихъ писателей удалось прожить безъ дрязгъ, безъ обидъ, обусловленныхъ неистощимымъ обиліемъ литературной сволочи? Тургеневъ былъ повидимому не совсѣмъ правъ, но кто-же особенно строго отнесется къ нему за то, что онъ повѣрилъ наушничеству? Вѣдь поймали-же на ту-же удочку Герцена, который помѣстилъ въ своемъ журналѣ статью, гдѣ неизвѣстный мужчина смѣшивалъ Добролюбова чуть ли не съ грязью? Лично Тургеневъ зналъ Добролюбова очень мало, а поговоривши съ нимъ раза два, не могъ не воскликнуть: «меня удивляетъ, какимъ образомъ Добролюбовъ, недавно оставивъ школьную скамью, могъ такъ основательно ознакомиться съ хорошими иностранными сочиненіями? и какая чертовская память!»...

Повидимому вся эта исторія недурно объясняется обычною

«ложью враговъ и клеветой друзей». Но какъ бы то ни было, что то личное непріязненное осталось послѣ нея во взаимныхъ отношеніяхъ Тургенева и редакціи «Современника».

2) Характеризуя «Современникъ» вообще, его главныхъ дѣятелей въ частности, Тургеневъ особенно щедръ на два эпитета—чорствый и сухой. Чорствымъ и сухимъ оказывается Чернышевскій, еще болѣе чорствымъ и сухимъ оказывается Добролюбовъ. Буквально такъ-же, замѣтимъ, выражается всегда и г. Григоровичъ, для котораго Добролюбовъ напр. «даровитый, но сухой и замкнутый молодой человѣкъ». Люди двухъ поколѣній очевидно не поняли, да и не могли понять другъ-друга. Передъ нами два совершенно различныхъ нравственныхъ и общественныхъ типа. «Отцы» могли совершенно расходиться въ убѣжденіяхъ (какъ напр. Фетъ и Тургеневъ),—Тургеневъ могъ даже презирать Фета за его мракобѣсіе и держимордство и вмѣстѣ съ тѣмъ быть съ нимъ на дружеской ногѣ, писать ему дружескія письма. Нравственная отвѣтственность людей сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ (за самыми ничтожными исключеніями) передъ мыслью, убѣжденіемъ была очень слаба. Можно было отъ души отрицать крѣпостничество и быть крѣпостникомъ въ дѣйствительности. Мостикъ между словомъ и дѣломъ былъ настолько хрупкій, что ступить на него всегда было очень опасно. Благородство сосредоточивалось преимущественно въ словахъ, мысляхъ, чувствахъ—оно скорѣе созерцалось, чѣмъ проводилось въ жизнь, и не нужно особенно углубляться въ психологическія тонкости, чтобы понять причины этого несообразнаго явленія. Причина та—что никакіе поступки въ сущности не были возможны, что о самыхъ простыхъ вещахъ приходилось переговариваться шепотомъ, что трусость и робость органически прививались къ человѣку путемъ розогъ въ школѣ и дома, запугиванія на службѣ и въ жизни. «Трусость—мать всѣхъ пороковъ», сказалъ мудрецъ и онъ правъ. Увы, гражданское мужество въ обстановкѣ 40-ыхъ годовъ требовало не порядочности, не честности, а рѣдкаго, совершенно исключительнаго героизма, требовать котораго мы не вправѣ ни отъ кого. Напомню одну характерную и обидную сцену, въ которой измельчавшаяся душа человѣческая проявилась полностью. Однажды, когда В. Боткинъ пріѣхалъ въ Женеву и увидѣлъ на пристани Герцена, онъ до того испугался, что сталъ наскоро собирать пожитки и чуть не прыгнулъ въ воду. Герценъ также замѣтилъ своего прежняго

друга и, стоя на берегу, проговорилъ: «стыдно, В. П.! Стыдно!». Но Боткинъ всетаки улепетнулъ.

Къ счастью, эта отрицательная сторона людей сороковыхъ годовъ только слегка коснулась Тургенева (какъ и Некрасова), но не заразила его. Однако все-же, что̀ видно изъ его личныхъ отношеній съ людьми, онъ далеко не былъ ригористомъ и часто пожималъ руку тому, кому пожимать-бы ее не слѣдовало. Въ 60-ые же года на это смотрѣли очень строго, ибо на сцену появились партіи, которыя общаго другъ съ другомъ не имѣли ничего.

«Тургеневъ—говоритъ Анненковъ въ воспоминаніяхъ—не могъ останавливаться долго на одномъ рѣшеніи и на одномъ чувствѣ изъ опасенія замѣшкаться и упустить самую жизнь, которая бѣжитъ мимо и никого не ждетъ. Имъ овладѣвалъ родъ нервнаго безпокойства, когда приходилось только издали прислушиваться къ ея шуму. Онъ постоянно рвался къ разнымъ центрамъ, гдѣ она наиболѣе кипитъ, и сгораетъ жаждой ощупать возможно большее количество характеровъ и типовъ, ею порожденныхъ, каковы бы они ни были. Не мало жертвъ принесъ онъ этому влеченію своей природы, становясь иногда рядомъ съ довольно ничтожными личностями, по своимъ стремленіямъ, и продолжая съ ними подолгу одинаковый путь, точно онъ былъ его собственный или особенно излюбленный имъ. Независимость всѣхъ движеній Тургенева, свободные переходы его отъ одного стана къ другому, противоположному, отъ одного круга идей къ другому, ему враждебному, а также и радикальныя перемѣны въ образѣ жизни, въ выборѣ занятій и интересовъ, поочередно приковывавшихъ къ себѣ его вниманіе, были загадкой для его строгихъ друзей и составили ему въ средѣ незаслуженную репутацію легкомыслія и слабохарактерности.»

Тургеневъ былъ прежде всего художникомъ, поэтомъ и менѣе всего человѣкомъ партіи, доктрины, политическимъ дѣятелемъ. Это не недостатокъ, а просто особенность натуры, закрѣпленная впечатлѣніями жизни. Сочувствуя прогрессу, онъ однако могъ съ отвращеніемъ отвернуться отъ той временной формы, въ какую вылилось прогрессивное движеніе. Относительно искусства онъ напр. совершенно не могъ столковаться съ шестидесятниками. Позволю себѣ напомнить, что я писалъ по этому поводу въ другомъ мѣстѣ:

«40-ые годы и красотѣ поклонялись, и мужику глубоко сострадали. 60-е—прежде всего рабочіе годы и какъ отъ таковыхъ смѣшно и странно требовать, чтобы они являлись передъ нами во фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ, съ цитатой изъ Пушкина или Гюго на устахъ. Имъ было не до того, имъ надо было по красивому и изящно-нарисованному плану выстроить зданіе, въ ко-

торомъ каждому было-бы тепло и удобно жить. Естественно, что они пачкались въ грязи и мусорѣ и, отбросивши комфортъ и эстетику, изо всѣхъ силъ принялись стучать молотками и топорами. Подойдите вы къ человѣку, увлеченному физической или другой работой, и попросите его вмѣстѣ съ вами полюбоваться на голубое небо, на струю свѣтлой лазури и т. д., вамъ придется услышать вѣроятно невѣжливое: «а-ну, тебя!..»

«Присмотритесь къ 60-мъ годамъ и передъ вами оживетъ цѣлое поколѣніе, если хотите не совсѣмъ уклюжее, не совсѣмъ изящное, совершенно несозерцательное поколѣніе, на долю котораго выпала преимущественно чорная работа—ликвидаціи крѣпостного права и крѣпостныхъ отношеній вообще. Вѣдь и Л. Н. Толстой былъ тогда мировымъ посредникомъ и училъ ребятишекъ въ яснополянской школѣ. Другіе составляли справочныя книжки, энциклопедическіе словари, популяризировали науку. Инженеру, проводящему желѣзную дорогу, нѣтъ дѣла до того, что ему придется срубить вѣковой дубъ, подъ сѣнью котораго еще вчера цѣловались влюбленные», но для Тургенева эти вѣковые дубы и ясени, эти густолиственныхъ кленовъ аллеи были полны значенія и смысла поэзіи.

Искусство для Тургенева было самостоятельною областью человѣческаго духа, независимою и ничему не обязанною служить *), для шестидесятниковъ искусство было лишь однимъ изъ способовъ воздѣйствія на умъ и сердце людей, т. е. рабочею силой, подчиненной интересамъ общественности. Тургеневъ былъ совершенно искрененъ, когда, сравнивая Бѣлинскаго и Добролюбова, говорилъ: «Въ Бѣлинскомъ былъ священный огонь пониманія художественности, природное чутье ко всему эстетическому, а въ Добролюбовѣ всюду сухость и односторонность взгляда. Бѣлинскій своими статьями развивалъ эстетическое чувство, увлекалъ ко всему возвышенному...» Тургеневъ и въ Бѣлинскомъ цѣнилъ прежде всего художника.

Все это подготовило почву для разрыва, и онъ произошелъ на самомъ дѣлѣ. Какъ—увидимъ сейчасъ.

* *
*

---

*) Любимымъ изреченіемъ Тургенева были стихи Пушкина:

«Дорогою свободной
Иди, куда зоветъ тебя свободный умъ.»

«Я бралъ,—разсказываетъ Тургеневъ,—морскія ванны въ Вентнорѣ, маленькомъ городкѣ, расположенномъ на островѣ Уайтѣ,—дѣло было въ августѣ мѣсяцѣ 1861 г.,—когда мнѣ пришла въ голову первая мысль «Отцовъ и Дѣтей»,—этой повѣсти, по милости которой прекратилось, и кажется навсегда, благосклонное расположеніе ко мнѣ русскаго молодого поколѣнія... Въ основаніи главной фигуры Базарова легла одна поразившая меня личность молодого провинціальнаго врача. Въ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ воплотилось—на мои глаза—то едва народившееся, еще бродившее начало, которое потомъ получило названіе нигилизма. Впечатлѣніе, произведенное на меня этой личностью, было очень сильно и въ то-же время не совсѣмъ ясно; я на первыхъ порахъ самъ не могъ хорошенько отдать себѣ въ немъ отчета и напряженно прислушивался и приглядывался ко всему, что̀ меня окружало, какъ-бы желая провѣрить правдивость собственныхъ ощущеній... Втеченіи нѣсколькихъ недѣль я избѣгалъ всякихъ размышленій о затѣянной мною работѣ; однако, вернувшись въ Парижъ, я снова принялся за нее — фабула понемногу сложилась въ моей головѣ: втеченіи зимы я написалъ первыя главы, но окончилъ повѣсть уже въ Россіи, въ деревнѣ, въ іюлѣ мѣсяцѣ. Осенью я прочелъ ее нѣкоторымъ пріятелямъ, кое что исправилъ, дополнилъ и въ февралѣ 62 г. «Отцы и Дѣти» появились въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

«Не стану распространяться о впечатлѣніи, произведенномъ этой повѣстью; скажу только, что, когда я вернулся въ Петербургъ въ самый день извѣстныхъ пожаровъ Апраксинскаго двора,—слово «нигилистъ» было подхвачено тысячами голосовъ, и первое восклицаніе, вырвавшееся изъ устъ перваго знакомаго, встрѣченнаго мною на Невскомъ, было: «Посмотрите, что̀ *ваши* нигилисты дѣлаютъ: жгутъ Петербургъ...» Я испыталъ тогда впечатлѣнія разнородныя, но одинаково тягостныя. Я замѣчалъ холодность, доходившую до негодованія, во многихъ мнѣ близкихъ и симпатичныхъ людяхъ, я получалъ поздравленія, чуть не лобызанія отъ людей противнаго мнѣ лагеря, чуть не враговъ. Меня это конфузило и огорчало; но совѣсть не упрекала меня; я хорошо зналъ, что я честно и не только безъ предубѣжденія, но даже съ сочувствіемъ отнесся къ выведенному мною типу... Мои критики называли мою повѣсть памфлетомъ, упоминали о раздраженномъ, уязвленномъ самолюбіи; но съ какой стати сталъ бы я писать памфлетъ на Добролюбова, съ которымъ я почти

не видался, но котораго высоко цѣнилъ, какъ человѣка и талантливаго писателя?»

Дѣло доходило даже до обвиненія въ пасквилянствѣ. Но все-же въ приведенныхъ словахъ только слабый отзвукъ того волненія и шума, которые вызваны были появленіемъ «Отцовъ и Дѣтей». Можно положительно сказать, что романъ былъ прочитанъ даже такими людьми, которые со школьной скамьи не брали книги въ руки. Панаева рисуетъ намъ любопытную картину этого общаго возбужденія...

«Однажды,—разсказываетъ она,—я сидѣла въ гостяхъ у однихъ знакомыхъ, когда къ нимъ явился ихъ родственникъ, отставной генералъ, одинъ изъ числа тѣхъ многихъ недовольныхъ генераловъ, которые получили отставку послѣ Крымской войны. Этотъ генералъ, едва только вошелъ, уже завелъ рѣчь объ «Отцахъ и Дѣтяхъ».

— Признаюсь, я эту дребедень, называемую повѣстями и романами, не читаю, но куда не придешь—только и разговоровъ, что объ этой книжкѣ... стыдятъ, уговариваютъ прочитать... Дѣлать нечего,—прочиталъ... Молодецъ сочинитель; если встрѣчу гдѣ нибудь, то расцѣлую его! молодецъ! ловко ошельмовалъ этихъ лохматыхъ господчиковъ и ученыхъ шлюхъ! Молодецъ!.. Придумалъ же имъ названіе—нигилисты! попросту вѣдь это значитъ глистъ!.. Молодецъ! Нѣтъ, этому сочинителю за такую книжку надо было бы дать чинъ, поощрить его, пусть сочинитъ еще книжку объ этихъ пакостныхъ глистахъ, что̀ развелись у насъ!»

Мнѣ также пришлось видѣть перепуганную, пожилую, добродушную чиновницу, заподозрившую своего стараго мужа въ нигилизмѣ, на основаніи только того, что онъ на Пасхѣ не поѣхалъ дѣлать поздравительные визиты знакомымъ, резонно говоря, что въ его лѣта уже тяжело трепаться по визитамъ и попусту тратить деньги на извозчиковъ и на водку швейцарамъ. Но его жена, напуганная толками о нигилистахъ, такъ переполошилась что выгнала изъ своего дома племянника, бѣдняка-студента, къ которому прежде была расположена и которому давала столъ и квартиру. Но у добродушной чиновницы исчезло всякое состраданіе отъ страха, что ея мужъ окончательно превратился въ нигилиста отъ сожительства съ молодымъ человѣкомъ. Иныя барышни пугали своихъ родителей тѣмъ, что сдѣлаются нигилистками, если имъ не будутъ доставлять развлеченій, т. е. вывозить ихъ на балы, театры и нашивать имъ наряды. Родители, во избѣжаніе срама, входили въ долги и исполняли прихоти дочерей. Но это все были комическія стороны, а сколько происходило семейныхъ драмъ, гдѣ родители и дѣти одинаково дѣлались несчастными на всю жизнь изъ-за антагонизма, который, какъ ураганъ, проносился въ семьяхъ, вырывая съ корнемъ связь между родителями и дѣтьми. Ожесточеніе родителей доходило до безчеловѣчности, а увлеченіе дѣтей—до фанатизма.»

Къ величайшему сожалѣнію, приходится отмѣтить тотъ фактъ,

что общество совершенно не поняло романа. Оно толковало его именно въ томъ смыслѣ, что онъ былъ «ниспроверженіемъ нигилистовъ». Вышло недоразумѣніе грандіозное, почти невѣроятное, неимѣющее себѣ примѣровъ въ исторіи литературы. Посмотрите, какъ сходятся свидѣтельства двухъ лицъ, враждебно расположенныхъ другъ другу,—самого Тургенева и Головачевой: Тургеневъ говоритъ, что ему приходилось пожимать руки «почти враговъ», Головачева свидѣтельствуетъ объ отзывѣ «генераловъ». Да! вышло что-то непостижимое, лучшій романъ Тургенева и несомнѣнно самый прогрессивный былъ забракованъ прогрессивной русской публикой... Молодежь обидѣлась до такой степени, что рѣшилась прямо высказать это демонстративно и не прислала Тургеневу обычнаго почетнаго билета на концертъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ.

Въ недоразумѣніи, произведенномъ «Отцами и Дѣтьми», повинна прежде всего зло и умѣло написанная статья въ «Современникѣ», подъ заглавіемъ «Асмодей нашего времени». Статья эта была, если можно такъ выразиться, пущена по горячимъ слѣдамъ романа и, благодаря громадному вліянію журнала, безусловно достигла своей цѣли. Г. Антоновичъ старался доказать, что такихъ людей, какъ Базаровъ, нѣтъ и что это не типъ, а карикатура, созданная Тургеневымъ спеціально для того, чтобы излить свой гнѣвъ на юную Россію и отвращеніе къ ней. Замѣтно также желаніе развѣнчать Тургенева вообще. «Новый романъ г. Тургенева—читаемъ мы—крайне неудовлетворителенъ въ художественномъ отношеніи... съ первыхъ же страницъ, къ величайшему изумленію читающаго, имъ овладѣваетъ нѣкотораго рода скука... когда дѣйствіе романа развертывается, ваше любопытство не шевелится, ваше чувство остается нетронутымъ... мы правда и не ожидали отъ г. Тургенева чего нибудь особеннаго и необыкновеннаго» и т. д., и т. д. Объ отношеніи автора къ своимъ героямъ критикъ «Современника» говоритъ: «г. Тургеневъ питаетъ къ нимъ какую-то *личную* ненависть и непріязнь, какъ будто они *лично* сдѣлали ему когда нибудь обиду и пакость, и онъ старается отомстить имъ на каждомъ шагу, какъ человѣкъ, лично оскорбленный; онъ съ внутреннимъ удовольствіемъ отыскиваетъ въ нихъ слабости и недостатки, о которыхъ и говоритъ дурно скрываемымъ злорадствомъ и только для того, чтобы унизить героя въ глазахъ читателя: посмотрите, дескать, какіе негодяи—мои враги и противники». Ясно, куда мѣтитъ г. Антоно-

вичъ: ему непремѣнно хочется, чтобы читатель видѣлъ въ романѣ не художественное произведеніе, а памфлетъ противъ личныхъ какихъ-то враговъ. Дальше идетъ настоящая травля Базарова и Тургенева. Базаровъ оказывается скопищемъ всѣхъ семи смертныхъ грѣховъ, плотоугодникомъ, чуть ли не дуракомъ, а Тургеневъ—чѣмъ то вродѣ Булгарина.

Г. Антоновичъ не такой человѣкъ, чтобы писать по личному раздраженію: въ романѣ Тургенева онъ очевидно усмотрѣлъ общественное зло. Онъ хотѣлъ не Базарова, а героевъ «Что дѣлать?»—Рахметова или такихъ прекрасныхъ учениковъ радикальнаго пансіона, какъ Лопуховъ или Кирсановъ. Базаровъ же, какъ мы сейчасъ увидимъ, многими своими чертами напоминаетъ Рудина: онъ склоненъ къ меланхоліи, къ созерцанію, у него есть барскія замашки: онъ любитъ напр. шампанское, а Никитушка Ломовъ (Рахметовъ) ѣстъ что̀ придется и обѣдаетъ кускомъ ветчины съ черномъ хлѣбомъ. Г-ну Антоновичу нуженъ былъ дѣятель, а Базаровъ все-же держится еще въ сторонѣ отъ настоящей общественной работы. Какъ-же смѣлъ Тургеневъ выставить его представителемъ молодого поколѣнія? Итакъ, слѣдовало доказать, что Базаровъ—ничтожество и пародія.

Заступаться за Базарова я не буду; если читателю нужна его защита, какъ человѣка; пусть онъ перечтетъ блестящія статьи Писарева «Базаровъ», «Реалисты»: лучшаго адвоката, какъ Писаревъ, найти нельзя. Но что̀-же такое Базаровъ въ самомъ дѣлѣ: герой, вождь, ничтожество?.. Мнѣ кажется, что это натура *двойственная*, что̀ въ сущности и вызвало такія недоразумѣнія. Я не вижу причины сомнѣваться, что самъ Тургеневъ отнесся къ нему совершенно искренне и не только не думалъ унизить его, а, напротивъ, идеализировалъ. «Какъ—писалъ онъ Ф—вой—и вы, вы говорите, что я въ Базаровѣ хотѣлъ представить карикатуру на молодежь. Вы повторяете этотъ... извините за безцеремонность выраженія—безсмысленный упрекъ! Базаровъ—это мое любимое дѣтище... на которое я потратилъ всѣ находящіяся въ моемъ распоряженіи краски... Базаровъ — этотъ умница, этотъ герой,—карикатура!». То-же повторяетъ онъ въ письмѣ къ Салтыкову: «скажите по совѣсти, развѣ кому нибудь можетъ быть обидно сравненіе его съ Базаровымъ? Не сами ли вы замѣчаете, что это самая симпатичная изъ моихъ фигуръ... но я готовъ сознаться, что я не имѣлъ права давать нашей реакціонной сволочи возможность ухватиться за кличку, за имя («нигилистъ»).

Но все-же, повторяю, Базаровъ—натура двойственная. Вамъ прежде всего бросается въ глаза огромный, скептическій умъ, привыкшій скрывать свои сомнѣнія подъ маской холодной, подчасъ жестокой ироніи. Этихъ своихъ сомнѣній Базарову раскрыть не передъ кѣмъ, не можетъ онъ сообщить ихъ ни младенцу Аркадію, ни своимъ родителямъ; онъ только намекаетъ на нихъ въ разговорахъ съ Одинцовой. Въ его характерѣ есть между прочимъ одна малосимпатичная черта. Онъ смотритъ на людей сверху внизъ и даже рѣдко даетъ себѣ трудъ скрывать свои полупрезрительныя и полупокровительственныя отношенія къ тѣмъ, которые его ненавидятъ, и къ тѣмъ, которые слушаются. Онъ никого не любитъ просто, по-дѣтски, откровенно, онъ не любитъ и самого себя, по крайней мѣрѣ стыдится любви къ себѣ и злится на себя за это.

На всѣхъ окружающихъ онъ дѣйствуетъ прежде всего цѣльностью и рѣзкой опредѣленностью своего міросозерцанія, а между тѣмъ развѣ для него самого все такъ ясно и просто здѣсь на землѣ? Развѣ роковая загадка бытія не тревожитъ его... Тревожитъ, да еще какъ... Однажды въ разговорѣ съ Аркадіемъ у него случайно вырвался стонъ: «Я вотъ лежу здѣсь подъ стогомъ — говорилъ онъ... Узенькое мѣстечко, которое я занимаю, до того крохотно въ сравненіи съ остальнымъ пространствомъ, гдѣ меня нѣтъ и гдѣ дѣла до меня нѣтъ, и часть времени, которую мнѣ удастся прожить, такъ ничтожна передъ вѣчностью, гдѣ меня не было и не будетъ... А въ этомъ атомѣ, въ этой математической точкѣ кровь обращается, мозгъ работаетъ, чего-то хочетъ тоже! Что за безобразіе! Что за пустяки!»... Согласитесь сами, что передъ вами не нигилистъ, а скептикъ, мученикъ своей острой пронизывающей мысли. Базарову не даетъ покоя сознаніе собственнаго ничтожества, какъ человѣка. «Мои родители — продолжалъ онъ — заняты и не безпокоятся о собственномъ ничтожествѣ, оно имъ не смердитъ... а я... я чувствую только скуку и *злость*». Разумѣется, не Аркадію понять эти мысли,—да и кто вообще изъ лицъ романа пойметъ ихъ? Всѣ заняты своимъ дѣломъ: одни хозяйничаютъ, другіе либеральничаютъ и, распивая шампанское, проводятъ этимъ самымъ въ жизнь идею женской эмансипаціи. Базаровъ злится за свою полную неприспособленность къ обыденному человѣческому счастью и завидуетъ даже муравью, потому что тотъ не то, что «нашъ братъ, самоломанный»... Поэтому-то въ Базаровѣ столько

тоски, поэтому-то его утрированно-рѣзкія выраженія только прикрытіе для святыя святыхъ его сердца, куда онъ, какъ гордый человѣкъ, не позволяетъ заглянуть никому изъ непосвященныхъ.

Онъ циникъ,—но сколько искусственнаго, дѣланнаго въ его цинизмѣ!» «Въ его цинизмѣ—пишетъ Писаревъ—двѣ стороны, и внутренняя, и внѣшняя, цинизмъ мыслей и чувствъ и цинизмъ манеръ и выраженій. Ироническое отношеніе къ чувству всякаго рода, къ мечтательности, къ лиризму составляетъ сущность внутренняго цинизма. Грубое выраженіе этого цинизма, безпричинная и безцѣльная рѣзкость въ обращеніи относятся къ внѣшнему цинизму». Все это какъ нельзя болѣе справедливо, особенно если прибавимъ къ этому черту извѣстной душевной надломленности. Базаровъ въ романѣ Тургенева еще на перепутьи, онъ еще ищетъ, борется. Онъ отдался отрицанію, но еще самъ хорошенько не знаетъ, куда оно приведетъ его. «*Въ глубинѣ души онъ признаетъ многое изъ того, что̀ отрицаетъ на словахъ, и можетъ быть именно это признаваемое, это затаившееся спасаетъ его отъ нравственнаго паденія и отъ нравственнаго ничтожества*». (Писаревъ).

Оттого-то, какъ «самоломанный», какъ человѣкъ перепутья, исканія,—Базаровъ жестокъ и сухъ, по крайней мѣрѣ на словахъ. Рудинымъ и рудинствующимъ онъ угрюмо и рѣзко говоритъ: «Объ чемъ вы ищете, чего просите отъ жизни? Вамъ, небось, счастья хочется? Да вѣдь мало это! Счастье надо завоевать. Есть силы—берите его. Нѣтъ силъ—ловите, а то и безъ васъ тошно!»

Это рѣзко, мрачно, жестоко, но не отвратительно рѣзко и не отталкивающе рѣзко, потому что, читая романъ, вы на каждой страницѣ видите, что Базаровъ страдаетъ, что въ немъ нѣтъ того, на что, вообще говоря, природа не скупится—самодовольства. Онъ изъ ищущихъ и тоскующихъ, но гордость сатанинская, гордость безмѣрно самолюбиваго человѣка не позволяетъ ему дать простора своимъ слезамъ, своимъ жалобамъ. Какъ только слезы подступаютъ къ его горлу—онъ убѣгаетъ, прячется, таится въ одиночествѣ и тамъ продолжаетъ свою каторжную работу—самоломанія.

Его несчастіе—словомъ, нигилизмъ, не столько отсутствіе вѣры, сколько нежеланіе—упрямое, страстное нежеланіе вѣрить въ то, что̀ даетъ человѣку обыденное счастье и самодовольство. *Этого* онъ не можетъ. Онъ слишкомъ уже изломалъ себя, слишкомъ мно-

го ниспровергъ всякихъ завѣщанныхъ воспитаніемъ и наслѣдственностью кумировъ, чтобы опять восторгаться бабушкиными сказками. Но что-же дѣлать? Тургеневскій Базаровъ не знаетъ этого, какъ не знали Рудины, Лаврецкіе, Бельтовы, а на иллюзію, на «насъ возвышающій обманъ»—его не поймаешь...

Въ немъ въ то-же время есть какое-то органическое сознаніе своей отвѣтственности передъ обществомъ и отвращеніе къ безобразной и скверной обстановкѣ, окружающей его. Онъ постоянно говоритъ о нормальной человѣческой жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не знаетъ, что̀ дѣлать, и не вѣритъ, чтобы можно было что нибудь сдѣлать. Онъ—революціонеръ-пессимистъ, если можно такъ выразиться, измученный своими сомнѣніями и ухватившійся за лягушку, какъ утопающій хватается за соломинку. Натура гордая, непризнающая никакого самообмана. Базаровъ—что-то среднее между Рудинымъ и Нечаевымъ.

Двойственность этого типа, особенно въ обстановкѣ того времени, должна была породить, и дѣйствительно породила, массу недоразумѣній. Ну, спроситъ ли себя Рахметовъ: «зачѣмъ я живу?» ну, станетъ ли онъ тосковать по поводу міровыхъ вопросовъ, когда у него есть завладѣвшее всѣмъ его сердцемъ практическое дѣло? А вѣдь сила, настоящая, доподлинная сила Базарова проявляется лишь въ сценѣ его смерти. Онъ умираетъ героемъ—этотъ революціонеръ-пессимистъ, этотъ гордый, но надломленный человѣкъ, этотъ невѣрующій проповѣдникъ.

Тургеневъ по самому существу своего таланта, своихъ симпатій не могъ дать цѣльнаго, опредѣленнаго типа. Какъ въ области любви онъ описываетъ обыкновенно лишь ея ростки, ея зарожденіе, такъ и здѣсь онъ остановился на періодѣ *исканія*. Его Базаровъ недоконченъ. Это прекрасно понималъ Герценъ: «Худшая услуга,—читаемъ мы,—которую Тургеневъ оказалъ Базарову, состоитъ въ томъ, что, не зная, какъ съ нимъ сладить, онъ его казнилъ тифомъ. Это такая ultima ratio, противъ которой никто не устоитъ. Уцѣлѣй Базаровъ отъ тифа, онъ навѣрное развился-бы вонъ изъ Базаровщины, по крайней мѣрѣ въ науку, которую онъ любилъ и цѣнилъ въ физіологіи и которая не мѣняетъ своихъ пріемовъ, лягушка-ли, или человѣкъ, эмбріологія-ли, или исторія у нея въ передѣлѣ. Наука спасла-бы Базарова, онъ пересталъ-бы глядѣть на людей свысока, съ глубокимъ нескрываемымъ презрѣніемъ. Наука учитъ насъ смиренію. Она не можетъ ни на что глядѣть свысока, она не знаетъ, что̀ такое *свысока*, она

ничего не презираетъ, никогда не лжетъ для роли и ничего не скрываетъ для кокетства. Она останавливается передъ фактами, какъ изслѣдователь, иногда какъ врагъ, никогда какъ палачъ, еще меньше съ враждебностью и ироніей. Наука—*любовь*, какъ сказалъ Спиноза о мысли и вѣдѣніи».

Отсутствіе этой любви, отсутствіе *вѣры* и дѣлали Базарова подозрительнымъ въ глазахъ тѣхъ, кто думалъ, что въ Россіи уже создались настоящіе, подлинные дѣятели, герои труда. Оттого-то такъ и набросились на Тургенева, набросились за то, что героемъ дня онъ выставилъ скептика и отрицателя, пожалуй, даже человѣка, слегка барствующаго въ нигилизмѣ своемъ. Тургеневъ угадалъ, прозрѣлъ, но для интересовъ дѣла и эпохи такого угадыванія и прозрѣнія не требовалось. Отсюда—одинъ изъ самыхъ грустныхъ эпизодовъ исторіи нашей литературы.

Резюме же всей этой исторіи то, что Тургеневъ, обиженный, разочарованный, пожалуй даже ошеломленный, уѣхалъ заграницу и втеченіи цѣлыхъ шести лѣтъ почти не брался за перо. Мы видѣли, съ какой грустью говоритъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ эпизодѣ съ «Отцами и Дѣтьми; на самомъ дѣлѣ эта исторія оставила въ его сердцѣ рану, не зажившую втеченіи всей жизни.

* * *

Въ періодѣ меланхоліи и грусти Тургеневъ написалъ прелестную небольшую вещицу «Довольно», которой онъ хотѣлъ распроститься съ публикой. Мы приведемъ изъ нея нѣсколько строкъ, характеризующихъ тоску нашего великаго романиста.

«Строго и безучастно ведетъ каждаго изъ насъ судьба—и только на первыхъ порахъ мы, занятые всякими случайностями, вздоромъ, самими собой, не чувствуемъ ея чорствой руки. Пока можно обманываться и не стыдно лгать—можно жить и не стыдно надѣяться... Истина—неполная истина—о той и помину быть не можетъ, но даже та малость, которая намъ доступна,—замыкаетъ тотчасъ намъ уста, связываетъ намъ руки, сводитъ насъ на «нѣтъ». Тогда одно остается человѣку, чтобы устоять на ногахъ и не разрушиться въ прахъ, не погрязнуть въ тинѣ самозабвенія... самопрезрѣнія: спокойно отвернуться отъ всего, сказать: довольно!..» «Наша жизнь одна бродячая тѣнь, жалкій актеръ, который рисуется и кичится какой нибудь часъ на сценѣ, а тамъ пропадаетъ безъ вѣсти;—сказка, разсказанная безумцемъ, полная звуковъ и ярости и не имѣющая никакого смысла.»

«Страшно то, что нѣтъ ничего страшнаго, что самая суть жизни мелка, неинтересна и нищенски плоска. Проникнувшись

этимъ сознаніемъ, отвѣдавъ *этой* полыни, никакой уже медъ не покажется сладкимъ, и даже то высшее, то сладчайшее счастье, счастье любви, полнаго сближенія, безвозвратной преданности—даже оно теряетъ все свое обаяніе; все его достоинство уничтожается его собственной малостью, его краткостью. Такъ поздней осенью, въ морозный день, когда все безжизненно и нѣмо въ посѣдѣлой травѣ, на окраинѣ обнаженнаго лѣса—стоитъ солнцу выйти на мигъ изъ тумана, пристально взглянуть на застывшую землю—тотчасъ отовсюду поднимутся мошки: онѣ играютъ въ тепломъ его лучѣ, хлопочутъ, толкутся вверхъ, внизъ, вьются другъ около друга... Солнце скроется — мошки валятся слабымъ дождемъ и конецъ ихъ мгновенной жизни».

«Но искусство?.. Красота?.. Да, это сильныя слова... Но не условность искусства смущаетъ меня—его бренность, опять таки его бренность, его тлѣнъ и прахъ—вотъ что лишаетъ меня бодрости и вѣры. Искусство въ данный мигъ пожалуй сильнѣе самой природы, потому что въ ней нѣтъ ни симфоніи Бетховена, ни картины Рюисдаля, ни поэмы Гёте—и одни лишь тупые педанты или недобросовѣстные болтуны могутъ еще толковать объ искусствѣ, какъ о подражаніи природѣ; но въ концѣ концовъ природа неотразима; ей спѣшить нечего и рано или поздно она возьметъ свое, она не терпитъ ничего бозсмертнаго, ничего неизмѣннаго...Человѣкъ—дитя природы: но она всеобщая мать, и у ней нѣтъ предпочтенія: все, что существуетъ въ ея лонѣ, возникло только на счетъ другого и должно въ свое время уступить мѣсто другому—она создаетъ, разрушая, и ей все равно: что она создаетъ, что она разрушаетъ, лишь бы не переводилась жизнь, лишь бы смерть не теряла правъ своихъ, а потому она такъ-же спокойно покрываетъ плесенью божественный ликъ фидіасовскаго Аполлона, какъ и простой голышъ, и отдаетъ на съѣденіе презрѣнной моли драгоцѣннѣйшія строки Софокла»...

Очень вѣроятно, что и личныя сердечныя дѣла Тургенева повинны въ интенсивности того-же настроенія. Едва-ли они шли благополучно, едва-ли приносили какую нибудь отраду великому писателю. Задавалъ ли себѣ читатель когда нибудь вопросъ, почему Тургеневъ, этотъ пѣвецъ любви, всегда описываетъ любовь меланхолическими красками? почему онъ не вѣритъ, такъ-таки прямо не вѣритъ, что любовь можетъ принести человѣку счастье? Полная его біографія въ будущемъ раскроетъ намъ эту загадку. Но и мы не совсѣмъ минуемъ ея. Мы посмотримъ сейчасъ на Тургенева, какъ на пѣвца любви: своими образами онъ довольно откровенно разсказалъ намъ о тайныхъ мукахъ своего сердца, о своей вѣчной неудовлетворенности...

Заглавіе «Первая любовь» носитъ лишь одинъ изъ разсказовъ Тургенева, но ту-же самую первую любовь вы видите во всемъ, за самыми малыми исключеніями, что̀ вышло изъ подъ пера поэта.

...вушка или женщина, не любившая еще (напр. «Фаустъ»), встрѣ-

чаютъ мужчину необыденнаго, по крайней мѣрѣ на первый взглядъ. Обыденности Тургеневская героиня боится больше всего, она органически презираетъ пошлость, ей нуженъ герой, который вывелъ-бы ее на новую дорогу, открылъ-бы ей новыя стороны жизни дѣятельности, показалъ-бы ей что̀ такое она сама. Надо поразить ея воображеніе благородными-ли словами, величіемъ-ли возложеннаго на себя подвига, словомъ—героическимъ поступкомъ. И такому человѣку она отдастъ всю свою душу. Любовь загорается въ ней мгновенно, сразу вспыхиваетъ ея сердце, какъ сухая солома отъ упавшей на нее искры. Нѣтъ ни раздумья, ни колебанья и, ужъ разумѣется, нѣтъ и тѣни какого-бы то ни было разсчета. Она все предшествующее время жила неяснымъ для нея самой ожиданіемъ *его*. Онъ явился наконецъ—объ чемъ-же задумываться? Она оставляетъ все, она отказываетъ своему формальному жениху, если онъ былъ у нея, разрываетъ свои связи съ семьей, дѣтскими привязанностями и, не спрашивая куда, зачѣмъ, хочетъ идти за нимъ, лишь-бы онъ велъ ее. Она уже не принадлежитъ себѣ, какъ у загипнотизированной, ея воля тонетъ въ волѣ героя.

Таковъ первый моментъ: любовь возникаетъ неожиданно, мгновенно; она неотразима, какъ рокъ; она наполняетъ собой все сердце любящей женщины, она сразу измѣняетъ ее какъ второе крещеніе.

Что-же такое она, эта таинственная сила? Жажда наслажденія, высшее, страстное проявленіе эгоизма человѣческой природы? Тургеневъ показываетъ и такую любовь, но въ такомъ случаѣ его героиня сразу мѣняется и изъ чистаго дѣвственнаго созданія становится плотояднымъ, хищнымъ существомъ, готовымъ, какъ паукъ, высосать всѣ соки изъ своей жертвы. Такова напр. Марья Николаевна въ «Вешнихъ водахъ». Но эта форма любви не характерна для Тургенева; онъ съ особеннымъ наслажденіемъ описываетъ другую — болѣе возвышенную, полную самоотверженія и духовности.

«Любовь не только не кладетъ на его героиню какой нибудь узкой, эгоистической печати, какъ это случается въ романахъ и въ жизни, но какъ бы расширяетъ ея душу, открываетъ ей новыя далекія и свѣтлыя перспективы. Любимый человѣкъ для нея—не просто будущій мужъ или любовникъ, съ которымъ ее ждетъ упоеніе личнаго счастья,—нѣтъ, за нимъ стоитъ что-то большое и свѣтлое (она хорошенько не знаетъ что̀), призывающее къ дѣ-

ятельности, къ жертвѣ; ей такъ сладко мечтать объ этой жертвѣ, хотя-бы пожертвовать пришлось даже жизнью, такъ хотѣлось-бы на весь міръ прозвенѣть какими-то новыми до сихъ поръ нетронутыми еще, но невыразимо звучными струнами души,—прозвенѣть, а тамъ, пожалуй, пусть струны и оборвутся отъ полноты напряженія.»

Тургеневскія героини влюбляются сразу и любятъ только одинъ разъ, и это уже на всю жизнь. Онѣ очевидно изъ племени бѣдныхъ Аздровъ, для которыхъ любовь и смерть были равнозначущи. Съ перваго раза можетъ даже показаться страннымъ, какъ эта чистая, дѣвственная, высокая любовь ведетъ къ гибели и смерти? Но это одинъ изъ любимѣйшихъ мотивовъ Тургеневской музы. Онъ сравниваетъ любовь съ стихійными и даже мрачными явленіями природы. Вотъ напр. ея символъ въ «Вешнихъ водахъ»:

«Джемма невольно остановилась на этомъ словѣ. Она не могла продолжать; нѣчто необыкновенное произошло въ это самое мгновеніе. Внезапно, среди глубокой тишины, при совершенно безоблачномъ небѣ, налетѣлъ такой порывъ вѣтра, что сама земля, казалось, затрепетала подъ ногами, тонкій звѣздный свѣтъ задрожалъ и заструился, самый воздухъ завертѣлся клубомъ. Вихорь не холодный, а теплый, почти знойный ударилъ по деревьямъ, по крышѣ дома, по его стѣнкамъ, по улицѣ; онъ мгновенно сорвалъ шляпу съ головы Санина, взвилъ и разметалъ чорныя кудри Джеммы. Шумъ, звонъ и грохотъ длились около минуты... Какъ стая громадныхъ птицъ. промчался прочь взыгравшій вихорь... Настала вновь глубокая тишина»...

Такъ зародилась любовь въ сердцѣ Джеммы и Санина, такъ прошла она...

Другой одинаково мрачный образъ готовитъ васъ къ драмѣ «Фауста»...«Закрывая собою заходившее солнце, вздымалась огромная темносиняя туча; видомъ своимъ она представляла подобіе огнедышащей горы; ея верхъ широкимъ снопомъ раскидывался по небу; яркой каймой окружалъ ее зловѣщій багрянецъ и въ одномъ мѣстѣ, на самой срединѣ, пробивалъ насквозь ея тяжелую громаду, какъ-бы вырываясь изъ раскаленнаго жерла... Быть грозѣ»... И была гроза, и погибли въ ней оба влюбленные...

Кому любовь приноситъ счастье? Она убила Асю, Вѣру въ «Фаустѣ», разбила сердце Наташи въ «Рудинѣ», ея непримиримыя противорѣчія заключили Лизу изъ «Дворянскаго Гнѣзда» въ мона-

стырь,измучила Джемму изъ «Вешнихъ водъ», Таню—изъ «Дыма», заставила Машу броситься въ воду и утонуть... Любовь Шопенгауэра обманываетъ какъ ловкая сводница, любовь у Тургенева мучаетъ, истязуетъ, губитъ и даже убиваетъ... Въ одномъ старомъ, глупомъ романсѣ поется: «Что на свѣтѣ прежестоко?—Прежестока есть любовь»... Тургеневъ часто цитируетъ эти слова и могъ бы приводить ихъ еще чаще...

Кто-же и что виновато въ этомъ губительномъ дѣйствіи любви? Время, обстановка, обстоятельства или что-то другое, болѣе общее, таинственное и, если не бояться словъ, пожалуй, мистическое? И то, и другое. Обстоятельства погубили Наташу, Асю и Лизу, но Вѣра гибнетъ уже отъ противорѣчія между долгомъ и страстью, Джемма—отъ роковой, стихійной силы... Припомните «Пѣснь торжествующей любви»: здѣсь изъ области образовъ мы вступаемъ уже въ область символа: понять его смыслъ легче, чѣмъ передать словами...

Любовь и гибель, любовь и смерть—его неразлучныя художественныя ассоціаціи. Проанализируйте «Пѣснь торжествующей любви»: здѣсь Тургеневъ высказался цѣликомъ. Фабула проста. Два юноши, Фабій и Муцій, мгновенно влюбляются въ красавицу Валерію. Валерія симпатизируетъ имъ обоимъ, но не любитъ ни одного и только по совѣту тетки выходитъ замужъ за Фабія. Она счастлива въ замужествѣ, привыкла къ мужу, вѣрна ему, привязана къ дѣтямъ. Муцій, чтобы не мѣшать ея блаженству. уѣзжаетъ въ Индію, гдѣ изучаетъ тайны факировъ. Проходитъ пять лѣтъ, онъ возвращается и, остановившись въ домѣ своего друга Фабія, видитъ, что не исчезла его старая любовь къ Валеріи. Не буду передавать чуднаго описанія волшебной игры Муція, это одинъ изъ перловъ міровой художественной литературы. Послѣ того какъ звуки пѣсни торжествующей любви замолкли, Валерія, какъ *очарованная*, вышла въ садъ и отправилась, въ *припадкѣ таинственнаго сна*, на встрѣчу Муцію, который, *также очарованный*, шелъ къ ней. На другой день при новой встрѣчѣ влюбленныхъ Фабій закалываетъ Муція, а очнувшаяся Валерія съ ужасомъ вспоминаетъ о *кошмарѣ*...

Страсть—это кошмаръ, а любовь—роковая стихійная сила, не счастье, а гибель несетъ она человѣку, въ ней самой заложенъ смертельный ядъ, и горе испытавшему его дѣйствіе...

Въ чемъ же счастье?..

«Одно убѣжденіе,—говоритъ Тургеневъ,—вынесъ я изъ опыта

послѣднихъ годовъ: жизнь—не шутка и не забава, жизнь—даже не наслажденіе... жизнь—тяжелый трудъ... Отреченіе—отреченіе постоянное—вотъ ея тайный смыслъ, ея разгадка; неисполненіе любимыхъ мыслей и мечтаній, какъ бы они возвышены ни были, а исполненіе долга, вотъ о чемъ слѣдуетъ заботиться человѣку.

«Не наложивъ на себя цѣпей желѣзныхъ, цѣпей долга, не можетъ онъ дойти, не падая, до конца своего поприща, а въ молодости мы думаемъ: чѣмъ свободнѣе, тѣмъ лучше, тѣмъ дальше уйдешь... Молодости позволительно такъ думать, но стыдно тѣшиться обманомъ, какъ суровое лицо истины глянуло наконецъ тебѣ въ глаза»...

Долгъ выше любви, въ немъ разгадка жизни, а не въ страсти. Долгъ, какъ тѣнь умершей матери, встаетъ съ распростертыми руками передъ Вѣрой, готовой сбросить съ себя его желѣзныя цѣпи, онъ затворяетъ за Лизой тяжелыя монастырскія ворота и зяпрятываетъ подъ клобукъ вольныя мысли, любовныя мечтанія...

V.

Послѣдніе годы.—Міровая слава.

Въ 1864 г. Віардо со всей семьей рѣшилась оставить Парижъ, и Тургеневъ конечно не пожелалъ разстаться съ ними. Послѣ прощальнаго представленія, которое m-me Віардо дала въ Théâtre Lyrique, всѣ они уѣхали изъ столицы, чтобы поселиться отнынѣ въ Thiergartenthal'ѣ, близъ Баденъ-Бадена.

«Кто не бывалъ въ этомъ раю долинъ и лѣсовъ, на берегу Оса,—восторженно восклицаетъ Пичъ въ періодъ его процвѣтанія, предъ франко-прусской войной,—тотъ не можетъ вѣрно представить себѣ привлекательности этой мѣстности, соединявшей тогда весьма разнородные общественные элементы. Любители всевозможныхъ развлеченій, разнообразныхъ туалетовъ и нарядовъ могли находить не мало удовольствія въ лицезрѣніи этой, составленной изъ представителей всѣхъ націй міра, маскарадной толпы, собиравшейся на лѣтній сезонъ въ Баденъ-Баденѣ и появлявшейся всюду, какъ въ конверсаціонсгаузѣ, такъ и въ величественныхъ руинахъ замка Иффенгейма. Весь шумъ и блескъ этого своеобразнаго мірка не въ

состоянiи былъ нарушить тишину Лейвальдскихъ долинъ, выходящихъ прямо на Лихтентальскую аллею, и лѣсистыхъ высотъ, опьяняющихъ своимъ благоуханiемъ. Здѣсь жили преимущественно люди, чуждавшiеся шумныхъ удовольствiй, но тѣмъ не менѣе представлявшiе собою избранный кругъ баденскаго общества.

Центръ этого избраннаго баденскаго кружка составлялъ домъ Вiардо. Тамъ, начиная съ 1864 г., составлялись по воскресеньямъ столько разъ описанныя музыкальныя утреннiя собранiя. Самыя высокопоставленныя лица изъ посѣтителей курорта считали за особенную честь быть приглашенными на эти собранiя... Семейство Вiардо и Тургеневъ настолько полюбили эту мѣстность, что не покидали ея даже зимою; изрѣдка лишь, и то только въ случаѣ крайней необходимости, Ив. Серг. рѣшался на поѣздку въ Россiю. Поѣздку онъ всякiй разъ откладывалъ, насколько возможно, но никакое препятствiе не могло помѣшать ему возвратиться къ 18 iюля—дню рожденiя Полины Вiардо. Съ полнымъ довольствомъ, замѣнившимъ прежнее его меланхолическое настроенiе, Тургеневъ наслаждался жизнью въ Баденъ-Баденѣ. Въ 1865 г., рѣшившись до конца дней не разставаться съ Баденомъ, онъ купилъ большой участокъ земли, прилегающiй къ парку виллы Вiардо, и построилъ себѣ большую виллу въ видѣ замка, превративъ всю окружающую мѣстность въ садъ.

«Годы, — проведенные Тургеневымъ въ Баденѣ, — говоритъ Пичъ, были плодотворны».

«Я, находясь тутъ же, какъ бы присутствовалъ при его поэтическомъ творчествѣ. Нѣкоторыя изъ его повѣстей и фантастическихъ произведенiй, написанныхъ въ Баденѣ, я прослѣдилъ отъ первоначальнаго замысла ихъ до окончательной отдѣлки; я видѣлъ, какъ они мало-по-малу выдѣлялись изъ мрака небытiя. Его способъ концепцiи былъ такъ-же своеобразенъ, какъ и вся его натура. Онъ обладалъ счастливымъ удѣломъ, выпадающимъ на долю весьма немногихъ—работать не изъ за куска хлѣба. Онъ былъ по природѣ лѣнивъ: въ его крови глубоко жила «обломовщина». Онъ брался за перо почти всегда подъ влiянiемъ внутренней потребности творчества, независѣвшей отъ его воли. Втеченiи цѣлыхъ дней и недѣль онъ могъ отстранять отъ себя это побужденiе, но совершенно отъ него отдѣлаться онъ былъ не въ силахъ. Образы, вызываемые личными воспоминанiями, картины, сохранившiяся въ его памяти, возникали въ его фантазiи, неизвѣстно почему и откуда, и все болѣе осаждали его и заставляли его рисовать—какими они ему представляются, и записывать, что̀ они говорятъ ему и между собою. Часто слышалъ я, какъ онъ во время этихъ рабочихъ часовъ, подъ влiянiемъ непреодолимой потребности, запирался въ своей комнатѣ и, подобно льву въ клѣткѣ, шагалъ и стоналъ тамъ. Въ эти дни, еще за утреннимъ чаемъ, мы слышали отъ него трагикомическое восклицанiе: «охъ, сегодня я долженъ работать!» Разъ,

усѣвшись за работу, онъ даже физически переживалъ все то, о чемъ писалъ. Когда онъ однажды писалъ небольшой, безотрадный романъ «Несчастная» изъ воспоминаній его студенческихъ лѣтъ, сюжетъ котораго развивался почти помимо его воли, при описаніи особенно запечатлѣвшейся въ его памяти фигуры покинутой дѣвушки, стоящей у окна, онъ былъ втеченіи цѣлаго дня боленъ совершенно. «Что съ вами, Тургеневъ? Что случилось?»—«Ахъ, она должна была отравиться... Ея тѣло выставлено въ открытомъ гробу въ церкви и, какъ это принято у насъ въ Россіи, каждый родственникъ долженъ цѣловать мертвую. Я разъ присутствовалъ при такомъ прощаніи, а сегодня долженъ былъ описать это, и вотъ у меня весь день испорченъ...»

...«Домъ г-жи Віардо въ Баденѣ считался въ тѣ годы какъ бы высшей школой пѣнія, куда являлись юные таланты изъ всѣхъ странъ, чтобы поучиться у знаменитой артистки, у которой умѣнье преподавать равнялось ея творческому генію. Особенно старалась она доставить молодымъ женщинамъ разныхъ національностей случаи попробовать себя въ маленькихъ легкихъ драматическихъ партіяхъ. Для этого однако нужно было найдти оперетки, въ которыхъ всѣ роли, за исключеніемъ одного или двухъ лицъ, могли быть исполнены пѣвицами. Съ этой цѣлью Тургеневъ написалъ три веселыхъ фантастическихъ оперетки, драматизированныя сказки, исполненныя граціознаго юмора и тонкой прелести: «Le dernier des sorciers»—«L'Ogre» и «Trop de femmes». Госпожа Віардо написала къ нимъ музыку и иногда принимала на себя исполненіе роли влюбленнаго принца, писанной для альта; когда случалось, что въ числѣ друзей Віардо не доставало баритона, Тургеневъ не считалъ для себя унизительнымъ играть роль стараго колдуна, паши или людоѣда, котораго дразнили и мучили или прелестные эльфы, или слишкомъ многочисленныя жены его гарема и, не смотря на его величину и силу, побѣждали. Большая зала его замка, первый этажъ котораго онъ занималъ самъ, а второй—я, легко превращалась въ сцену. Если г-жа Віардо не участвовала сама, она исполняла роль оркестра и капельмейстера, сидя за роялемъ. Эти маленькія представленія давались иногда въ присутствіи такой отборной публики, которую рѣдко можно встрѣтить въ частныхъ домахъ. Король Вильгельмъ и королева Августа сидѣли тамъ въ первыхъ рядахъ кreселъ, окруженные избранной баденской публикой, которая по воскресеньямъ, во время музыкальныхъ утръ, наполняла органную залу и садъ. Королевская чета впродолженіи цѣлыхъ десятковъ лѣтъ привыкла видѣть въ хозяйкѣ дома не только свѣтскую даму, но и выдающуюся артистку, и нерѣдко случалось, что, по окончаніи представленія, ихъ величества оставались на чай, участвуя въ безцеремонной, фамиліарной бесѣдѣ друзей дома.»

Здѣсь въ Баденъ-Баденѣ Тургеневъ написалъ и свой «Дымъ». Романъ этотъ критика извѣстнаго лагеря постоянно упрекала за *тенденціозность* и за то, что Тургеневъ очень нелестно отзывается здѣсь о своихъ соотечественникахъ. На самомъ дѣлѣ романъ исполненъ ѣдкости и горечи по отношенію не только къ

высшимъ классамъ Россіи, но и ко всѣмъ современнымъ русскимъ стремленіямъ, попыткамъ реформъ все равно, какъ и къ всему специфически «русскому». Устами Потугина говоритъ самъ Тургеневъ, говоритъ рѣзко, иногда жестоко, но всегда въ большей или меньшей степени справедливо. «Удивляюсь я, милостивый государь, своимъ соотечественникамъ. Всѣ унываютъ, всѣ повѣсивши носъ ходятъ, и въ то-же время всѣ исполнены надеждой, и чуть что такъ на стѣну и лѣзутъ. Вотъ хотя-бы славянофилы, къ которымъ господинъ Губаревъ себя причисляетъ: прекраснѣйшіе люди, а та-же смѣсь отчаянія и задора, тоже живутъ буквой «буки». Все, молъ, будетъ—будетъ. Въ наличности ничего нѣтъ, и Русь въ цѣлые десять вѣковъ ничего своего не выработала, ни въ управленіи, ни въ судѣ, ни въ наукѣ, ни въ искусствѣ, ни даже въ ремеслѣ... Но постойте, потерпите: все будетъ. А почему будетъ, позвольте полюбопытствовать? А потому, молъ, что мы образованные люди—дрянь; но народъ... о, это великій народъ! Видите этотъ армякъ! вотъ откуда все пойдетъ. Всѣ другіе идолы разрушены; будемъ-же вѣрить въ армякъ!.. Право, если-бы я былъ живописцемъ, вотъ бы я какую картину написалъ: образованный человѣкъ стоитъ передъ мужикомъ и кланяется ему низко: «вылечи, молъ, меня, батюшка-мужичокъ, я пропадаю отъ болѣсти»; а мужикъ въ свою очередь низко кланяется образованному человѣку: «научи, молъ, меня, батюшка-баринъ, я пропадаю отъ темноты». Ну, и разумѣется оба ни съ мѣста»... Что-же дѣлать? Для Тургенева только одинъ отвѣтъ: «дѣйствительно смириться—не на однихъ словахъ—да попризанять у старшихъ братьевъ, что они придумали лучше насъ и прежде насъ». Старшіе же братья, разумѣется,—европейцы.

Не мало времени тратилъ Тургеневъ и на свои литературныя воспоминанія. Онъ ихъ началъ почти въ тотъ день, когда ему исполнилось 50 лѣтъ (1868 г.), и закончилъ довольно быстро. Онъ какъ бы хотѣлъ подвести итогъ своей литературной дѣятельности, такъ какъ не разсчитывалъ уже создать что нибудь крупное.

«Я очень хорошо понимаю,—писалъ онъ Полонскому, — что мое постоянное пребываніе за-границей вредитъ моей литературной дѣятельности, да такъ вредитъ, что, пожалуй, и совсѣмъ ее уничтожитъ: *но этого измѣнить нельзя*. Такъ какъ я втеченіи моей сочинительской карьеры никогда не отправлялся отъ *идей*, а всегда отъ *образовъ* (даже Потугинъ—«Дымъ»—имѣетъ

въ основаніи извѣстный образъ),—то, при болѣе и болѣе оказывающемся недостаткѣ *образовъ*, музѣ моей не съ чего будетъ писать свои картины. Тогда я—кисть подъ замокъ, и буду смотрѣть, какъ другіе подвизаются».

Все время франко-прусской кампаніи Віардо и Тургеневъ провели въ Лондонѣ, а затѣмъ, послѣ коммуны, вернулись въ Парижъ и окончательно поселились въ немъ. Тургеневъ жилъ въ домѣ Віардо на улицѣ Дуэ, занимая весь второй этажъ. Нѣсколько лѣтъ спустя Тургеневъ и Віардо купили прелестный паркъ съ виллой «Les frênes», который тянется отъ края шоссе черезъ склонъ высотъ Марли до края лѣса, гдѣ онъ незамѣтно поднимается въ гору. Тамъ, въ недалекомъ разстояніи отъ жилища семьи Віардо, Тургеневъ построилъ себѣ дачу вродѣ коттеджа. Въ этомъ удобномъ помѣщеніи, убранномъ при всей его простотѣ съ большимъ вкусомъ, онъ проводилъ лѣтніе мѣсяцы послѣднихъ лѣтъ жизни, здѣсь же онъ захворалъ разрушительной болѣзнью—ракомъ спинного мозга.

Среди парижскихъ литераторовъ Тургеневъ былъ своимъ человѣкомъ. Особенно близко сошелся съ Просперомъ Меримэ, а послѣ его смерти—съ Густавомъ Флоберомъ, знаменитымъ авторомъ «M-me Бовари», «Саламбо», «Сантиментальнаго воспитанія» и т. д. Въ знакъ своей дружбы Тургеневъ перевелъ на русскій языкъ два небольшихъ произведенія Флобера, «Иродіаду» и «Искушеніе Св. Антонія».

Въ воспоминаніяхъ Додэ находимъ любопытную картину времяпрепровожденія того кружка, къ которому принадлежалъ Тургеневъ:

«Это было лѣтъ десять, двѣнадцать тому назадъ, у Густава Флобера, въ улицѣ Мурильо, въ небольшой уютной квартирѣ, убранной въ алжирскомъ вкусѣ и выходившей прямо въ паркъ Монсо,—убѣжище довольства и хорошаго тона; густыя массы зелени заслоняли окна, словно зеленыя шторы.

Мы имѣли обыкновеніе встрѣчаться тамъ каждое воскресенье, неизмѣнно все одни и тѣ-же. Въ нашей интимности была нѣкоторая изысканность, двери были закрыты для постороннихъ, докучливыхъ посѣтителей.

Въ одно изъ воскресеній, когда я, по обыкновенію, зашелъ къ старому учителю, Флоберъ остановилъ меня на порогѣ.

— Вы не знаете Тургенева? И, не дожидаясь отвѣта, онъ впихнулъ меня въ маленькую гостиную.

Тамъ на диванѣ лежала, растянувшись, высокая, статная фигура вянскаго типа съ бѣлой бородой; увидѣвъ меня, она поднялась во ростъ и вскинула на меня пару огромныхъ, удивленныхъ глазъ.

Мы, французы, живемъ въ странномъ невѣдѣніи по части всего, касающагося иностранной литературы. У насъ національный умъ также склоненъ сидѣть дома, какъ и наше тѣло; мы питаемъ отвращеніе къ путешествіямъ и мало читаемъ чужеземныхъ произведеній.

Но тутъ случилось, что я зналъ и хорошо зналъ Тургенева. Я съ глубокимъ восхищеніемъ прочелъ «Записки Охотника», и эта книга великаго романиста, на которую я напалъ случайно, привела меня къ близкому знакомству съ другими его сочиненіями. Прежде чѣмъ встрѣтиться, мы уже были соединены нашей общей любовью къ природѣ въ ея великихъ проявленіяхъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что мы оба ощущали ее одинаковымъ образомъ.

Я весело разсказалъ ему все это и выразилъ ему мое восхищеніе съ свойственною моей южной натурѣ пылкостью; я сказалъ ему, что читалъ его тамъ, въ моихъ лѣсахъ, и впечатлѣнія отъ ландшафта и отъ чтенія до того перемѣшались, что одинъ маленькій разсказъ его такъ и остался въ моей памяти неразлучно съ небольшой полянкой розоватаго вереска, слегка поблекшаго подъ вѣяніемъ осени.

Тургеневъ не могъ придти въ себя отъ удивленія.

— Правда, вы читали меня?

И онъ сообщилъ мнѣ разныя подробности о слабомъ сбытѣ его книгъ въ Парижѣ, о неизвѣстности его имени во Франціи. Издатель Гетцель издавалъ его просто изъ милости. Его популярность не перешла за предѣлы его отечества. Ему больно, что онъ остается неизвѣстнымъ въ странѣ, столь дорогой его сердцу. Онъ признавался въ своихъ разочарованіяхъ съ грустью, но безъ раздраженія; напротивъ, наши бѣдствія въ 1870 г. еще сильнѣе привязали его къ Франціи. На будущее время онъ не намѣренъ покидать ея.»

Послѣ этой встрѣчи Додэ видѣлся съ Тургеневымъ каждое воскресенье на дружескихъ литературныхъ обѣдахъ.

«Нельзя себѣ представить,—продолжаетъ Додэ,—ничего очаровательнѣе этихъ дружескихъ пирушекъ, когда разговоръ льется непринужденно, духовныя силы всѣ возбуждены, сами собесѣдники не знаютъ никакихъ стѣсненій. Какъ люди опытные, всѣ мы были просвѣщенные ѣдоки. Разумѣется, сколько темпераментовъ, столько различныхъ вкусовъ, сколько провинцій, столько и разныхъ блюдъ. Флоберъ заказывалъ себѣ нормандскія сдобныя лепешки, раунскія утки à l'éstouffade. Гонкуръ доводилъ утонченность и привередничество до того, что требовалъ инбирнаго варенья! Я набрасывался на свою bouillabaisse и на ракушки, а Тургеневъ угощался икрой.

Мы садились за обѣдъ въ семь часовъ вечера, а въ два ночи еще не вставали съ мѣстъ. Флоберъ и Зола обѣдали безъ сюртуковъ; Тургеневъ разваливался на диванѣ; мы удаляли лакеевъ—напрасная предосторожность, такъ какъ могучій голосъ Флобера раздавался по всему дому, — и начинали говорить о литературѣ. У кого нибудь изъ насъ всегда была только что вышедшая книга, то «Искушеніе Св. Антонія» и «Три сказки» Флобера, «Fille Elisa» Гонкура, «Аббатъ Мурэ» и «Assomoir» Зола. Тургеневъ принесъ

«Живыя мощи» и «Новь», я—«Фромона». «Джэка», «Набаба». Мы толковали другъ съ другомъ по душѣ, открыто, безъ лести, безъ взаимныхъ восхищеній.

Покончивъ съ книгими и новостями дня, наша бесѣда переходила на болѣе обширное поле; мы возвращались къ тѣмъ темамъ, къ тѣмъ идеямъ, которыя всегда неразлучны съ нами; говорили о любви, о смерти, въ особенности о смерти.

Каждый вставлялъ свое слово. Одинъ лишь русскій на диванѣ молчалъ.

— А вы что же, Тургеневъ?

— А я! Я не думаю о смерти. У насъ въ Россіи никто не задумывается надъ призракомъ смерти; она остается далекой, исчезаетъ... въ славянскомъ туманѣ.»

Кромѣ парижскаго литературнаго міра, у Тургенева были близкія связи и съ лондонскими писателями. Англичане высоко цѣнили его талантъ. Я уже упоминалъ какъ-то, что Карлейль называлъ «Муму» лучшимъ изъ когда-либо прочитанныхъ имъ разсказовъ. Критикъ Рольстонъ и поэтъ Томссонъ были личными друзьями Тургенева.

«Въ послѣдній разъ,—разсказываетъ первый,—когда Тургеневъ былъ въ Англіи, предполагалось устроить въ честь его банкетъ и соединить на немъ всѣхъ многочисленныхъ англійскихъ почитателей его. Всѣ, кому ни говорили объ этомъ, поэты, романисты, художники или музыканты, всѣ съ радостью привѣтствовали эту мысль. Но этому воспротивился самъ Тургеневъ, написавъ изъ Парижа: «Нѣтъ, дорогой другъ, нѣтъ никакихъ основаній, почему англичане должны были бы оказать мнѣ такую великую честь. Я недостоинъ ея, и мои враги скажутъ, что я интриговалъ для какой нибудь цѣли». Я цитирую его слова по памяти, но гаратирую, что смыслъ ихъ былъ именно таковъ. Однако хотя большой банкетъ не состоялся, небольшое собраніе въ честь его все-таки произошло въ Лондонѣ, въ октябрѣ 1881 года.»

Въ знакъ особеннаго уваженія англичане преподнесли Тургеневу дипломъ на званіе доктора Оксфордскаго университета.

Изрѣдка Тургеневъ наѣзжалъ въ Россію, между прочимъ и въ Спасское. Изъ этихъ поѣздокъ онъ не выносилъ уже ничего обиднаго, непріятнаго. Онъ постоянно убѣждался, что публика не только примирилась съ нимъ, но и цѣнитъ его не меньше, чѣмъ въ 50-е годы. При его болѣзненной мнительности и неувѣренности въ себѣ онъ нуждался въ оваціяхъ и проявленіяхъ восторга. Всѣмъ этимъ онъ могъ насладиться вдосталь. Въ Москвѣ, при одномъ появленіи его въ залѣ въ засѣданіи Общества любителей русской словесности, поднялся буквально громъ рукоплесканій, не умолкавшихъ нѣсколько минутъ; такъ-же восторженно принимали о и въ Петербургѣ. При открытіи памятника Пушкину онъ ъ избранъ почетнымъ членомъ Московскаго университета; по-

всюду ходили за нимъ толпы восторженныхъ почитателей, и однажды дѣло дошло до того, что студенты выпрягли лошадей изъ его экипажа и повезли на себѣ. Всѣ эти дипломы, оваціи, восторги доказываютъ, что слава Тургенева была всемірной. И это какъ нельзя болѣе справедливо. Надо посмотрѣть на безчисленныя изданія «Зап. Охотника», вышедшія хотя-бы только въ Америкѣ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Американцы зачитывались Тургеневымъ и его корреспонденты въ «Новомъ Свѣтѣ» были безчисленны...

Самый торжественный пріѣздъ Тургенева въ Россію совпадаетъ съ историческимъ днемъ для русской литературы—открытіемъ памятника Пушкину (іюнь 1880). На празднество собрались всѣ видные представители литературы и журналистики, но общее вниманіе сосредоточивалось на двухъ герояхъ художественнаго творчества—Тургеневѣ и Достоевскомъ. Оба они произнесли свои знаменитыя рѣчи.

«Въ поэзіи—сказалъ въ заключеніи Тургеневъ — освободительная, ибо возвышающая и нравственная сила. Будемъ также надѣяться, что въ недальнемъ времени даже сыновьямъ нашего простого народа, который теперь не читаетъ нашего поэта, станетъ понятно, что̀ значитъ это имя—Пушкинъ»...

Эти слова и эти пожеланія какъ нельзя лучше могутъ быть отнесены и къ самому Тургеневу.

Литературная дѣятельность Тургенева за этотъ послѣдній періодъ его жизни была плодотворна. Въ 1874 году появился романъ «Новь», въ 1877—1880 нѣсколько разсказовъ, въ 1881г.—«Пѣснь Торжествующей любви» и «Отчаянный», въ 1882 году «Стихотворенія въ проѣз и «Клара» Миличъ», въ 1883 г. наканунѣ смерти Тургеневъ продиктовалъ «Пожаръ па морѣ».

Многое изъ перечисленнаго здѣсь заслуживаетъ серьезнаго вниманія и не дождалось еще настоящей оцѣнки, какъ напр.: «Пѣснь», «Отчаянный», «Стихотворенія въ прозѣ». Нельзя сказать того-же самаго о романѣ «Нови», который не удался Тургеневу. По письмамъ его видно, что главной центральной фигурой долженъ былъ выйти Соломинъ, а между тѣмъ на первомъ планѣ оказался Неждановъ, этотъ Рудинъ, поэтъ и мечтатель, неизвѣстно для чего отправившійся въ народъ... Совсѣмъ другіе люди ходили въ народъ въ 70-хъ годахъ, и романъ Тургенева исторически несправедливъ. Неждановъ могъ-бы подойти къ обстановкѣ современной интеллигентной колоніи, но тогда этихъ колоній еще не было. Тургеневъ остался вѣренъ себѣ: центральная мужская фигура его произведенія страдаетъ безволіемъ и меланхоличностью... Отодви-

нутая на второй планъ личность Соломина гораздо интереснѣе, но изображеніе дѣятелей было не въ талантѣ Тургенева: прямолинейная психологія претила ему.

На многихъ страницахъ романа замѣтно старческое утомленіе. Да, старость надвигалась и давала себя чувствовать. Тургеневъ видѣлъ это и старался отшучиваться. «Послѣ сорока лѣтъ— пишетъ онъ напр. Суворину—жить на свѣтѣ точно не совсѣмъ весело, особенно втеченіи первыхъ десяти лѣтъ... Ну, а потомъ подъ вліяніемъ холодка, вѣющаго отъ могилы, человѣкъ успокаивается. Мнѣ одна даже петербургская нѣмка-старуха бывало говаривала: «подъ старость жисть подобна есть мухъ: пренепріятный насѣкомъ... Надо терпѣйть!».. Именно, «надо терпѣйть»...

Но минуты унынія, страха передъ могилой находили все чаще.

«Полночь—писалъ онъ напр. въ своемъ дневникѣ—сижу я опять за своимъ столомъ... а у меня на душѣ темнѣе темной ночи... Могила словно торопится проглотить меня: какъ мигъ какой пролетаетъ день пустой, безцѣльный, безцвѣтный. Смотришь: опять вались въ постель... Ни права жить, ни охоты нѣтъ; дѣлать больше нечего, нечего... ожидать, нечего даже желать»... Напомню также прелестное стихотвореніе въ прозѣ «Старикъ».

«Настали—пишетъ Тургеневъ—темные, тяжелые дни, холодъ и мракъ старости. Все, что ты любилъ, чему отдавался безвозвратно гибнетъ и разрушается. Подъ гору пошла дорога. Что же дѣлать? Скорбѣть, горевать? Ни тебѣ, ни другимъ ты этимъ не поможешь... На засыхающемъ, покоробленномъ деревѣ листъ мельче и рѣже, но зелень его та-же. Сожмись и ты, уйди въ себя, въ свои воспоминанія и тамъ, глубоко-глубоко, на самомъ днѣ сосредоточенной души твоя прежняя, тебѣ одному доступная жизнь блеснетъ передъ тобою своей пахучей, все еще свѣжей зеленью и лаской, и силой весны... Но будь остороженъ... Не гляди впередъ, бѣдный старикъ!»

Но—странно—послѣ появленія «Нови» талантъ Тургенева въ «Пѣсни торжествующей любви», «Отчаянномъ» и «Стихотвореніяхъ въ прозѣ» опять расправилъ свои могучія крылья и въ послѣдній уже разъ. Этюдъ «Отчаянный» былъ оцѣненъ по достоинству лишь Тэномъ, знаменитымъ историкомъ, котораго онъ поразилъ «удивительнымъ изображеніемъ русскаго этнографическаго типа». Сколько отчаянныхъ знаетъ хотя-бы только исторія нашей литературы: Полежаевъ, Левитовъ, Рѣшетниковъ, Помяловскій, Н. Успенскій—всѣ эти таланты рано погибли отъ водки, къ которой ихъ привела «тоска какая-то», какая-то страсть самоистребленія—развѣ не сродни они тургеневскому «Отчаянному»...

*Въ «Стихотв*твореніяхъ въ прозѣ» полностью выразилась *натура Тургенева,* склонная къ меланхоліи, и здѣсь-же онъ вер-

нулся къ тѣмъ чувствамъ, которыя вдохновляли его при созданіи «Записокъ Охотника». Я приведу нѣсколько отрывковъ, не нуждающихся въ комментаріяхъ.

«Вершина Альпъ. Цѣпь крутыхъ уступовъ. Самая сердцевина горъ. Надъ горами блѣднозеленое, свѣтлое, нѣмое небо. Сильный, жестокій морозъ; твердый искристый снѣгъ; изъ подъ снѣгу торчатъ стужовыя глыбы обледѣнѣлыхъ, обвѣтренныхъ скалъ. Двѣ громады, два великана вздымаются по обѣимъ сторонамъ небосклона: Юнгфрау и Финстерааргорнъ. И говоритъ Юнгфрау сосѣду: — «Что скажешь новаго? Тебѣ виднѣй. — Что тамъ внизу?» Проходитъ нѣсколько тысячъ лѣтъ—одна минута. И грохочетъ въ отвѣтъ Финстерааргорнъ: «Сплошныя облака застилаютъ землю... Погоди!» Проходятъ еще тысячелѣтія—одна минута.—«Ну, а теперь?»—спрашиваетъ Юнгфрау.—«Теперь вижу; тамъ внизу все то-же, пестро, мелко. Воды синѣютъ; чернѣютъ лѣса; сѣрѣютъ груды скученныхъ камней... Около нихъ все еще копошатся козявки, знаешь,—тѣ двуножки, что еще ни разу не могли осквернить ни тебя, ни меня».—Люди?»—«Да, люди». Проходятъ тысяча лѣтъ—одна минута.—«Ну, а теперь?» спрашиваетъ Юнгфрау... «Около насъ вблизи словно прочистилось»,—отвѣчаетъ Финстерааргорнъ;—ну, а тамъ вдали есть еще пятна и шевелится что-то.»—«А теперь?»—спрашиваетъ Юнгфрау спустя другія тысячу лѣтъ—одну минуту.—«Теперь хорошо, отвѣчаетъ Финстерааргорнъ,—опрятно стало вездѣ, бѣло совсѣмъ, куда ни глянь... Вездѣ нашъ снѣгъ, ровный снѣгъ и ледъ... застыло все. Хорошо теперь, спокойно».—«Хорошо, промолвила Юнгфрау.—Однако довольно мы поболтали съ тобою, старикъ. Пора вздремнуть». —Пора. Спятъ громадныя горы; спитъ зеленое, свѣтлое небо надъ навсегда замолкшей землей»...

Присуща была Тургеневу эта глубокая меланхолія, это сознаніе тлѣнности и суеты всего... Но вотъ и свѣтлая, яркая точка въ «Стихотвореніяхъ»:

«Когда при мнѣ превозносятъ богача Ротшильда, который изъ громадныхъ своихъ доходовъ удѣляетъ цѣлыя тысячи на воспитаніе дѣтей, на леченіе больныхъ, на призрѣніе старыхъ—я хвалю и умиляюсь. Но и хваля, и умиляясь, не могу я не вспомнить объ одномъ убогомъ крестьянскомъ семействѣ, принявшемъ сироту-племянницу въ свой разоренный домишко.—«Возьмемъ мы Катьку,—говорила баба,—послѣдніе наши гроши на нее пойдутъ,—не на что будетъ соли купить, похлебку посолить.—А мы ее... и несоленую»—отвѣтилъ мужикъ, ея мужъ. Далеко Ротшильду до этого мужика»...

Лѣто 1881 года Тургеневъ провелъ у себя въ Спасскомъ, гдѣ гостило семейство Я. П. Полонскаго и артистка М. Г. Савина. Здѣсь онъ отдохнулъ и поправился. Ему жилось легко и привольно среди друзей, любившихъ и почитавшихъ его,—ему пріятно было видѣть себя окруженнымъ дѣтьми, хотя-бы и чужими. Болѣзнь угомонилась, заботъ особенныхъ не было. Онъ много гулялъ, охотно разговаривалъ. Уѣхалъ-же онъ осенью за-границу,

чтобы больше не возвращаться оттуда, хотя и мечталось ему еще разъ повидать свою бѣдную, но дорогую родину.

Онъ умеръ 23-го августа 1883 года въ Буживалѣ, измученный болѣзнью, послѣ тяжкой и мучительной агоніи, въ два часа дня, умеръ сравнительно рано, всего 65-ти лѣтъ отъ роду. Почти до послѣдней минуты не забывалъ онъ интересовъ излюбленной литературы. Дрожащими руками написалъ онъ свое предсмертное письмо къ Л. Толстому *) и исправлялъ свои сочиненія, подготовляя новое изданіе. Его послѣднія слова были обращены къ окружавшему его семейству Віардо: «Ближе, ближе ко мнѣ, и пусть я всѣхъ васъ чувствую около себя... Настала минута прощаться... Простите!...»

Вѣсть о кончинѣ Тургенева съ быстротой молніи разнеслась повсюду. Русскія газеты вышли въ траурныхъ рамкахъ, всѣ лучшіе органы иностранной печати помѣстили некрологи великаго писателя. А Россія въ то-же время готовила своему излюбленному поэту неслыханныя похороны... 27-го сентября 1883 года гробъ съ прахомъ Тургенева прибылъ изъ Парижа на варшавскій вокзалъ и былъ встрѣченъ массой народа. Болѣе 180-ти депутацій принимали участіе въ печальной похоронной процессіи, надъ могилой произнесены были безчисленныя рѣчи... Видя такую помпу, простой народъ думалъ, что хоронили большого генерала, и на самомъ дѣлѣ на траурной колесницѣ лежало тѣло большого генерала русской литературы. Странныя, но отрадныя мысли должны были придти въ голову историка, наблюдавшаго торжественное зрѣлище. Онъ могъ вспомнить при этомъ, какъ тѣло Пушкина, меньше чѣмъ за пятьдесятъ лѣтъ до того, въ темную осеннюю ночь, въ простомъ гробу, прикрытомъ войлокомъ, съ жандармомъ на облучкѣ было тайно вывезено изъ Петербурга— чтобы публика не проявила своей симпатіи умершему поэту; могъ

*) Вотъ это письмо: «Милый и дорогой Левъ Николаевичъ, долго я вамъ не писалъ, ибо былъ и есмь, говорю прямо, на смертномъ одрѣ. Выздоровѣть я не могу и думать объ этомъ нечего. Пишу же я вамъ собственно, чтобы сказать вамъ, какъ я былъ радъ быть вашимъ современникомъ и чтобы выразить вамъ мою послѣднюю искреннюю просьбу. Другъ мой, вернитесь къ литературной дѣятельности! Вѣдь этотъ даръ вашъ оттуда, откуда все другое. Ахъ, какъ я былъ бы счастливъ, еслибы могъ подумать, что моя просьба такъ на васъ подѣйствуетъ Я-же человѣкъ конченный, доктора даже не знаютъ, какъ назвать мой недугъ: «nevralgie stomachale goutteuse». Ни ходить, ни ѣсть, ни спать... да что! Скучно даже повторять все это. Другъ мой, великій писатель земли русской,—внемлите моей просьбѣ... Дайте мнѣ *знать, если вы* получите эту бумажку, и позвольте еще разъ крѣпко-крѣпко *обнять васъ, вашу жену*, всѣхъ вашихъ. Не могу больше. Усталъ!!!.»

припомнить, какъ на похоронахъ Гоголя въ Москвѣ было запрещено присутствовать оффиціальнымъ лицамъ и съ какимъ негодованіемъ была отброшена мысль о какихъ-то тамъ депутаціяхъ. Русское общество молчало, когда умерли Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь... На простыхъ дрогахъ, чуть не тайкомъ, хоронили Бѣлинскаго, и нѣсколько человѣкъ, сопровождавшіе его до Волкова кладбища, робко оглядывались по сторонамъ и начинали торопливо шагать на перекресткахъ... «Не увлекаться литераторами и литературой»—гласило одно изъ неписанныхъ правилъ суроваго Николаевскаго режима. Чиновникъ министерства народнаго просвѣщенія, Краевскій, тиснувшій въ своемъ журналѣ по поводу смерти Пушкина, что солнце русской земли закатилось, получилъ строгое внушеніе отъ начальства; о гибели Лермонтова газеты и журналы высказались иносказательно; за восторженный некрологъ о Гоголѣ Тургеневъ перенесъ высылку. Но Тургенева провожали всѣ — молодежь, литераторы, чиновники. Было неловко, имѣя возможность не присутствовать на его похоронахъ.

«Хоронили—говоритъ Н. Михайловскій—Тургенева. Это имя знали всѣ и всѣ любили его. Тяжело и мрачно было на русской землѣ въ ту пору, когда великій писатель начиналъ свою литературную дѣятельность. Это были незабвенные сороковые годы... Какъ иногда вся жизнь умирающаго сосредоточивается въ его глазахъ, такъ все, что только заслуживаетъ названія человѣческой жизни, сосредоточивалось тогда въ количественно ничтожной горсти людей мысли. И въ числѣ ихъ былъ Тургеневъ. Въ разныя стороны разбрелась потомъ эта горсточка, и нѣкоторые изъ ея представителей, доживъ до того времени, когда опять стало тяжело на русской землѣ, играли и играютъ далеко не ту уже роль, какая выпала той горсточкѣ. Кто усталъ, кто озлобился и даже разсвирепѣлъ, кто ударился въ мистицизмъ. Но Тургеневъ никогда не былъ Савломъ. Его никогда не было въ рядахъ разношерстной литературной когорты гонителей истины и гасителей свѣта,—этой когорты шутовъ, позванивающихъ бубенчиками дурацкаго колпака... Онъ всегда оставался вѣренъ нѣсколько неопредѣленнымъ, но свѣтлымъ идеаламъ свободы и просвѣщенія, съ которыми выступилъ на литературное поприще... Онъ умеръ слишкомъ рано: когда въ жизни есть такіе люди, какъ Тургеневъ, совѣстно и неловко слишкомъ увлекаться мракобѣсіемъ и юродствомъ.

«Не принимая активнаго участія въ борьбѣ съ свинцовымъ мракомъ, стремящимся облечь нашу родину, не занимая опредѣленнаго мѣста въ литературѣ въ этомъ отношеніи, Тургеневъ

служилъ идеаломъ свободы и просвѣщенія самымъ, такъ сказать, фактомъ своего существованія, наличностью своего первостепеннаго таланта и своей не русской только, а европейской славы. Ни для кого не было тайной, куда направлены симпатіи этой красы и гордости русской литературы и изъ змѣиныхъ и жабьихъ норъ не разъ раздавалось за это зловѣщеее шипѣнье по его адресу. Ни для кого также не было тайной, что Тургеневъ былъ западникъ (онъ самъ себя такъ называлъ), но это не мѣшало ему быть гордостью русской литературы. И вотъ почему Тургеневъ былъ дорогъ, хотя-бы даже ничего болѣе не писалъ. Вотъ почему нужно было желать ему еще долго, долго жить. А вмѣсто того онъ, по странному русскому выраженію, самъ приказалъ намъ долго жить».

VI.

Тургеневъ—какъ человѣкъ и художникъ.

Я уже не разъ говорилъ, что корни тургеневскаго вдохновенія находятся тамъ — въ эпохѣ крѣпостныхъ отношеній. Изъ нея, изъ этой обстановки извлекъ онъ свои мастерскіе художественные образы и руководящія чувства своей жизни. Онъ сталъ западникомъ прежде всего изъ отрицанія крѣпостничества, изъ ненависти къ родному лицемѣрному рабству, а когда онъ творилъ, до-реформенная Россія наполняла его воспоминанія, возбуждая то ненависть, то поэтическую созерцательную меланхолію, которую мы всѣ испытываемъ на кладбищѣ или при видѣ покойника. На самомъ дѣлѣ что-то грустное проникаетъ всѣ произведенія Тургенева, какая то темная тѣнь легла на все, что̀ вышло изъ подъ его пера. «Дворянское Гнѣздо»—вѣроятно самая грустная повѣсть новѣйшей русской литературы. Но неужели эта грусть, тоска и меланхолія—результатъ сожалѣнія о томъ, что̀ прошло и прошло невозвратно? Послѣ фактовъ, представленныхъ въ біографіи, на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ, безусловно отрицательный отвѣтъ. Тургеневъ грустить не какъ гражданинъ, а какъ художникъ: вѣдь въ той обстановкѣ, какова-бы она ни была, прошли его дѣтство и юность, вѣдь тамъ остались много хорошихъ воспоминаній сердца, вѣдь тамъ онъ нашелъ матеріалъ для своихъ чудныхъ женскихъ образовъ—Вѣры («Фаустъ»), Лизы («Дворянское Гнѣздо»), Наташи («Рудинъ»), идеалиста Пу-

нина, честнаго и добраго Николая Петровича Кирсанова, родителей Базарова, Ѳомушки и Ѳимушки, и многихъ другихъ имъ подобныхъ, къ которымъ и мы не можемъ не отнестись иначе, какъ съ глубокимъ уваженіемъ и даже любовью... Безобразны были крѣпостныя отношенія, эти писанныя и неписанныя статьи, отдававшія человѣка въ безусловную власть ему подобнаго,—но не люди, такіе-же, какъ и мы, иногда лучшіе, чѣмъ мы. Припомните Пушкинскую няню Арину, дворового изъ Спасскаго, восторгавшагося Херрасковымъ, основательнаго, умнаго Хоря, поэта Калиныча, долговязую фигуру суроваго охотника Ермолая, съ его дѣтски-чистымъ чуткимъ сердцемъ, а главное припомните тургеневскихъ женщинъ и дѣвушекъ, особенно дѣвушекъ, и поэтическая эмоція коснется и васъ. Вы не дадите ей всецѣло овладѣть вами, не станете восторгаться вѣрными холопами и вѣрными рабами,—мрачный образъ Салтычихи или Варвары Петровны Тургеневой немедленно-же возстанетъ передъ вами и отравитъ ваше сердце,—вы поймете, что, какъ ни хороши тѣ исчезнувшіе люди, на каждомъ изъ нихъ крѣпостныя отношенія наложили свою печать, неистребимую и съ нашей точки позорную. Вѣрнымъ холопамъ и рабамъ вы пожелаете больше чувства собственнаго достоинства; другимъ, какъ Лизѣ,—бо́льшаго простора для мысли, для правъ своей личности—и все-же сердце ваше будетъ задѣто. Тѣмъ сильнѣе такіе типы должны были задѣвать сердце художника. Вызывая ихъ, онъ стоялъ какъ бы на кладбищѣ, подъ холодными плитами котораго похоронено столько жестокаго, безобразнаго, столько добраго, честнаго, высокаго, а вмѣстѣ съ ними—его собственное дѣтство, его собственная юность и ея золотыя мечты.

Къ новой, начавшейся послѣ 61-го года, жизни Тургеневъ могъ относиться съ симпатіей, интересомъ, но она уже не захватывала такъ всецѣло его сердца, какъ до-реформенная Русь. Онъ не понималъ многаго и не могъ понять многаго. Его художественное творчество постоянно обращалось туда, къ старымъ дворянскимъ гнѣздамъ, къ аллеямъ густолиственныхъ кленовъ, гдѣ полная красоты и печали стояла «она», вся сотканная изъ лунныхъ лучей, изъ чистыхъ влеченій дѣтскаго, искренняго сердца... Лиза или Вѣра. Дѣйствіе всѣхъ его романовъ, за исключеніемъ «Дыма» и «Нови», происходитъ въ эпоху крѣпостного права, къ ней же относятся, почти безъ исключенія, всѣ его разсказы. Вѣрный преданіямъ юности, онъ любитъ прежде всего идеалистовъ сороковыхъ годовъ съ ихъ благородными порывами, ихъ надломленной волей. Только ихъ, въ сущности, онъ и изобр

жаетъ. Онъ придалъ Базарову рудинскія черты, онъ сдѣлалъ изъ Нежданаго лишняго, хотя и благороднаго человѣка.

«Я творю, когда гуляю по кладбищу своего сердца» — сказалъ Гейне, и эту фразу Тургеневъ съ полнымъ правомъ могъ примѣнить къ самому себѣ. Мы знаемъ, какія могилы были на кладбищѣ его сердца: тамъ покоились Станкевичъ и Бѣлинскій, покоились старыя дворянскія гнѣзда. Тургеневъ видѣлъ исчезновеніе этихъ гнѣздъ, видѣлъ, какъ вѣковые дубы срубались на дрова, какъ заростали сады и парки всякими плевелами, какъ покрывались плесенью стѣны старыхъ домовъ, изъ оконъ которыхъ выглядывало когда-то грустное личико Лизы. Онъ могъ радоваться, видя, какъ падаютъ и разрушаются стѣны тюрьмъ, но какая же радость можетъ быть на могилѣ своего честнаго товарища по заключенію... Онъ творилъ, когда гулялъ по кладбищу своего сердца. Что̀ могла сказать ему новая, начавшаяся при немъ жизнь? Онъ былъ связанъ съ нею головой, но не сердцемъ, онъ признавалъ, что она полезна, нужна, хороша — онъ этимъ исполнилъ долгъ гражданина, но герои «Что дѣлать?» — не его герои. Онъ несомнѣнно имѣлъ въ виду идеалистовъ сороковыхъ годовъ, когда пытался создать своего Нежданова или писалъ слѣдующія строки въ одномъ изъ писемъ:

«Теперь—говоритъ онъ—не нужно ни особенныхъ талантовъ, ни даже особеннаго ума—ничего крупнаго, выдающагося, слишкомъ индивидуальнаго,—нужно трудолюбіе, терпѣніе; нужно умѣть жертвовать собою безъ всякаго блеску и треску — нужно умѣть смириться и не гнушаться мелкой и темной и даже жизненной работы — я беру слово «жизненный» — въ смыслѣ простоты, безпристрастности... Чувство долга, славное чувство патріотизма въ истинномъ смыслѣ этого слова—вотъ все, что̀ нужно... Мы вступаемъ въ эпоху *только полезныхъ* людей... и это будутъ лучшіе люди. Ихъ вѣроятно будетъ много; красивыхъ, плѣнительныхъ—очень мало.»

А ему нужны были красивые и плѣнительные Рудины, Шубины, Станкевичи, понимавшіе красоту, преклонявшіеся передъ искусствомъ. Въ средѣ «только полезныхъ людей» Тургеневъ чувствовалъ себя не дома.

Это одинъ изъ источниковъ его меланхоліи; другой—наслѣдственность. Онъ былъ баричемъ съ головы до ногъ, баричемъ стараго времени, съ привычками широкой жизни, добродушный, недѣятельный... «У Ивана Сергѣевича,—вспоминаетъ Вогюэ—рука была щедрая и открытая, какъ и сердце его. Онъ безъ разбора жертвовалъ всѣмъ неимущимъ: достаточно было носить *имя русскаго*, чтобы быть принятымъ въ его домѣ, чтобы найти *его кошелекъ открытымъ* и слышать изъ его устъ ласковое слово».

Въ немъ не было ни мелочной разсчетливости, ни мелочной зависти, созданныхъ конкуренціей и слишкомъ обострившимися отношеніями нашихъ дней. Свободно уступалъ онъ первое мѣсто Толстому, свободно признавалъ онъ юные таланты, напр. Гаршина.

«Никто не былъ способенъ съ такой готовностью, какъ онъ,— вспоминаетъ Рольстонъ,—признать и поощрить нарождающійся талантъ, оцѣнить достоинства своихъ соперниковъ, какъ живыхъ, такъ и умершихъ. Его кротость по отношенію къ тѣмъ, кто иногда осмѣливался порицать его, была поистинѣ удивительна, и малѣйшій знакъ восхищенія всегда былъ для него неожиданностью. Какъ и покойный Дарвинъ, онъ постоянно бывалъ слегка удивленъ всякимъ доказательствомъ уваженія къ нему. Приведу для примѣра слѣдующій фактъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Генри Гольтъ изъ Нью-Іорка прислалъ ему чекъ, прося принять это, какъ слабый знакъ признательности, и прибавляя, что никогда ни одно изъ издаваемыхъ имъ сочиненій не доставляло ему такого наслажденія, какъ переводы романовъ Тургенева. Тургеневъ былъ искренно восхищенъ этимъ неожиданнымъ для него признаніемъ его таланта за океаномъ, какъ будто онъ былъ писателемъ сравнительно неизвѣстнымъ, а не романистомъ, сочиненія котораго переведены чуть ли не на всѣ языки Европы.»

Лучшія черты стараго барства несомнѣнно воплотились въ его скромной, представительной, внушавшей невольное уваженіе фигурѣ.

Ригористомъ и доктринеромъ онъ не былъ и не могъ быть по самымъ условіямъ своихъ жизненныхъ впечатлѣній, по устройству своего ума, склоннаго къ скептицизму, по слабости воли наконецъ. Однажды онъ такъ формулировалъ свое міросозерцаніе: «Я преимущественно реалистъ и болѣе всего интересуюсь живою правдою людской физіономіи; ко всему сверхъестественному отношусь ровнодушно, ни въ какіе абсолюты и системы не вѣрю, люблю больше всего свободу и, сколько могу судить, доступенъ поэзіи. Все человѣческое мнѣ дорого, славянофильство мнѣ чуждо, какъ и всякая ортодоксія. Больше ничего не имѣю доложить вамъ о себѣ...»

Онъ былъ мнителенъ и склоненъ къ меланхоліи. Стоитъ припомнить, какъ по-дѣтски боялся онъ холеры и убѣгалъ за тысячи верстъ при первомъ же слухѣ о ея приближеніи. Онъ самъ признался, что мужество—не его добродѣтель. Въ письмахъ своихъ онъ постоянно жалуется на все — на болѣзни, старость, нужду. Его излюбленная фраза: «я—человѣкъ конченный». Онъ любилъ славу, горячо дорожилъ ею, но никогда не могъ повѣрить въ нее вполнѣ. Ему постоянно казалось, что публика его не любитъ, молодежь презираетъ, что его повѣсти и разсказы прова-

ливаются съ трескомъ. Сколько разъ сообщаетъ онъ о своемъ непремѣнномъ желаніи бросить литературу «и уже на всегда», хотя самъ вѣроятно понималъ, что это для него совершенно невозможно, такъ-же органически невозможно, какъ не пить и не ѣсть. Однажды судьба подвергла его жестокому испытанію, и несомнѣнно, что онъ не съумѣлъ перенести его, не съумѣлъ встрѣтиться лицомъ къ лицу съ бурей и непогодой. Это было въ 60-е годы, во время литературной исторіи съ «Отцами и Дѣтьми». Тургеневъ обидѣлся, загрустилъ, не писалъ нѣсколько лѣтъ, жаловался на свою судьбу, поторопился подписать себѣ приговоръ, хотя рѣшительно никакой надобности въ этомъ не чувствовалось. Онъ поступилъ какъ избалованный, капризный ребенокъ,—большой ребенокъ, ребенокъ гигантъ, но все-же ребенокъ. Онъ далъ полный просторъ своей меланхоліи, создалъ свое знаменитое «Довольно!»—эту лучшую по картинности пѣснь нашей славянской тоски, славянскаго пессимизма. А вѣдь недоразумѣніе должно было разсѣяться рано или поздно. И это чувствовалось уже въ самомъ началѣ. Часть молодежи была на сторонѣ Тургенева, Писаревъ прямо провозгласилъ Базарова героемъ. Но, слѣдуя пріему всѣхъ слабыхъ людей, нашъ великій писатель, чтобы найти какое нибудь утѣшеніе, вообразилъ свою неудачу полной и безусловной. Разъ все кончено и жалѣть больше не о чемъ.

Натура созерцательная по преимуществу, Тургеневъ не былъ ни общественнымъ, ни политическимъ дѣятелемъ. Это прежде всего поэтъ, художникъ, мечтатель, котораго неотразимо тянуло къ себѣ творчество. Онъ любилъ писать, любилъ страстно, хотя принимался за работу съ трудомъ и даже отчаяніемъ. Онъ весь вылился въ своемъ языкѣ, своемъ стилѣ, какъ Толстой въ своемъ. Его музыкальныя фразы, граненые періоды, аристократическая сдержанность выраженій, умѣнье вызывать настроеніе (по преимуществу меланхолически) однимъ построеніемъ словъ, ихъ созвучіемъ—все это дѣлало изъ него первокласснаго писателя и въ то-же время позволяетъ намъ заглянуть въ его душу.

Въ другое время и въ другой обстановкѣ онъ непремѣнно увлекся-бы въ сторону меланхоліи, отчаянія, быть можетъ даже мистицизма. Его любимымъ писателемъ былъ Шопенгауэръ, самъ онъ всю жизнь не могъ отдѣлаться отъ тоски и грусти. Любовь, красота, искусство—все, чему онъ служилъ, во имя чего жилъ и работалъ,—все это то и дѣло представлялось ему ненужнымъ, пустымъ, тлѣннымъ. Но онъ крѣпко держалъ себя въ рукахъ, и мы *знаемъ—почему.*

Мнительный и склонный къ меланхоліи по наслѣдству, съ широкими, размашистыми, иногда обломовскими привычками, Тургеневъ однако такъ долго и часто подвергался вліянію европейской дисциплинированной культурной жизни, что выработалъ въ себѣ и стойкость, и вѣротерпимость западнаго образованнаго человѣка. Холопская формула «либо въ зубы, либо ручку пожалуйте», неменѣе холопская привычка падать собственной своей физіономіей въ грязь, для выраженія собственнаго своего восторга—претили ему до тошноты. Чувство собственнаго достоинства и чувство мѣры были для него не пустыми словами и какъ для художника, и какъ для человѣка. Въ роли пророка и Мессіи, такъ привлекавшей Гоголя, Достоевскаго, а теперь привлекающей Толстого, онъ не выступалъ никогда и добродушно подсмѣивался надъ пророками и мессіями. Скептикъ по натурѣ, проникнутый сознаніемъ безконечной сложности человѣческой жизни, онъ не могъ-бы никогда сказать, что «я—истина», а все остальное чепуха. Онъ цѣнилъ въ человѣкѣ прежде всего его свободу, его критическія способности, а не всероссійскую наклонность «идти и бѣжать» куда прикажете—въ исповѣдальню Достоевскаго или въ интеллигентную колонію, или въ нечаевскую пятерку. Всякая ортодоксія была ненавистна ему, и наклонность къ ортодоксіи онъ порицалъ чаще и рѣзче всего—по моему, слишкомъ даже рѣзко. Припомните его рѣзкія выходки противъ «идола» Губарева или секты матреновцевъ, т. е. послѣдователей взбалмошной бабы Матрены Савишны. Справедливо замѣчено, что русскій человѣкъ—сектантъ по преимуществу, что ему необходимо восторгаться или плевать, иначе никакъ невозможно. Противъ этого узкаго сектантскаго духа и направлены всѣ рѣзкія выходки Потугина въ «Дымѣ». «Намъ во всемъ и всюду нуженъ баринъ,—говоритъ Потугинъ,—бариномъ этимъ бываетъ большею частію живой субъектъ, иногда какое нибудь такъ называемое направленіе надъ нами власть возымѣетъ: теперь напр. мы всѣ къ естественнымъ наукамъ въ кабалу записались... Почему, въ силу какихъ резоновъ мы записываемся въ кабалу — это дѣло темное; такая ужъ видно наша натура. Но главное, чтобы у насъ былъ баринъ. Ну, вотъ онъ и есть у насъ; это значитъ нашъ, а на все остальное—наплевать. Чисто холопы! и гордость холопская, и холопское угожденіе... Новый баринъ народился—стараго долой. То былъ Яковъ, а теперь Сидоръ: въ ухо Якову, въ ноги Сидору... Кто палку взялъ, тотъ и капралъ»...

Что въ этихъ словахъ много вѣрнаго, это несом

только не совсѣмъ вѣрно они сказаны. Въ силу какихъ резоновъ записываемся мы въ кабалу—знать можно и натура наша тутъ не причемъ. Все-же это исканіе, это вѣра какая ни на есть и куда она выше пустопорожней погони за лишнимъ рублемъ...

Но это между прочимъ. Европейски дисциплинированной натурѣ Тургенева претило наше холопство, какъ претило и наше самодовольство. Онъ слишкомъ ясно видѣлъ и зналъ превосходство европейской культуры надъ нашей, чтобы колебаться въ выборѣ пути, по которому слѣдуетъ идти. Надо перенимать, но какъ? «Кто-же васъ — спрашиваетъ онъ — заставляетъ перенимать зря? Вѣдь вы чужое берете не потому, что оно чужое, а потому, что оно вамъ пригодно; стало быть вы соображаете, вы выбираете. А что до результатовъ, — такъ вы не извольте безпокоиться: своеобразность въ нихъ будетъ въ силу этихъ мѣстныхъ, климатическихъ и прочихъ условій... Вы только предлагайте пищу добрую, а народный желудокъ переварить ее по своему; и со временемъ, когда организмъ окрѣпнетъ, онъ дастъ свой сокъ... Весь вопросъ въ томъ, крѣпка ли натура? а наша натура—ничего, выдержитъ: не въ такихъ была передѣлкахъ. Бояться за свое здоровье, за свою самостоятельность могутъ одни нервные больные, да слабые народы; точно также какъ восторгаться съ пѣной у рта тому, что мы—русскіе, способны одни вздорные люди.»

Въ этомъ пунктѣ не согласиться съ Тургеневымъ, какъ кажется, совершенно невозможно. Наша культура все болѣе сближается съ западно-европейской, сближается не по днямъ, а по часамъ, съ каждымъ новымъ торговымъ трактатомъ, каждой новой переведенной статьей, каждой построенной фабрикой, каждымъ новорожденнымъ пролетаріемъ. Хотимъ-ли мы этого или не хотимъ —объ этомъ никто не спрашиваетъ насъ, да и никто этимъ не интересуется. Мы такъ далеко зашли по пути европейскаго просвѣщенія и европейскихъ экономическихъ отношеній, что еслибы отъ Вержболова до границы, а отъ Границы вдоль Карпатъ до устья Дуная воздвигнуть Гималайскій хребетъ, намъ все-же бы пришлось идти тою-же дорогой, какъ европейцы. Перенимать—выгоднѣе, экономнѣе, благоразумнѣе, да и безопаснѣе, чѣмъ орать «мыста да выста»...

Но спѣшу оговориться, западническія убѣжденія нисколько не мѣшали Тургеневу любить Россію. Вмѣстѣ съ Потугинымъ *онъ могъ-бы сказать:* «я люблю и ненавижу Россію, свою стран*ную, милую, скверную,* дорогую родину».

Еслибы теперь мнѣ предложили возможно короче опредѣлить міросозерцаніе Тургенева—я бы не употребилъ ни пошлаго слова «либералъ», ни неопредѣленнаго «западникъ», а сказалъ-бы, что нашъ великій писатель былъ прогрессистомъ и гуманистомъ. Человѣчность вотъ что одухотворяетъ его произведенія, вотъ что составляетъ ихъ красоту.

Какъ умъ европейски дисциплинированный, Тургеневъ не могъ, разумѣется, имѣть никакого пункта соприкасательства съ нашими доморощенными консерваторами или, какъ ихъ лучше звать, «охранителями». Нашъ консерватизмъ на самомъ дѣлѣ вещь странная, въ XIX-омъ вѣкѣ почти невѣроятная. Такъ или иначе, въ той или другой формѣ онъ—мракобѣсіе. Это совсѣмъ не то, что представляетъ изъ себя напр. англійскій консерватизмъ. Послѣдній эгоистиченъ, остороженъ, но онъ никогда не ломится въ открытую дверь и никогда не стучитъ лбомъ въ стѣну. Англійскіе консерваторы, исторически дисциплинированные, проводятъ въ жизнь смѣлыя демократизирующія общество реформы, какъ Дизраэли въ 66 г., какъ Салисбери въ 84 г. Они понижаютъ цензъ, увеличиваютъ число голосовщиковъ на парламентскихъ и муниципальныхъ выборахъ. Они понимаютъ, что задерживать исторію можно, но становиться ей поперекъ дороги—опасно и не къ чему. Русскій консерваторъ — это прежде всего добровольный соглядатай—въ худшемъ случаѣ, мистикъ—въ лучшемъ. Онъ знаетъ только одно, что надо поворачивать назадъ. Онъ стоитъ за розги въ школѣ, кнутъ—въ судѣ, крѣпостничество — въ деревнѣ. Его благополучную голову не смущаетъ даже мысль о томъ, что поворачивать назадъ не только глупо, но и невозможно. Но русскій консерваторъ убѣжденъ, что нѣтъ ничего на свѣтѣ сильнѣе розги или оффиціальной бумажки.

Тургеневъ не былъ и либераломъ въ европейскомъ смыслѣ слова. Западный либерализмъ живетъ формулой: «права, свобода, счастье *для собственника*»; Тургеневъ просто любилъ права, свободу, счастье, но не дѣлилъ человѣчество на чистыхъ и нечистыхъ. Онъ былъ гуманистомъ въ широкомъ смыслѣ слова.

Любилъ ли онъ мужика, народъ? Не столько любилъ, пожалуй, сколько видѣлъ въ мужикѣ человѣка, признавалъ въ немъ живую человѣческую душу и цѣнилъ ее. Онъ не народникъ, онъ не говоритъ, что надо учиться у мужика, что надо дѣлать такъ, какъ мужикъ хочетъ; онъ видитъ, что мужикъ грязенъ, невѣжественъ, голоденъ, что звѣрь еще сидитъ въ немъ, и желаетъ для него счастья, не особеннаго какого нибудь, вродѣ той

которое мерещилось прежде Достоевскому а теперь мерещится Толстому—а единственно возможнаго: основаннаго на знаніи, достаткѣ, правахъ.

Какъ гуманистъ, Тургеневъ безусловно искрененъ. Онъ гуманистъ не только по убѣжденіямъ, а по природѣ. Онъ прежде всего *добръ*, какъ человѣкъ, какъ художникъ. Не трудно замѣтить, что отрицательные типы не давались ему. Два-три урода выведены имъ въ «Запискахъ Охотника», къ нимъ онъ относится съ негодованіемъ, но что значатъ эти два-три типа въ громадной галлереѣ образовъ, созданныхъ имъ? Въ этомъ смыслѣ Ренанъ правъ, говоря:

«Его миссія была вполнѣ умиротворяющей. Онъ былъ какъ Богъ въ книгѣ Іова, творящій миръ на высяхъ. То, что у другихъ производило разладъ, у него становилось основой гармоніи. Въ его широкой груди примирялись противорѣчія, проклятія и ненависть обезоруживались волшебнымъ обаяніемъ его искусства...»

«Въ этомъ (гуманизмѣ) близость Тургенева съ народной душой, съ народной совѣстью. Заклейменный каторжникъ, убійца, жестокій истязатель для него прежде всего несчастный, которому слѣдуетъ сострадать. И Тургеневъ сострадалъ всѣмъ всю жизнь.

«Любовь—писалъ онъ—сильнѣе смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь»...

Изъ всемірно литературныхъ типовъ Тургеневъ выше всего цѣнилъ Донъ-Кихота. Почему?

«Жить для себя, заботиться о себѣ—говоритъ онъ—Донъ-Кихотъ почелъ-бы постыднымъ. Онъ весь живетъ, если можно такъ выразиться, *внѣ себя*, для другихъ, для своихъ братьевъ, для истребленія зла, для противодѣйствія враждебнымъ человѣчеству силамъ — волшебникамъ - великанамъ, т. е. притѣснителямъ. Въ немъ нѣтъ и слѣда эгоизма, онъ не заботится о себѣ, онъ весь—самопожертвованіе (оцѣните это слово!); онъ вѣритъ, вѣритъ крѣпко и безъ оглядки... Смиренный сердцемъ, онъ духомъ великъ и смѣлъ...»

Тургеневъ и самъ хотѣлъ порою, чтобы и его захватилъ и «закрутилъ порывъ вѣры, любви, самопожертвованія и не въ творчествѣ лишь, а въ жизни,—но «каждому свое»..

Въ Тургеневѣ не было злобы. Онъ оставался добрымъ, добродушнымъ, даже когда сердился. Иногда на словахъ онъ давалъ увлечь себя личному раздраженію, но это было лишь минутнымъ настроеніемъ. Великія слова: «миръ между людьми» и всепрощеніе были написаны на его знамени, какъ человѣка, мыслителя и художника.

КОНЕЦЪ.

DATE DUE			